

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ТРАДИЦИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

(памяти Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум)

Ответственный редактор проф. *К. А. Филиппов*

ББК 81.2Нем
Н50

Редакционная коллегия: д-р филол. наук, проф. *К. А. Филиппов* (отв. редактор), канд. филол. наук, доц. *Л. Н. Григорьева* (руководитель проекта), канд. филол. наук, доц. *К. В. Манерова* (секретарь)

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. *Е. А. Гончарова* (Рос. педаг. ун-т им. А.И. Герцена), д-р филол. наук, проф. *А. В. Зеленичиков* (С.-Петерб. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Памяти учителей — Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум: сб. статей / отв. ред. проф. К. А. Филиппов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. — 224 с.
ISBN 978-5-288-05253-8

В сборнике, посвященном очередному юбилею кафедры немецкой филологии и памяти германистов Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум, представлены самые разнообразные статьи: мемориальные очерки, освещающие жизненный путь и научное творчество этих выдающихся ученых; их ранее не опубликованные труды; а также статьи, в которых либо подробно рассматриваются отдельные значимые идеи этих крупнейших ученых, либо на основе высказанных ими частных положений развиваются собственные концепции авторов сборника.

Сборник предназначен для германистов и лингвистов широкого профиля.

ББК 81.2Нем

ISBN 978-5-288-05253-8

© Авторы статей, 2012

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Филиппов К. А., Григорьева Л. Н.).....	5
---	---

Об учителях (ad Memoriam)

<i>Филиппов К. А., Григорьева Л. Н.</i> О Льве Рафаиловиче Зиндере — Учителе с большой буквы.....	13
<i>Кацкова Т. А.</i> Памяти Учителя Т. В. Строевой (Сокольской).....	20
<i>Нефедов С. Т.</i> Гали Николаевна Эйхбаум: путь в немецкой филологии	34

Из неопубликованного

<i>Зиндер Л. Р.</i> Лингвистика текста и филология (Тезисы докладов научно-методической конференции «Просодия текста». М.: МГПИЯ им. М. Торе-за, 1982. С. 19–22).....	40
<i>Строева Т. В.</i> Ленинградская университетская школа немецкой филологии и ее роль в развитии романо-германского языкознания в СССР (Доклад на торжественном заседании в честь 50-летия СССР 1967 г.)..	43
<i>Эйхбаум Г. Н.</i> Универсальное и идеоэтническое я языке (из курса лекций по теоретической грамматике немецкого языка).....	49

О значении творческого наследия

<i>Бондарко Н. А.</i> Л. Р. Зиндер о проблеме становления немецкого национального языка (по материалам рукописного курса лекций «Введение в историю немецкого языка»).....	55
<i>Светозарова Н. Д., Пузейкина Л. Н.</i> Белые Вежи (первая научная работа Л. Р. Зиндера).....	74
<i>Филиппов К. А.</i> Размышления над тезисами одного доклада Л. Р. Зиндера... ..	98
<i>Баева Г. А.</i> Вопросы синтаксиса немецкого языка в трудах Т. В. Строевой... ..	104
<i>Кацкова Т. А.</i> Из теоретического наследия Т. В. Строевой: грамматический аспект	111
<i>Галич Г. Г.</i> О значимости взглядов Г. Н. Эйхбаум для когнитивной грамматики.....	119

<i>Нефедов С. Т.</i> Отрицание и модальность в концепции профессора Г. Н. Эйхбаум	129
<i>Голикова Н. А.</i> Проблемы местоименности в трудах Г. Н. Эйхбаум	137
<i>Григорьева Л. Н.</i> Классификации предложений по цели высказывания в трактовках Л. Р. Зиндера. Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум и их роль в со- временной лингвистике.....	143

В развитие идей и традиций

<i>Панкратова С. М.</i> К вопросу о сочетаемости и валентности	159
<i>Корышев М. В.</i> Семантический потенциал форм категории наклонения в нижненемецких диалектах Российской Федерации	167
<i>Манерова К. В.</i> Развитие и употребление сокращений в современном не- мецком языке	181
<i>Пономарева Т. В.</i> Немецкие заимствования XII–XVIII веков в русском языке.....	202
Об авторах.....	222

Предисловие

Предлагаемый сборник статей представляет собой естественное продолжение выпущенной в 2001 г. кафедрой немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета книги «Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете: традиции и современность (к 80-летию кафедры немецкой филологии)».

Поводом для издания предлагаемого сейчас вниманию читателей сборника послужили не только очередной юбилей самой кафедры, но и серия юбилеев виднейших германистов, работавших в Ленинградском — Петербургском университете. Так, в 2004 г. широко отмечался 100-летний юбилей Льва Рафаиловича Зиндера (1904–1995), в 2007 г. — юбилей его верного друга, соратника и соавтора Татьяны Викторовны Строевой (1907–1981), на тот же 2007 г. выпал и 80-летний юбилей Гали Николаевны Эйхбаум (1927–1992). К сожалению, в данном сборнике нет статей, посвященных А. В. Федорову, 100-летие которого было отпраздновано в 2006 г. Это связано, в первую очередь, с тем, что юбилей А. В. Федорова уже был отмечен выходом в 2008 г. сборника «Очарование филологии», большинство статей в котором написаны его учениками, членами кафедры немецкой филологии.

Подготовка к изданию второго выпуска кафедрального сборника под названием «Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете: памяти учителей», непосредственно посвященного Л. Р. Зиндеру, Т. В. Строевой и Г. Н. Эйхбаум, знаменующего собой также ряд других важных дат в истории и жизни кафедры немецкой филологии СПбГУ, началась в 2008–2009 гг. Если первый сборник этой серии был посвящен 80-летию, то выход второго выпуска

связан со следующей знаменательной датой — 90-летием немецкой филологии в Санкт-Петербургском (Петроградском, Ленинградском) университете. История, однако, не всегда столь однозначна, потому что многие факты не могут быть доподлинно установлены, как, например, в случае с датой основания кафедры немецкой филологии.

Из истории кафедры достоверно известно следующее. Зарождение собственно германской (немецкой) филологии относится ко времени, когда с 1888 г. в университете начал работать Ф. А. Браун, который сначала преподавал немецкий язык, а затем с 1905 г. читал курс немецкой словесности по кафедре зарубежных литератур и завершил свою преподавательскую деятельность в 1918 (или 1919) г. Известно также, что с 1920 г. кафедру германской филологии возглавил В. М. Жирмунский, хотя документов, официально подтверждающих возникновение кафедры и то, каким образом она продолжила то направление, которое зародилось до Октябрьской революции при Ф. А. Брауне, обнаружено не было. В 1933–1948 гг. в рамках кафедры германской филологии появляются три секции: английского, немецкого и скандинавских языков. В 1948 г. образуется кафедра германской филологии с двумя секциями: немецкой и скандинавской филологии. В 1955 г. к ней была вновь присоединена английская филология. И лишь с 1958 г. эти три кафедры: английской, немецкой и скандинавской филологии — начинают функционировать как совершенно самостоятельные подразделения. За эти годы непростого развития кафедру на разных этапах возглавляли ведущие отечественные языковеды и германисты. После В. М. Жирмунского кафедру, тогда еще германской филологии, с 1948 по 1950 гг. возглавлял С. Д. Кацнельсон. В период 1950–1958 гг. — М. И. Стеблин-Каменский. С 1958 по 1960 г. во главе тогда уже кафедры под ее нынешним именем — немецкой филологии — снова встал В. М. Жирмунский. Затем почти 20 лет кафедрой руководил А. В. Федоров (1961–1979). В период с 1979 по 1990 гг. заведующей кафедрой была Г. Н. Эйхбаум. К сожалению, лишь непродолжительный период во главе кафедры пробыл В. А. Михайлов (1990–1991), скоростипажно скончавшийся, блестящий, но не успевший стать широко известным лексиколог. С 1991 по 2004 гг. кафедру возглавляла С. М. Панкратова. С 2004 г. заведующим кафедрой немецкой

филологии является К.А. Филиппов. В настоящий момент на кафедре работают 4 доктора и 18 кандидатов филологических наук, 11 преподавателей, а также два немецких лектора.

Таков краткий перечень основных вех в истории кафедры немецкой филологии, на основании коего, однако, не удастся достоверно зафиксировать отправную точку, которую можно было бы считать днем рождения кафедры немецкой филологии. Точная дата образования кафедры не может также, к сожалению, быть засвидетельствована на основании каких-либо документов — это вполне могли быть 1918, 1919 или 1920 гг. В 1920 г. — и этот факт уже имеет официальное подтверждение — во главе этой кафедры, основной сферой деятельности которой продолжает оставаться немецкий язык, встает Виктор Максимович Жирмунский. При праздновании 80-летнего юбилея было решено совместить эту дату с 275-летием Санкт-Петербургского университета. Из трех дат, несколько волюнтаристично, под влиянием момента был сделан выбор в пользу 1919 г., хотя с таким же правом это мог оказаться и 1918 или 1920, если не 1905 или даже 1888 г.

Таким образом, празднование 90-летнего юбилея пришлось на 2009 г. В ознаменование этой даты на кафедре немецкой филологии был организован ряд мероприятий: проведено мемориальное заседание кафедры, выпущен плакат, на сайте кафедры была представлена флэш-галерея, а также началась подготовка к изданию специального сборника, предлагаемого сейчас вниманию читателей. Кроме этого, кафедра получила 2 апреля 2009 г. чудесный подарок — дар консульства Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге — поэтический вечер «Баллады в новой интерпретации» известного немецкого актера и чтеца Отто Штеффля, исполнившего под музыкальное сопровождение знаменитые стихотворные произведения двух великих немецких поэтов — Фридриха Шиллера и Генриха Гейне. Знаменательно, что это мероприятие совпало по дате проведения с важными моментами в стране изучаемого языка — с 20-летием падения Берлинской стены. Интересен также тот факт, что немецкие историки увязывали данное событие еще с двумя немаловажными историческими датами, с 60-летием образования на немецкой земле двух государств — ФРГ и ГДР, а многие также с 90-летием Веймарской республики. И кафе-

дра немецкой филологии вполне могла бы отметить не только свой 90-летний юбилей зарождения германской (немецкой) филологии в стенах Санкт-Петербургского университета, но и 60-летие секции немецкой филологии или 50-летие существования кафедры уже непосредственно под тем именем, под которым она продолжает жить и сейчас — кафедры немецкой филологии.

Сборник, посвященный очередной юбилейной дате, было решено увязать с памятью учителей, внесших неоценимый вклад в развитие немецкой филологии. Поэтому первый раздел состоит из статей, содержащих воспоминания и общий обзор жизни и творчества этих виднейших представителей не только Ленинградской–Санкт-Петербургской, но и всей отечественной германистики. В каждой из мемориальных статей, написанных К. А. Филипповым и Л. А. Григорьевой, Т. А. Кацковой, С. Т. Нефедовым с большой теплотой и искренним уважением, перед нами предстают эти необыкновенные ученые, педагоги и личности — Лев Рафаилович Зиндер, Татьяна Викторовна Строева, Гали Николаевна Эйхбаум. Каждый из них уникален и талантлив по-своему, но всех их объединяет одно общее — искреннее служение науке.

Во второй раздел вошли труды самих Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой и Г. Н. Эйхбаум, которые либо вообще не были опубликованы, либо выходили в свет очень ограниченным, практически недоступным тиражом. Эти работы позволяют лучше ощутить индивидуальность авторов и присущую каждому из них манеру изложения. В приведенных здесь отрывках ощущаются и дух эпохи, и в то же время ростки самых современных лингвистических идей, не потерявших и по сию пору своей актуальности.

Третий раздел представляет собой глубокий анализ целого ряда идей, заложенных в творческом наследии наших учителей. Первые три статьи посвящены творческому наследию Л. Р. Зиндера, последующие две — значимости работ Т. В. Строевой, а три последние — основным идеям, содержащимся в трудах Г. Н. Эйхбаум.

Так, в своей статье Н. А. Бондарко приводит обширные выдержки из курса лекций Л. Р. Зиндера, которые ранее никогда не становились достоянием научной общественности. В статье дается интерпретация комментируемых положений Л. Р. Зиндера и их привязка к конкретной исторической ситуации; подчеркиваются

особенности его научного мировоззрения и актуальность его идей, выдвинутых в этом курсе лекций, особенно если учесть, что анализируемому тексту уже свыше 70 лет. В статье Н. Д. Светозаровой и Л. Н. Пузейкиной объектом научного описания становятся самые начала исследовательской деятельности Льва Рафаиловича Зиндера, в частности его дипломная работа и первая публикация по ее результатам, в которых описаны материалы, собранные в немецкой колонии в селе Белые Вежи Черниговской области УССР. В статье приводится каталог записи народных немецких песен, сделанный Л. Р. Зиндером в ходе диалектальных и фольклорных экспедиций в немецкие колонии в конце 1920 — начале 1930-х годов. Известно, что он принял участие в 7 экспедициях из 23, из сохранившихся 82 записал 57 валиков, среди них 212 песен. Статья К. А. Филиппова посвящена подробному анализу опубликованных в этом же сборнике тезисов доклада Л. Р. Зиндера, где во главу угла ставится необходимость изучения фонологических характеристик текста. Для данного нового направления в лингвистике текста Л. Р. Зиндер предлагал даже специальное название — суперсегментная фонология или интонология, в рамках которой объектом изучения должны стать явления фонетического уровня языка как средства связности текста. К. А. Филиппов подчеркивает прозорливость ученого, определившего одно из новых актуальных направлений в изучении речевых произведений.

Г. А. Баева подробно останавливается на разработке синтаксических проблем в творческом наследии Т. В. Строевой, подвергая анализу две ее диссертации: кандидатскую, написанную в 1936, и докторскую, защищенную в 1951 г. В статье подчеркивается свойственное Татьяне Викторовне Строевой стремление рассматривать все языковые явления в их совокупности, не как нечто статистически застывшее на определенном этапе развития языка, а как систему, находящуюся в непрерывной динамике. Так, в своей докторской диссертации Т. В. Строева делает новаторские выводы о формировании в эпоху становления новонемецкого нового вида категории наклонения. В статье Т. А. Кацковой подчеркиваются в первую очередь индивидуальность Т. В. Строевой как ученого, ее роль в творческом союзе с Л. Р. Зиндером и ее собственные научные предпочтения, сконцентрированные в основном, помимо истории

языка, на диалектологии, лексикологии, лексикографии и, конечно же, грамматике немецкого языка. Особое внимание Т. А. Кацкова уделяет статье Т. В. Строевой «О прямом и обратном порядке слов в немецком языке» (1951), где автор предвосхищает многие появившиеся гораздо позже идеи, связывающие порядок слов с такими явлениями, как познавательная установка говорящего и актуальное членение предложения.

В статье Г. Г. Галич на примере работ Г. Н. Эйхбаум (статей и учебника по теоретической грамматике) рассматривается такое важное качество этого ученого, как присущий ей дар научного предвиденья. Идеи Г. Н. Эйхбаум о необходимости развития ономаσιологических исследований, о комплексном и интегративном подходе к языковым явлениям, об «укрупнении» грамматики, о взаимопроникновении лексики и грамматики, а также ее критика языкознания как «внутренней лингвистики» вплотную соприкасаются с современными положениями когнитологии и даже в чем-то опережают ее. Н. А. Голикова сосредотачивает свое внимание на одном частном моменте, получившем свое развитие в трудах Г. Н. Эйхбаум, — проблеме местоименных слов. Проанализировав ряд статей и монографии Г. Н. Эйхбаум, автор убедительно демонстрирует, что развитие лингвистики идет не только путем открытия новых объектов или аспектов изучения, но и путем возврата к ранее описанным явлениям в свете современных идей и методик. Так, Г. Н. Эйхбаум удалось внести заметный вклад в уточнение надчастеречного характера прономинативов, подчеркнув их полифункциональность и проводя различие между их парадигматическими и синтагматическими свойствами. В статье С. Т. Нефедова рассматриваются возможность толкования проблем модальности и отрицания в научном наследии Г. Н. Эйхбаум. На основе тщательного анализа ее курса лекций и ряда статей, а также в сопоставлении с работами других германистов, посвященных этим вопросам, С. Т. Нефедов демонстрирует всю оригинальность подхода к изучению языковых явлений, свойственную именно Гали Николаевне Эйхбаум — ее самое пристальное внимание к тому, что скрывается за обозначаемыми с их помощью явлениями, предметами и ситуациями, а также к тому, как они интерпретируются участниками коммуникативного акта и почему. Статья Л. Н. Григорьевой посвящена разработке проблемы класси-

фикации предложений по цели высказывания в работах Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой, а также их ученицы Г. Н. Эйхбаум (известно, что Гали Николаевна написала свою кандидатскую диссертацию под руководством Татьяны Викторовны Строевой). В процессе анализа вскрываются инновационные подходы данных авторов к изучаемой проблеме. Далее в статье представлена эволюция обсуждаемых ими идей в работах отечественных и зарубежных германистов, а также их преломление в современной трактовке прагматического аспекта предложения.

В последнем разделе сборника представлены статьи, непосредственной темой которых стали не сами труды Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой и Г. Н. Эйхбаум; их отправной точкой послужили отдельные лингвистические концепции названных ученых, позволившие авторам развить собственные оригинальные идеи. С. М. Панкратова анализирует некоторые разделы из «Пособия по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка» Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой. Так, отталкиваясь от высказанной ими идеи о сочетаемости и семантической валентности слов, С. М. Панкратова развивает и уточняет понятия сочетаемости и валентности. А обращаясь к рассмотрению фразеологических единиц, она указывает на такие их свойства, выделенные Л. Р. Зиндером и Т. В. Строевой, как активность и изменчивость, что позволило предвосхитить идеи вариативности, подхваченные и развитые в работах, появившихся гораздо позже. В статье М. В. Корышева в соответствии с традициями изучения диалектов российских немцев, заложенными в свое время Л. Р. Зиндером и Т. В. Строевой, анализируются средства выражения разных видов модальных значений на материале нижненемецких говоров. В качестве основной особенности данных диалектов называется отсутствие грамматикализации кондиционалиса и использование при выражении ирреалиса транспонированных временных форм индикатива. В статье К. В. Манеровой показано, как вскользь упомянутые Л. Р. Зиндером и Т. В. Строевой сокращенные слова могут стать и становятся предметом самостоятельного изучения. Автор статьи подробно рассматривает причины появления аббревиатур, их виды, словообразовательные и номинативные потенции, а также их возрастающую роль в новых медийных видах коммуникации. Т. В. Пономарева,

так же как и К. В. Манерова, отталкиваясь от небольшого замечания Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой о заимствованных словах, рисует подробную и вызывающую неподдельный интерес картину заимствований из немецкого языка, приходивших в русский язык на протяжении многих веков.

Таким образом, вниманию потенциальных читателей предлагается разнообразный и необыкновенно интересный по содержанию сборник, отражающий динамическое развитие германистических идей на протяжении долгих десятилетий. Хочется верить, что данная традиция — чтить память учителей, осваивать оставленные ими традиции, претворять их в жизнь и развивать в русле новейших лингвистических направлений — найдет свое продолжение и в будущем.

К. А. Филиппов, Л. Н. Григорьева

ОБ УЧИТЕЛЯХ (AD MEMORIAM)

К. А. Филиппов, Л. Н. Григорьева

О Льве Рафаиловиче Зиндере — Учителе с большой буквы

Лев Рафаилович Зиндер с полным правом считается одним из самых выдающихся филологов Санкт-Петербургского–Ленинградского университета. Его научные интересы отличала необыкновенная широта — от общего языкознания и экспериментальных методов в лингвистике до истории и диалектологии немецкого языка. Научно-педагогическая деятельность Л. Р. Зиндера никогда не была непосредственно связана с кафедрой немецкой филологии, и он никогда не являлся ее штатным преподавателем, но его прочно связывали с ней научные и педагогические интересы. Так, долгое время он читал лекционные курсы по теоретической грамматике и теоретической фонетике немецкого языка, выступал с докладами и рецензиями. Его влияние на жизнь кафедры было очень велико. Объективную картину немецкой филологии в Санкт-Петербургском университете вообще невозможно представить себе без его творчества и участия.

Л. Р. Зиндер является одним из немногих отечественных германистов, информация о котором широко представлена в современных источниках информации — на различных Интернет-сайтах. Так, там можно обнаружить сведения о том, что он являлся одним из наиболее последовательных учеников Л. В. Щербы и хранителем традиций Ленинградской фонологической школы, вплоть до 1990-х годов он активно полемизировал с Московской фонологической школой. В виртуальных энциклопедиях указывается, что Л. Р. Зиндер является автором многочисленных работ в области фонетики, фонологии, германистики и прикладной лингвистики. В интернете широко представлены также его труды, особенно

по общему языкознанию, пользующиеся до сих пор огромным спросом у современного поколения студенчества.

Если проследить жизненный путь Льва Рафаиловича, то он отмечен следующими важными вехами.

Свою трудовую деятельность он начал в 1919 г. библиотекарем в Киеве. С 1923 г. его жизнь оказывается связанной с нашим городом — Петроградом, Ленинградом, Санкт-Петербургом. В 1924 г. он поступил на романо-германское отделение нашего университета. Именно в это время происходит знакомство Л. Р. Зиндера с Татьяной Викторовной Строевой (Сокольской) — другом и соавтором на долгие годы. Вот как описывает этот эпизод сама Т. В. Строева: «И вот в тот день, о котором я пишу, Виктор Максимович Жирмунский, тогда еще только профессор, не академик, собрал всех германистов всех курсов, а также и окончивших недавно и произнес речь, традиционную для этих случаев, для начала года. Народу было порядочно, и я чувствовала себя неуютно в этом множестве (человек 30?) незнакомых и, как мне казалось, очень умных лиц. Кончая свою речь, Жирмунский сказал: “Поступивших на первый курс, прошу поднять руки!”. Я подняла руку, оглянулась: где-то у противоположной стороны поднялась еще одна рука, чья — мне не было видно. Все разошлись, и, уже выходя из подъезда, я услышала позади себя мужской голос: “Коллега, если уж нас всего двое на курсе, давайте познакомимся!” Я обернулась и увидела юношу со смуглым, красивым лицом и длинными черными волосами, вроде как у Гоголя, — это был Лев Рафаилович Зиндер, Лева Зиндер, дружба с которым, сильная, нежная и прочная, связывает меня вот уже почти 55 лет» (Строева 2006: 89–90).

Учебу в университете Л. Р. Зиндер закончил в 1928 г., и уже с 1929 г. началась его педагогическая и научная карьера. Сначала он работал в кабинете экспериментальной фонетики при кафедре общего языкознания под непосредственным руководством Л. В. Щербы, а затем на кафедре немецкого языка. В 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную фонологии немецкого языка. Когда разразилась война, Лев Рафаилович в 1941 г. ушел в народное ополчение, а затем до окончания войны был переводчиком при штабе Ленинградского фронта. За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды. В 1970-е и 80-е годы на стендах филоло-

гического факультета, посвященных юбилейным победным датам, нередко можно было увидеть его фотографию военных лет. И, честно говоря, нас, в то время студентов и молодых преподавателей, охватывало щемящее чувство гордости. Хотя, надо отметить, сам Лев Рафаилович практически никогда не вспоминал об этом тяжелом времени и о войне.

После окончания войны Л. Р. Зиндер вернулся в университет и работал сначала в должности доцента, а затем после защиты докторской диссертации в 1955 г. профессором. В конце 1950-х — начале 1960-х годов он занимается созданием отделения и кафедры математической лингвистики, и в 1962–1964 гг. становится заведующим этой кафедрой. Затем он возвращается на кафедру фонетики и методики преподавания иностранных языков и в течение более десяти лет (с 1966 по 1976 гг.) заведует уже этой кафедрой. Тогда же совместно со специалистами по акустике и теории связи он проводит актуальные, имевшие большое прикладное значение научные исследования в области прикладной лингвистики: автоматическое распознавание речи, синтез речи, передача речи по каналам связи.

Л. Р. Зиндер был ученым энциклопедических знаний, университетским профессором в подлинном смысле этого слова. Учителем с большой буквы. Своим наставником, проводником в мире лингвистики его считали не только студенты, аспиранты и докторанты, которым посчастливилось слушать его лекции, участвовать в его семинарах, получать консультации. Своим учителем его считали также те, кто не был знаком с ним лично, но усваивал его идеи по книгам и статьям.

В 1979 г., в канун своего 75-летия, Л. Р. Зиндер решил устроить встречу своих учеников, бывших аспирантов и докторантов, для того чтобы они могли познакомиться друг с другом лично. Надо сразу сказать, что из его первоначальной затеи — ограничиться встречей аспирантов и докторантов — ничего не вышло. Это собрание выросло в грандиозное (по количеству гостей) и глубоко личное мероприятие, на которое приехали гости из самых разных уголков страны: из Сибири, Средней Азии, Прибалтики, с Украины и Кавказа. Одно перечисление имен лингвистов, считающих (и считавших) себя учениками Л. Р. Зиндера, займет немало времени, среди них нынешний президент Санкт-Петербургского универси-

тета Л. А. Вербицкая, профессора Л. В. Бондарко, Н. Д. Светозарова, Г. Н. Эйхбаум, Ф. Е. Вейсалов, И. Д. Копцев, В. В. Наумов, Э. А. Нашикян, А. С. Штерн и многие другие. Своим примером он являл служение науке и тем самым снискал глубочайшее уважение в научном мире. Под его руководством были защищены около 80 кандидатских и 30 докторских диссертации. Поражал широкий охват тем, которыми он руководил: это и фонетика, и лексикология, грамматика, история языка и диалектология.

При этом Л. Р. Зиндер никогда не выставлял на передний план свое собственное научное творчество. Он всегда скромно подчеркивал, что целью его изысканий является сохранение и развитие идей его учителей и прежде всего — Льва Владимировича Щербы. Л. В. Щерба, в свою очередь, очень высоко оценивал потенциальные возможности своего ученика и считал его, как он пишет в одном из своих писем, «...лучшим своим учеником, к которому я отношусь, как к родному сыну». Верность своему учителю Л. Р. Зиндер пронес через всю свою жизнь, следование идеям Л. В. Щербы видно во всех его работах. Именно от своего учителя Лев Рафаилович унаследовал внимание к системности языковых явлений, а рассмотрение речевой деятельности как реализации потенциальных возможностей системы в духе Л. В. Щербы обусловили многообразие его научных интересов. Л. Р. Зиндер превратил кафедру фонетики и методики преподавания иностранных языков в «фонетическую Мекку», и все, кто хотел в те годы заниматься фонетикой, устремлялись туда. По словам Л. В. Бондарко, сменившей Льва Рафаиловича на посту заведующего кафедрой, он был «воплощением порядочности, человечности, он передал нам уважение к личности “отца-основателя”, знание и понимание работ Л. В. Щербы».

Однако было бы весьма нелепым заблуждением считать Л. Р. Зиндера простым подражателем своего, пусть даже великого, учителя. Он сам был выдающимся ученым XX в., языковедом широчайшего научного диапазона, самобытным исследователем, тонким наблюдателем, эталоном научного совершенства. И может быть, именно потому, что Л. Р. Зиндер никогда не скрывал своей благодарности по отношению к Л. В. Щербе, все его ученики гордятся тем, что он был их наставником. Так, выдающийся скандинавист, лексиколог и лексикограф В. П. Берков в своем интервью радиостанции «Эхо Мо-

сквы» отнес Л. Р. Зиндера наряду с В. М. Жирмунским, М. И. Стеблиным-Каменским и Ю. С. Масловым к «представителям блестящей плеяды выдающихся ученых факультета».

Самыми характерными чертами Льва Рафаиловича Зиндера, крупнейшего ученого и замечательного педагога, были простота и ясность. Глубина мысли совершенно непостижимым образом сочетались у него с четкостью изложения проблемы. Самыми простыми словами он мог выразить невероятно сложные мысли, запутаннейшие хитросплетения лингвистических фактов парадоксальным образом решались им невероятно легко. Но за такой кажущейся легкостью стоял гигантский ежедневный труд ученого. В результате этой исполинской работы возникали совершенные научные произведения, в которых истина обретала свой несложный и понятный облик. Именно такими совершенными произведениями являются книги Л. Р. Зиндера «Общая фонетика» (2-е изд., 1979), «Очерк общей теории письма» (1987), «Теоретический курс фонетики немецкого языка» (1997) и многие другие. Его «Общая фонетика» и по сей день остается уникальным учебным пособием, не случайно оно было переведено в Китае и во Вьетнаме.

Научное творчество Л. Р. Зиндера, особенно в области германистики, неотделимо от творчества его постоянного соавтора и научного единомышленника Т. В. Строевой. Этих ученых, как уже указывалось выше, связывала многолетняя творческая и личная дружба. Она началась в далекие студенческие времена, в 1924 г., когда, судя по их рассказам (об этом рассказывал и сам Л. Р. Зиндер, а теперь об этом можно прочитать и в изданных воспоминаниях Т. В. Строевой), на первое собрание студентов-германистов, проведенное В. М. Жирмунским, пришли только двое: Т. В. Строева и Л. Р. Зиндер. Это встреча оказалась символичной, потому что творческий союз Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой-Сокольской совершил настоящий прорыв в отечественной германистике. Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева в соавторстве выпустили «Современный немецкий язык», претерпевший три издания в 1938, 1941 и 1957 гг., «Пособие по теоретической грамматике и лексикологии» (1962), «Историческую фонетику» (1965) и «Историческую морфологию» (1968). (На более подробной характеристике этих книг по истории, теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка мы не будем

здесь останавливаться, поскольку в следующем очерке о Татьяне Викторовне Строевой Т. А. Кацкова делает это очень тщательно и детально.)

Имена Льва Рафаиловича и Татьяны Викторовны вполне могут быть вписаны в историю отечественной германистики золотыми буквами. Они ознаменовали собой продолжение блистательной эпохи развития германистики в стенах Ленинградского–Санкт-Петербургского университета.

Лев Рафаилович был прекрасным преподавателем, его отличала исключительная преданность любимому делу, глубокая порядочность, удивительно мягкое и скромное личное обаяние, которое отмечали все, кому приходилось сталкиваться с ним. Практически все наши сокурсники, закончившие университет в 1976 г., которым повезло прослушать его курс лекций по теоретической грамматике (в последующие годы данный курс читала уже Гали Николаевна Эйхбаум), до сих пор помнят лекции в его исполнении. Так, Е. М. Крепак, долгие годы бессменно ведущая занятия по грамматике для студентов-первокурсников, всегда объясняет тему употребления артикля исходя из ее трактовки Л. Р. Зиндером, отпечатавшейся в ее памяти благодаря прочитанной им когда-то лекции.

Бывшие студенты Л. Р. Зиндера, среди которых и авторы настоящего очерка, в мельчайших подробностях помнят, например, лекцию, посвященную классификации предложений по цели высказывания, а точнее, — выделению оптативных предложений (*Wunschsätze*). Особенно большое впечатление произвела система доказательств правомерности выделения данного типа предложений. Лев Рафаилович полагал, что в основу коммуникативной классификации предложений должны быть положены два основных момента: намерение говорящего и грамматическая форма предложения. Под последней он понимал порядок слов или иные грамматические маркеры, характерные именно для данного типа предложений. Первый момент проявляется в том, что говорящий ставит своей целью передать партнеру по коммуникации свое реальное, потенциальное или нереальное желание, второй же — в том, что данные предложения имеют форму псевдопридаточных (отсюда вытекает соответственно специфический порядок слов в двух вариантах — союзном или бессоюзном). Характерно, что этот тип пред-

ложений закрепился в германистической традиции (ср. Эйхбаум, Agricola), причем не только в трудах по теоретической грамматике, но и в учебниках по практической грамматике.

Весь этот материал был преподнесен Львом Рафаиловичем в присущей ему спокойной манере (свои лекции он всегда читал стоя и не заглядывая ни в какие конспекты), предельно четко, ясно и понятно. Вспоминается даже композиция данной лекции — она была выстроена по принципу кольца (начало совпадало с концовкой), а ее жанровая форма — как полемическая дискуссия со сторонниками противоположного мнения.

О том, что Лев Рафаилович Зиндер был настоящим Учителем в самом широком смысле этого слова, вспоминают многие из тех, чьи жизненные пути пересекались с ним. Так, заведующая кафедрой иностранных языков из Новгородского университета, в свое время изучавшая германистику в Ленинградском университете, М. Н. Андрушихина вспоминает о том, как Лев Рафаилович проводил для студентов экскурсию в Эрмитаже и открыл для нее мир фламандской и голландской живописи и художника, ставшего впоследствии ее любимым, — Франса Снейдерса. Ведь настоящий учитель учит не только своему предмету, но передает ученикам свою любовь к дорогим для него вещам, свое видение мира и свои человеческие качества.

Большое спасибо Льву Рафаиловичу за все то, что он вложил в нас, его учеников. Ведь это позволило нам стать теми, кто мы есть. Мы с благодарностью подхватили переданную нам эстафету и готовы нести ее дальше, сверяя нашу преподавательскую и научную деятельность с установленной им высокой планкой.

Памяти Учителя Т. В. Строевой (Сокольской)

В моей профессиональной судьбе Т. В. Строева занимает особое место. Именно благодаря, в первую очередь, ей я обрела вкус и интерес к научной и педагогической работе, которая стала стержнем всей моей трудовой биографии. Будучи студенткой, я прослушала все её курсы, писала у неё диплом, была ее аспиранткой, защищала под ее руководством кандидатскую диссертацию. Не без ее моральной поддержки и участия сделала позже трудный выбор, определивший мой дальнейший жизненный путь. И после ухода из университета Т. В. Строева принимала во мне живое и заинтересованное участие. Она хотела, чтобы я продолжала начатые в аспирантуре научные штудии и сильно огорчилась, когда узнала, что меня как целевую аспирантку кафедры немецкого языка оставляют заведовать этой кафедрой. Впрочем, спустя несколько дней она пригласила меня к себе на дачу в Лисий Нос, где торжественно вынесла свой вердикт: «Мы с Львом Рафаиловичем подумали и решили: межфаку тоже нужны хорошие германисты». Это был комплимент и своего рода благословение обоих моих учителей. Они имели право так сказать, потому что начало их деятельности в университете (более 10 довоенных лет) было связано именно с общеуниверситетской («межфакультетской») кафедрой иностранных языков, на основе которой уже после войны, в 1948 г. были созданы кафедры немецкого, английского и французского языков. Тогда я еще довольно смутно представляла себе основополагающую роль этих ученых в формировании принципов обучения иностранному языку на неязыковых факультетах университета. Осознание это пришло позже, когда я уже проработала несколько лет на кафедре немецкого языка, особенно в ходе подготовки к празднованию 30-летия кафедры в 1978 г.

На торжественном заседании, посвященном юбилею, почетными гостями были М. Л. Тронская, Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева, И. М. Смолянский. Каждый из них выступил с приветственными словами и воспоминаниями. К величайшему сожалению, тогда не велись ни магнитофонные, ни стенографические записи их интереснейших выступлений. Память сохранила лишь ощущение значительности

и неповторимости происходившего: перед нами была живая легенда — те, кто полвека назад стоял у истоков кафедры. Правда, кое-что всё же удалось до некоторой степени «документировать».

За год до юбилея мы, молодые члены кафедры, записывали по просьбе нашей заведующей Н. В. Спижарской воспоминания старейших членов кафедры. Мне выпало беседовать с Т. В. Строевой и И. М. Смолянским. И. М. Смолянский, младший сокурсник Т. В. и Л. Р., закончивший университет в 1930 г., оформил свои записки в виде целого очерка под названием «Первое десятилетие», выдержанного в строгой, академической манере. Т. В. тоже обещала записать свой живой, эмоциональный рассказ, но не успела.

В последние годы жизни Т. В. работала над «Воспоминаниями» — не законченной ею книгой, издание которой в 2006 г. было подготовлено профессором СПбГУ Н. Д. Светозаровой и сыном Т. В. С. С. Строевым. В ней Т. В. описывает свое детство и юность, включая годы учения в университете (1924–1928). На этом «Воспоминания», к сожалению, обрываются.

Биографический очерк «Татьяна Викторовна Строева» (1907–1981), составленный Н. Д. Светозаровой и помещенный в конце книги, так же как и библиография трудов Т. В., дают представление о диапазоне её научной деятельности, однако страница, связанная с преподаванием немецкого языка в стенах университета после его окончания, осталась малоизвестной. На ней хотелось бы остановиться подробнее, пользуясь ее собственными воспоминаниями и записками И. М. Смолянского, опубликованными в книге: *Lehrstuhl für deutsche Sprache = Кафедра немецкого языка. 1948–2008: Сборник, посвященный 60-летию кафедры.* СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.

Однако прежде о годах моей собственной учебы в университете, когда мы в течение 5 лет приобщались, вернее, наши преподаватели приобщали нас — с большим или меньшим успехом — к той ёмкой и серьёзной сфере знаний, которая именуется германистикой.

Моему поколению, обучавшемуся на немецком отделении филологического факультета ЛГУ в 60-х годах прошлого века, повезло вдвойне.

Мы еще застали лекции такого мэтра германской филологии, как В. М. Жирмунский, имя и труды которого уже тогда были хрестоматийными.

С другой же стороны, на это время пришелся расцвет научно-педагогической деятельности тех из плеяды наших учителей, кто еще при жизни составил славу и гордость отечественной германистики, учеников В. М. Жирмунского, Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой.

Для нас, как и для многих других германистов, эти два имени были неотделимы друг от друга.

В расписании тех лет, составленном для студентов немецкого отделения III–IV курсов, лекции, спецкурсы и семинары распределялись следующим образом: «Теоретическая грамматика» — Л. Р. Зиндер; «История немецкого языка» (лекции) — Т. В. Строева; «История немецкого языка» (семинары) — Л. Р. Зиндер; «Лексикология» — Т. В. Строева; «Немецкая диалектология» — Т. В. Строева; «Словообразование» (спецкурс) — Т. В. Строева.

Другие дисциплины и аспекты преподавались младшими коллегами и учениками Т. В. и Л. Р.

В прослушанных нами лекциях отразилось многое из того, что позже появилось в книгах, написанных Т. В. и Л. Р. и предназначенных в качестве учебных пособий в первую очередь для студентов-германистов. Мы же, тогдашние студенты, могли, счастливики, черпать все свои знания из первоисточника — мы были свидетелями рождения того, что другие получали уже только из книг наших учителей.

Самой «ходовой», подручной книгой был для нас тогда «Современный немецкий язык». 3-е изд., перераб. М., 1957.

Лишь годами позже, уже набравшись профессиональной эрудиции, я смогла в полной мере оценить всю научно-методическую и концептуальную новизну этого труда.

Первое издание книги под названием «Научная грамматика немецкого языка» вышло в 1938 г. Он был рожден, по словам самих авторов, потребностями практического преподавания немецкого языка на общеуниверситетской кафедре (о чем речь пойдет дальше).

Адресованная прежде всего преподавателям, книга эта была по существу первой синхронной грамматикой немецкого языка, написанной русскими германистами. По ее примеру позже были созданы грамматики английского и французского языков.

Новаторский характер ее заключался в том, что господствовавшему тогда в мировой германистике младограмматическому направлению, которое признавало научными только исторические исследования, впервые было противопоставлено научное описание грамматического строя в синхронии.

Авторы сознательно отошли от простой констатации исторических изменений форм, от частных, «атомистических» толкований языковых явлений и перешли к принципиально иному — функциональному (ономазиологическому — «от значения к форме») принципу, переключавшемуся со щербовской «активной» грамматикой.

Тем самым на практике — в применении к конкретному языковому материалу — был воплощен новый общеметодологический подход, получивший широчайшее распространение спустя 2–3 десятилетия.

Здесь были заложены и основы грамматических категорий, включая, в частности, категорию соотнесенности, отражающую принципиально новый взгляд на суть и языковые функции артикля в немецком языке.

Остается лишь сожалеть, что в силу внешних обстоятельств (война!) осталась неопубликованной созданная авторами вслед за первой книгой «Формальная грамматика немецкого языка», воплотившая в себе возможности семасиологического («от формы к значению») подхода к языковым явлениям. Одобренная Л. В. Щербой, горячим сторонником концепции авторов, и представленная к печати, рукопись была утрачена в годы войны.

Новаторские черты «Научной грамматики немецкого языка» были развиты и углублены Л. В. и Т. В. во втором, еще довоенном издании (1941). Третье издание книги, переработанное авторами уже в послевоенные годы (1957), в связи с ее новым многоаспектным характером получило название «Современный немецкий язык», под которым она и вошла в историю отечественной германистики.

За прошедшие более полувека учебник не утратил своей научно-методической ценности, представляя собой комплексное описание немецкого языка как синхронической системы и как результата его исторического развития.

Вслед за книгой «Современный немецкий язык» вышло «Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка»

(Л., 1962). Это учебное пособие, по замыслу авторов, было предназначено не только иллюстрировать правила, не просто давать сумму знаний, а развивать у студентов самостоятельное лингвистическое мышление — принцип, которого неизменно придерживались Т. В. и Л. Р. в своих трудах, адресованных студенчеству.

В соответствии с такой концепцией в книге освещаются в первую очередь вопросы спорные, не имеющие однозначного решения, разбор которых авторы считают методически полезным, пробуждающим у студентов лингвистическую наблюдательность. Это и анализ категорий имени существительного, (включая категорию соотношенности), и проблемы предельности/непредельности глаголов, многозначности глагольных времен, порядка слов, и вопросы лексикологии и словообразования, взаимосвязи между компонентами сложных слов и др.

За этими двумя книгами последовали «Историческая фонетика немецкого языка» (М.; Л., 1965), «Историческая морфология немецкого языка» (М., 1968), а также примыкающий к ним «Практикум по истории немецкого языка» = *Einführung in das Studium der Sprachgeschichte*» (Л., 1977).

Каковы отличительные черты этих книг?

«Историческая фонетика немецкого языка» привлекательна тем, что она была фактически первым системным курсом исторической фонетики немецкого языка, которая написана с фонологической позиции. Так, весьма существенным моментом в позиции, занимаемой авторами, является теория фонологической реконструкции, практическое применение которой представлено в разделах книги, посвященных синхронным описаниям фонематики древних периодов и описаниям модификации фонем. Книга эта поистине может служить образцом ясности и простоты изложения — при всей сложности излагаемого материала. Весь текст разбит на параграфы, в каждом из них даны перекрестные ссылки, весь анализ ведется на глазах читателя. Характерно, что авторы не уходят от дискуссионных проблем, а излагают их нередко с полемическим задором.

Пособие учит студентов не только исторической фонологии, но и вообще методике работы с историко-лингвистическим материалом.

Следует заметить, что, несмотря на сложность и специфику рассматриваемой проблематики, сам текст не перегружен специальной

терминологией, что вообще типично для работ Т.В. и Л.Р. и так важно для такого жанра, как «учебная литература».

Сказанное в полной мере относится и к «Исторической морфологии немецкого языка», которая явилась продолжением «Исторической фонетики немецкого языка».

Цель «Исторической морфологии немецкого языка» — описать становление морфологической системы современного немецкого языка. В отличие от других учебников, используемых в обучении германистов, эта книга построена на функциональной основе. Иными словами, авторы шли от грамматических категорий и их разрядов к средствам их выражения. При таком подходе морфология предстает в системном развитии, а не просто в синхронных срезах, хотя и обусловленных диахронически.

Книга «Einführung in das Studium der Sprachgeschichte», несмотря на небольшой объем, дает сжатую и концентрированную информацию об истории немецкого языка под определенным углом зрения. Это филологическое осмысление становления морфологической и синтаксической систем немецкого языка на материале различных источников. В книге представлены образцы методики анализа древних текстов, на основании чего студенты подводятся к самостоятельному решению более сложных задач. Грамматико-лексический комментарий дополняется словарем, который позволяет не только чисто практически воспользоваться подручным материалом для перевода текстов, но и дает возможность более глубоко ознакомиться с вопросами исторической лексикологии.

Эти фундаментальные труды, которые и сейчас составляют основу образования германистов в нашей стране, явились результатом замечательного творческого союза Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой («лингвистического тандема», по выражению самой Т. В. Строевой). Он был подкреплен также и их большой личной дружбой, начиная со времени поступления в университет в 1924 г.

Это исключительно плодотворное сотрудничество длилось более полувека, вплоть до ухода Т. В. Строевой из университета в 1976 г. и ее преждевременной смерти в 1981 г.

Помимо пяти названных книг, научные исследования обоих ученых нашли отражение и в многочисленных других публикациях, написанных ими вместе или независимо друг от друга.

Из совместных работ наибольшую известность получила статья «Грамматическая категория соотнесенности имени существительного в немецком языке» (Ученые записки ЛГУ. № 301, вып. 60. Л., 1962), в которой дальнейшее развитие получает принципиально новая концепция артикля, сформулированная авторами впервые еще в их «Научной грамматике немецкого языка».

Большой резонанс и полемику в лингвистических кругах вызвала в свое время также другая их совместная статья — «К вопросу о применении статистики в языковедении» (Вопр. языкознания. 1968. № 6). Ряд публикаций Л.Р. и Т.В. посвятили В.М. Жирмунскому, которого считали своим учителем.

Однако у каждого члена «тангема» была и своя собственная научная ниша.

Из ранних самостоятельных работ Т.В. Строевой обращает на себя внимание глубиной разработки проблемы ее монография «Развитие сложноподчиненного предложения в немецком языке» (1940), написанная по материалам кандидатской диссертации, защищенной в 1936 г.

В послевоенный период, начиная с 50-х годов, после защиты докторской диссертации на одну из традиционно наиболее дискуссионных тем — «Модальность косвенной речи в немецком языке» (1951) — Т.В. Строева публикует ряд принципиально важных трудов, в числе которых статья о прямом и обратном порядке слов в немецком языке (1951), работы, посвященные проблемам разграничения слова и словосочетания (1962), тождества слова (1965). Под ее редакцией выходит коллективная монография «Многозначность и омонимия» (1966).

Вместе с тем многие ее научные планы остались нереализованными. Лишь посмертно учениками Т.В. был восстановлен по рукописям и издан курс «Немецкой диалектологии» (1985). Неопубликованными остались, как уже упоминалось, написанная совместно с Л.Р. Зиндером «Формальная грамматика немецкого языка», ее блестящие лекции по лексикологии, словообразованию, словарь ранне-нововерхненемецкого языка, созданием которого она руководила.

Возвращаясь мысленно вновь к 30-м годам прошлого века — предвоенному «первому десятилетию» — не могу не согласиться с Л. Найдич, которая в своей статье, посвящённой 100-летию со дня

рождения Л. Р. Зиндера (2004), назвала этот период «золотым веком» филологического факультета. Это определение, несмотря на все оговорки, связанные с известными трагическими событиями, происходившими тогда в нашей стране, не кажется мне преувеличением.

Вопреки всем ограничительным рамкам того времени, невзирая на административное и идеологическое давление сверху, бурное развитие мысли происходило тогда во всех сферах университетской науки. Это коснулось также, в частности, и преподавания иностранных языков.

После революции и примерно до середины 1920-х годов преподавание иностранных языков для неспециалистов все еще велось в унаследованной от прежних времен форме лекторского курса для всех желающих. Курс читался фронтально, посещаемость была свободной, контроля за усвоением материала не было. Соответственно этому давалась грамматика — «традиционная, очень громоздкая, неторопливая», по определению И. М. Смолянского.

Между тем к концу 1920-х годов, когда обучение становится массовым, приходит осознание значения иностранных языков и необходимости иных, ускоренных методов обучения.

В 1928 г. при кафедре романо-германской филологии ЛГУ, которой тогда заведовал В. М. Жирмунский, была создана так называемая «лекторская» группа для работы со студентами различных факультетов. Группа состояла из двух выпускников немецкого цикла — Л. Р. Зиндера и Т. В. Сокольской (Строевой). Позже к ним присоединились выпускники 1930 г. С. А. Акулянец, И. М. Смолянский и др. — в основном «немцы». Поскольку особое значение в развитии страны придавалось естественным наукам, преобразования начались с физико-математического, геологического, биологического, географического факультетов.

Вот как описывает Т. В. свою первую группу студентов-географов, в которую она пришла осенью 1929 г.: «В группе были одни мужчины, взрослые, все старше (Т. В. был тогда 21 год. — *прим. автора*) и выше меня ростом. Лица загорелые, обветренные, одеты и обуты плохо, некоторые после командных курсов, имея за спиной опыт гражданской войны, в лучшем случае после рабфака, а часто буквально «от сохи». Полуголодные, в столовой налегали на хлеб

с горчицей, которые были бесплатными. Группы большие, человек 30 — конца не видно. Знаний не было, но был невероятный интерес, горение. Взрослые мужчины буквально плакали, если что-то не получалось».

И дальше об учебном процессе:

«Программ не было никаких. Учебников практически тоже не было, их переписывали от руки. Из двух существующих учебников популярен был учебник Руса для начинающих. Основу его составляла морфология (прежде всего «глагол»). Синтаксиса не было. Все, что не морфология, вообще именовалось «идиоматикой». Тексты шли примитивные и сентиментальные. Печальную известность приобрела растянувшаяся на несколько параграфов история обиженной и эксплуатируемой извозчицей лошади (Droschkengaul)».

Молодому поколению, пришедшему в эти годы к университетскому преподаванию, пришлось искать иные пути, новые методы обучения, опираясь на свою филологическую подготовку, свои лингвистические и общеметодические убеждения, наконец — на свое чувство современности.

В их распоряжении были труды Пауля, Вильманса, Вундерлиха, Бегагеля и др. Однако в отношении грамматических идей, по мнению Т. В., они больше всего были обязаны русской грамматической традиции, выдающимся представителем которой был их учитель Л. В. Щерба, пользовавшийся большим авторитетом как ученый. В развитии науки о языке он стоял на рубеже двух эпох — младограмматической и новой эпохи, связанной на Западе с именем Фердинанда де Соссюра и направлениями европейского структурализма. Л. Р. и Т. В. не только учились, но и затем работали под его руководством. Со слов И. М. Смолянского, а также других работавших тогда преподавателей, Л. В. Щерба проводил с ними практические занятия по методике, читал лекции на различные темы.

Главнейшими из его принципов обучения были: работа над текстом — «многочтение» («километры прочитанных строк») и разделение грамматики на «активную» и «пассивную».

Тем временем «лекторская группа» разрасталась, что потребовало организационных изменений — появились старшие преподаватели по факультетам. Какое-то время Т. В. была «старшей» по

биофаку. По ее воспоминаниям, биологи относились к иностранному языку очень серьезно. Так, профессор кафедры беспозвоночных В. А. Догель требовал от своих третьекурсников знания на немецком языке описания беспозвоночных в немецких атласах Кюкентала и других авторов.

Следующим организационным шагом было создание в 1932 г. на базе лекторской группы кафедры иностранных языков, заведующим которой был назначен Л. Р. Зиндер, а заместителем и старшим методистом Т. В. Строева. В ее обязанности входила не только организация деятельности кафедры, включая проведение немецких «подкафедр», но и весьма многоплановая методическая работа. Кроме того, ей приходилось постоянно участвовать в обследовании школ, читать лекции учителям города, рецензировать выходящие учебники и словари.

Поиски новых путей в обучении иностранным языкам приводили нередко к причудливому экспериментаторству. Сама организация учебного процесса испытывала сильнейшие сотрясения, о которых с юмором рассказывала Т. В.:

«В те годы все постоянно менялось, и надо было непрерывно переквалифицироваться. Вместо семидневной недели вдруг вводились “5-дневки”, а потом “10-дневки”. Оценки то были, то вдруг их снова отменяли. То вдруг объявлялась одна самостоятельная работа студентов, и мы только должны были ходить и смотреть, как они занимаются. Был еще какой-то “Дальтон-план”. В 30-е годы одно время признавался только лабораторно-бригадный метод. Тогда мы с Л. Р. написали свою программу, в которой доказывали, что до Perfekt’a материал можно изучать бригадным методом, а дальше нельзя. Нас критиковали, был целый скандал, но все же наша программа прошла!» — закончила свой рассказ Т. В., озорно улыбаясь. — «Бороться всегда надо!» — добавила она в заключение и, видимо, в назидание нам, молодым соглашателям.

Первая программа, которая была составлена на основе опыта преподавания в те годы и подписана Л. Р. Зиндером и Т. В. Строевой, относится к 1934/1935 учебному году. Она содержала в себе, по крайней мере, два новых принципа обучения.

Во-первых, основной целью занятий была выработка у учащихся умения читать иностранную литературу по специальности. Эта

задача соответствовала традициям русской методической школы: в основе всего — работа с книгой.

Во-вторых, новой (иной) стала в связи с этим подача грамматического материала. Для преподавания, ставившего себе целью обучить чтению иностранной научной литературы, определяющим стал пассивный аспект грамматики, т. е. рецептивная грамматика. Этот требовало более строгого отбора языковых средств, причём допускалось сопоставление с русским языком (в дальнейшем «сравнительно-сопоставительный метод»). Придавалось также большое значение и принципам изложения грамматики: оно должно было быть по возможности простым, но вполне научным, т. е. лингвистически грамотным.

Излишне говорить, что эти принципы неукоснительно соблюдались во всех работах Т. В. Строевой и Л. Р. Зиндера.

С присоединением в 1937 г. кафедры иностранных языков к кафедре фонетики заведующим общей кафедрой фонетики и методики преподавания иностранных языков стал сам Л. В. Щерба.

Следующая программа по иностранным языкам, относящаяся к 1940 г., уже была подписана им. В ней развивались и детализировались положения, сформулированные в первой программе 1934/1935 г.

Таким образом, когорта молодых энтузиастов во главе с Л. В. Щербой и его учениками, прежде всего Л. Р. и Т. В., заложили основы того подхода к обучению иностранному языку, принципиальные положения которого и сегодня сохраняют свою актуальность.

Примерно в те же 30-е годы Т. В. немало времени посвящает и научной работе. С 1932 г. она активный член секции западноевропейских языков Ленинградского научно-исследовательского института языкознания — секции, занимающейся под руководством В. М. Жирмунского проблемами грамматики. В сборнике «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении» (М.; Л., 1935) публикуются статьи Т. В. Сокольской «Система склонения» и «Сложноподчинённое предложение в немецком языке». С сентября 1934 г. Т. В. начала работать над кандидатской диссертацией на тему «Развитие системы подчиняющих союзов в немецком языке», которую защитила в 1936 г., опубликовав по ней монографию (о которой уже упоминалось выше).

Не будем забывать, что в 1938 г. выходит «Научная грамматика немецкого языка», а в 1941 г. появляется её второе дополненное издание. Параллельно с этим публикуется и первая программа по «Введению в германскую филологию» (1940), составленная совместно с Л.Р.

Особого упоминания стоит тот факт, что и собственно педагогическая деятельность Т.В. была в эти годы чрезвычайно многогранной. Наряду с работой в университете, в 1928 и 1929 гг. она преподавала на государственных фонетических курсах, в 1932–1935 гг. руководила занятиями немецким языком аспирантов ИРК, с 1935 г. в Ленинградском институте истории, философии и литературы (ЛИФЛИ) читала курс готского, а затем с января 1936 г. — курс древневерхнемецкого языка. Одновременно с этим она руководила занятиями по истории немецкого языка для подготовки к кандидатскому экзамену преподавателей немецкого языка общеуниверситетской кафедры иностранных языков. Многие преподаватели консультировались тогда у неё по поводу своих диссертационных проблем. И после войны она продолжала уже неофициально «курировать» в прошлом «свою» кафедру — постоянно читала чьи-нибудь статьи, писала на них отзывы. Одобрение Т.В. означало своего рода знак качества, критика стимулировала более глубокие размышления. Придя на кафедру в 1968 г., я ещё застала такого рода «курирование». Помню, что об этом говорили тогда И. М. Смолянский, Т. Л. Пашевская, С. М. Патиш, Ц. Н. Шрайбер и другие. Примерно в конце 60-х годов Т.В. по приглашению заведующей кафедрой немецкого языка Н. В. Спижарской дважды выступала на заседаниях кафедры с лекциями-докладами. Один из них, на котором я присутствовала, был посвящён работе со словарями. Народу было много, не только члены кафедры. Выступления Т.В. были событийными, вызвали большой резонанс у слушателей.

С 1935 г. начинается педагогическая деятельность Т.В. на отделении немецкого языка кафедры романо-германской филологии, которая продолжалась — с перерывом на войну — до 1976 г. С 1945 г. она доцент, с 1952 г. — профессор кафедры.

Выдающийся учёный, германист, принадлежащий к числу основоположников германистической школы Ленинградского уни-

верситета, Т.В. была для всех образцом высочайшего профессионализма.

Помимо интенсивной лекционной нагрузки и научной работы, Т.В. руководила курсовыми и дипломными студенческими работами, вела аспирантские семинары, постоянно имела собственных аспирантов.

Её лекции, предельно насыщенные по содержанию, но в то же время чётко структурированные и точно выверенные по времени, были блестящим примером сочетания научной мысли и методического совершенства. Одновременно ей, как никому другому, удавалось расшевелить студентов, заставить их рассуждать вместе с ней, буквально заразить мыслью.

Она никогда не жалела ни времени, ни душевных сил для нас, своих учеников. Работая с нами, она формировала не только нашу филологическую подготовку, но и мировоззрение. Требовательная к себе, познавшая истинную цену служения науке, она хотела воспитать в нас своих единомышленников, преданных делу. Вообще при ней все как-то подтягивались, хотели показать себя с лучшей стороны. Она не терпела недисциплинированности и разгильдяйства, но не была ни мелочной, ни педантичной. Не однажды я была свидетелем её сердечного великодушия, глубокой и неподдельной заинтересованности в успехах и личных судьбах каждого её ученика. Многие из тех, кто закончил аспирантуру у Т.В., вспоминают это время как трудное, но и самое счастливое. Добросовестность, принципиальность, порядочность наряду с профессиональной эрудицией — вот качества, которые исподволь, своим примером, без какого-либо менторства прививала нам Т.В.

Поданная ей работа не имела права содержать какие-либо неточности, особенно в цитатах, не говоря уже о простых опечатках. Если таковые обнаруживались, работа далее не читалась, а пристыженный автор делал всё, чтобы такое впредь не повторялось.

Непредставимо было, чтобы Т.В. могла бы подписать заготовленный для неё отзыв — практика, укоренившаяся в наше время. Свои отзывы она писала сама и сама же их печатала на машинке «Москва». Категорически не принимала подношений («Я работаю не ради подарков!»), что было весьма распространено тогда в аспирантской среде.

Т.В. принадлежала к тем бесстрашным натурам, которые, в отличие от других, могли возразить любому начальству. Она обладала, к примеру, редкой способностью не только высказать на Учёном совете своё мнение, но и своей логикой и энергией убеждённости «взять» аудиторию, склонить её на свою сторону — редкое качество по тем временам, а сегодня и вовсе изжитый анахронизм.

Человек строгого, аналитического, и, как говорили прежде, «мужского» ума, при всей своей принципиальности в науке и в отношениях с людьми, при некоторой внешней суховатости, она обладала тонким чувством юмора, острым образным языком, была неизменно элегантна и женственна.

Сила её характера и выдержка, истинный аристократизм духа проявились и в умении с достоинством переносить болезни в последние годы её жизни.

Для многих, кому посчастливилось учиться у Т.В. в аспирантуре, она осталась главным университетским Учителем. Лично для меня Т.В. служит ещё и эталоном профессиональной этики.

В затруднительных, сомнительных, щекотливых ситуациях я мысленно всегда спрашиваю себя, как бы на моём месте поступила Т.В. На такие вопросы бывает трудно ответить. Во всяком случае, мне кажется, что я твёрдо знаю, как бы она не поступила, и это поддерживает меня в моих решениях.

Гали Николаевна Эйхбаум: путь в немецкой филологии

Когда коллектив нашей кафедры принял решение чествовать наших юбиляров Т. В. Строеву и Г. Н. Эйхбаум, и стало ясно, что о Гали Николаевне поручат рассказать и мне, то я испытал поначалу своего рода шок, поскольку лично передо мной была поставлена очень трудная задача. Трудная, во-первых, потому, что всегда очень сложно говорить о человеке, который оказал на тебя столь сильное влияние. А, во-вторых, и потому, что о Гали Николаевне можно говорить очень много, и предмет всё ещё не будет исчерпан до конца. Ведь невозможно рассказать о ней как об учёном, о талантливом исследователе немецкого языка, не учитывая её колоссального труда педагога-воспитателя, как и невозможно говорить о Гали Николаевне — педагоге, не подчеркивая её яркой личности, отличительными чертами которой всегда были требовательность к себе и окружающим, принципиальность и бескомпромиссность в отношении к делу, высочайшая компетентность и абсолютная честность учёного-филолога в исполнении своего профессионального долга.

Я не мог подобрать лучшего и более точного слова, чем слово «путь», чтобы определить движение её жизни, почти пятьдесят лет которой были отданы служению немецкой филологии и нашей кафедре. Это слово пришло как-то само собой, интуитивно. Но когда я заглянул в «Этимологический словарь» Фасмера, то очень обрадовался. Оказалось, что моё подсознание сработало правильно: это именно то слово, которое нужно. Ведь слово «путь» по происхождению восходит к индоевропейским корням *puđ, pađ, pođ*, включающим в своё значение идею поиска, преодоления, движения, и уже в них слышится немецкое (*der*) *Pfad* (путь, тропа), а согласно первому передвижению согласных эти корни легко ставятся в соответствие немецкому глаголу *finden* (находить), который, как мне кажется, подходит здесь как нельзя точнее. Гали Николаевна нашла своё, предначертанное ей судьбой место и в жизни, и в профессии.

Как же начинался этот путь? Я думаю, лучше всего об этом пишет сама Гали Николаевна в автобиографии 1952 г. при поступлении на работу в штат нашей кафедры. Я позволю себе воспроизвести эту

автобиографию, как она представлена в архивных материалах университета.

«Я, Эйхбаум Гали Николаевна, родилась в Ленинграде в 1927 году. Отец, Эйхбаум (до усыновления Никитин) Николай Эдуардович, начальник в/части № 95068-П, капитан 1 ранга. Мать, Эйхбаум (Соловьёва) Нина Васильевна, работает старшим преподавателем ЛГУ. Начала учиться в средней школе в г. Ленинграде и закончила своё среднее образование в г. Ирбите Свердловской области в 1944 году, где тогда находилась в эвакуации. В том же 1944 году вернулась в Ленинград и поступила на немецкое отделение филологического факультета ЛГУ. По окончании университета в 1949 году была принята (октябрь 1949 г.) в аспирантуру по кафедре германской филологии (специальность лингвистика), где я и учусь в настоящее время на 3 курсе.

Кандидатский минимум был сдан мной в марте 1951 года. Тема диссертации «История союзного сочинения предложений в немецком языке». За время пребывания в аспирантуре выполняла следующие общественные поручения: руководство кружком немецкого языка при Военно-Морской Обсерватории, ответственный от СНО за кружок немецкой лингвистики при ЛГУ, участие в развитии библиотек, в различных общественных рейдах месткома, в проведении Дня открытых дверей.

Помимо обязательной педагогической практики выполняла педагогическую нагрузку: вела курс практической грамматики по немецкому языку на 3 курсе спецотделения в 1951 г., а также веду его в нынешнем учебном году ..., вела немецкий язык в группе специального отделения в 1950–1951 гг.

В своей будущей педагогической работе интересуюсь преподаванием грамматики, истории языка и объяснительного чтения...». Здесь я прекращаю цитирование. Я думаю, что приведённой выдержки вполне достаточно, чтобы получить представление, как Гали Николаевна вошла в жизнь нашей кафедры.

В 1953 г. под руководством Т.В. Строевой она успешно защитила кандидатскую диссертацию по истории немецкого языка «Развитие союзного сочинения в немецком языке». После защиты кандидатской диссертации Гали Николаевна продолжает некоторое время разрабатывать дальше проблему союзного сочинения предложе-

ний в немецком языке, расширяет несколько эту теоретическую проблематику, привлекая к рассмотрению бессюзные сложные предложения. В 1958 г., в № 5 журнала «Иностранный язык в школе» выходит её статья на эту тему объемом в 1,5 п.л. В 1958 и 1960 гг. публикуются её интересные рецензии, написанные в соавторстве с Шишковой и Искоз, соответственно на «Введение в синтаксис современного немецкого языка» В. Г. Адмони и на книгу её учителей Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой «Современный немецкий язык».

Ещё в годы аспирантуры Гали Николаевна начала преподавать практическую грамматику немецкого языка. Все мы знаем, каким прекрасным преподавателем-практиком она была, как точно и просто она умела объяснять студентам сложные грамматические явления. Её практический опыт преподавания немецкой грамматики и теоретические изыскания в сфере синтаксиса немецкого языка нашли своё воплощение в первом учебнике для студентов «Übungsbuch. Syntax», изданном в 1960 г. в соавторстве с И. В. Братусь, Е. И. Вощининой и Ш. Р. Молотковой (10 п.л.).

Я бы отметил одно важное качество Гали Николаевны как педагога: её смелость. Она всегда ставила перед собой очень высокую планку, не искала лёгких путей в нашей профессии. Предельно ясно, но математически логично могла объяснить другим запутанные грамматические правила и закономерности. Так, в 1962 г. она вместе с К. П. Акуловой разработала с новых тогда лингвистических позиций единства языковой формы и языкового содержания, с позиций взаимообусловленности, слитности грамматического и лексического в языковом построении, казалось бы, дежурную тему немецкой грамматики «сложное глагольное сказуемое/сложное именное сказуемое». На эту тему опубликованы две их научные статьи в «Филологических науках» и в «Ученых записках ЛГУ», и до сих пор мы пользуемся понятиями сложной морфологической формы, критериями отличия сложной морфологической формы от омонимичных ей свободных глагольных соединений в немецком языке, идеями о многообразии формальных воплощений именного сказуемого в современном немецком языке, высказанных в этих статьях и позволяющих среди прочего не усложнять и без того сложные залоговые оппозиции немецкого глагола разрядом «Zustandspassiv» и рядом других идей в сфере глагольной парадигматики.

То, что эти и многие другие грамматические идеи Гали Николаевны до сих пор не потеряли своей значимости для немецкой грамматики, свидетельствует, конечно, в первую очередь о высоком качестве интеллектуального продукта, являющегося для нас образцом добросовестного решения практической языковедческой задачи.

Вторая половина 1960 — начало 1970-х годов, судя по публикациям Гали Николаевны этого периода, были некоторым увлечением практическим разговорным немецким языком. Я позволю себе высказать предположение, что известное влияние здесь оказали на неё впечатления от поездок в ГДР в 1956, 1959 и 1974 гг. и живое общение с носителями немецкого языка. В эти годы выходит целая серия учебных пособий Гали Николаевны, ориентированных на активизацию у студентов практических навыков владения немецким языком: «Lehrbuch der deutschen Sprache» для 2 курса в соавторстве с И. П. Парамоновой и Н. И. Шелудько, выдержавшее четыре переиздания (последнее — в 1987 г.); «Texte zum Konversationsunterricht» (1965), те же соавторы; 4 практических пособия в соавторстве с И. П. Парамоновой: «Gesellschaftliches Leben und Alltag in grammatischen Übungen» (1966), «Städte der Sowjetunion» (1967), «Die Städte der DDR» (1969), «Thematische Stoffe fürs deutsche Praktikum» (1970) (все в издательстве «Просвещение»).

В конце 1960-х годов Гали Николаевна вновь возвращается к теоретическим проблемам синтаксиса немецкого языка. Она публикует свои научные статьи, посвящённые субъектным придаточным предложениям, классификации придаточных предложений, синонимии инфинитивных групп и придаточных предложений в современном немецком языке, в журнале «DaF» и в тематических сборниках ЛГУ.

В 1972 г. выходит в свет её знаменитый учебник по синтаксису немецкого предложения «Der einfache und zusammengesetzte Satz», написанный в соавторстве с И. П. Парамоновой. С его помощью многие поколения германистов изучали и продолжают изучать основы немецкого синтаксиса. В нём собраны все базовые сведения о синтаксических ресурсах современного немецкого языка и в доступной для студентов форме изложены собственные теоретические обобщения Гали Николаевны о грамматической синони-

мии синтаксических конструкций, о системной организации немецкого синтаксиса и типовых синтаксических моделях простого и сложного предложения, о проявлении в их составе важнейших коммуникативно-грамматических категорий, таких как время, наклонения, личность/безличность, обобщённость и т. д. Все эти идеи в значительно расширенном диапазоне и на более высоком уровне теоретического обобщения были освещены Гали Николаевной в монографии «Обособленные члены предложения в немецком языке» (1974), а также в её докторской диссертации «Обособление в современном немецком языке», которую она защитила в 1975 г.

В этих работах Гали Николаевне удалось внести осязаемый личный вклад в теорию обособления, предложить определённые коррективы в традиционно сложившуюся в отечественной германистике трактовку обособления как «разрыва связей обособленных компонентов с прочими составляющими, разрыва, который придаёт обособленным компонентам синтаксическую самостоятельность и предопределяет повышение их коммуникативной значимости». Гали Николаевна впервые в германистике обратила внимание лингвистического сообщества на взаимодействие двух сторон в обособлении как синтаксическом явлении — не только факторов расчленения, как это было до неё, но и факторов соединения. Она впервые выделила и подробно описала в своей докторской работе разноплановые языковые средства немецкого языка, позволяющие «привязать» обособленные компоненты к другим составляющим предложения: валентно-семантические факторы, местоименно-дейктические корреляты, многие немецкие союзы, порядок слов, параллелизм падежных разрядов при обособленном атрибуте и т. д. Детальное рассмотрение двух взаимодополняющих аспектов — разъединения и соединения — позволило Гали Николаевне в новом ракурсе представить формально-грамматическое обособление как сложный разноплановый феномен в строе немецкого языка.

17 октября 1978 г. Гали Николаевна была избрана на должность профессора по кафедре немецкой филологии, а с 1 сентября 1979 г. стала исполнять обязанности заведующей кафедрой немецкой филологии.

Теперь, оглядываясь назад, можно сказать, что Гали Николаевна очень много сделала для нашей кафедры и как учёный-теоретик, и

как руководитель-организатор. В научном плане её теоретическая поддержка и обеспечение распространялись буквально на всех членов кафедры без исключения. У многих из нас есть совместные с Гали Николаевной научные и учебно-методические работы, которые до сих пор находятся в живом обращении. Вспомним хотя бы научно-практическое пособие «Лингвистический анализ высказывания и текста» (1990), изданное в соавторстве с Г. А. Баевой и К. А. Филипповым. В науке Гали Николаевна была для нас железобетонной опорой Дворцового моста, по которому ездят и легкие автомобили и многотонные грузовики, и всё он выдержит. Для меня, как и для всех её учеников, её слово было высшим приговором, более значимым, чем отзывы всех рецензентов.

Очень много времени отнимало у неё руководство нашей кафедрой и доставляло ей массу обременительных хлопот именно из-за её принципиальности и честности в профессии. Несмотря на все сложности, она была выше этих неурядиц и всегда смотрела в перспективу. Только теперь можно понять, как много она сделала в плане кадровой политики. Ведь сегодняшний костяк кафедры, среднее поколение, сформирован при её непосредственном участии и в «битвах» с деканатом. Во времена Гали Николаевны это были ежегодные сражения за ставки в «Ставке» декана Всеволода Дмитриевича Андреева, который очень уважал и ценил Гали Николаевну как учёного и как руководителя и после некоторых сопротивлений обычно сдавался. Ведь Гали Николаевна никогда ничего ни при каких обстоятельствах не требовала лично для себя. Её бескорыстное, самоотверженное служение филологии и кафедре всегда будет для нас и идущих за нами образцом отношения к делу, к себе и к окружающим.

Л. Р. Зиндер

Лингвистика текста и филология
(Тезисы докладов научно-методической конференции
«Просодия текста». М.: МГПИЯ им. М. Тореза, 1982. С. 19–22)

Лингвистика текста представляет собой новый этап в развитии синтаксической теории, когда в ее орбиту наряду с изучением словосочетания и предложения включается исследование средств соединения предложений (так называемых сверхфразовых единств), а также средств организации периода, абзаца, параграфа, главы и в конечном счете — целого произведения.

Этот новый этап (или направление) в языковедении, которое на основании сказанного точнее было бы назвать не лингвистикой, а синтаксисом текста, имеет дело, как и старый синтаксис предложения, главным образом с письменным текстом, с письменной формой речи.

Письменная форма речи, или иначе — письменная речь, играет в современном обществе колоссальную роль. Об этом свидетельствует, в первую очередь, все растущее число издаваемых книг, газет и т. п., где письменная речь выступает в явном виде. Об этом же говорят и широкое распространение радио и телевидения, где также присутствует письменная речь, хотя и в скрытом виде. Ведь передачи по этим средствам массовой коммуникации большей частью представляют собой чтение письменных текстов.

Письменная речь, бесспорно, отличается от устной тем, что в ней возможны сложные по синтаксису построения, которые в устной форме трудно воспринимаемы, а в иных случаях и вовсе не воспринимаемы. В устной речи характерные для письменной речи сложные синтаксические конструкции не могли бы развиваться.

Вместе с тем отмеченная независимость письменной речи не означает того, что она не связана со звуковой формой. Связь между ними заключается не только в генетической первичности звуковой формы речи (первичности не только филогенетической, но и онтогенетической), а в том, что письменная форма всегда предполагает устную и опирается на нее, о чем подробнее речь будет ниже.

Письменная речь (рукописная или печатная) не обладает достаточными средствами для передачи внутренней структуры сообщения, всех нюансов его значения, сопровождающих его коннотативные значения, а также прагматический аспект сообщения. Этого не может сделать и фонетическая транскрипция, так как отразить на письме (хотя бы и фонетическом) все богатство звуковой речи почти невозможно. Во всяком случае, это потребовало бы множества столь сложных иногда обозначений, что на практике такая транскрипция оказалась бы совершенно неприменимой.

Всякий коммуникативный акт предполагает не только отправителя, но и получателя; поэтому и всякий написанный текст ориентирован на читающего. Оптическая форма речи неотделима от акустической в том смысле, что как пишущий, так и читающий как бы проговаривает про себя текст, иными словами — пользуется внутренней речью. Здесь уместно вспомнить моторную теорию восприятия речи, которая, если не воспринимать ее полностью, не лишена определенной научной ценности. Об этом говорит и самонаблюдение, и тот факт, что встречаются индивидуумы, которые, читая, незаметно для себя шевелят губами.

Сказанное в предыдущих тезисах можно подытожить следующими словами: **чисто письменная форма речи это фикция**. Пока речь зафиксирована в оптических знаках и не воспринимается человеком, она остается мертвой материей. Подлинной речью она становится лишь тогда, когда имеет место акт коммуникации, когда текст читается, т. е. когда он хотя бы озвучивается. Если сказанное отвечает реальному положению вещей, то лингвистика текста, чтобы понять структуру и сложность своего объекта, не может обойтись без анализа фонетико-фонологических средств организации рассматриваемых ею сложных речевых произведений.

Такой анализ должен стать предметом особого раздела суперсегментной фонологии (или интонологии), в задачу которого должно

войти выявление противопоставленных в данном языке звуковых форм, релевантных для выражения тех или иных отношений в соответствующих единицах текста (фразовые единства, абзацы и т. д.). Едва ли можно предположить, что для этого в языках существуют особые интонационные типы (или конструкции). Скорее всего окажется, что варьирование того или иного типа, кажущееся, на первый взгляд, иррелевантным, и действительно иррелевантное в пределах предложения, несет определенную функцию в межфразовых связях.

Задачей нового раздела интонологии должно быть установление именно тех интонационных средств, которые, во-первых, обеспечивают в данном языке целостность единицы текста, во-вторых, имеют функцию связывать между собой элементы соответствующих единиц.

На основании общих соображений и некоторых наблюдений можно предположить, что для создания целостности текстовой единицы служит, в первую очередь, единство стиля произношения. Под последним имеется в виду стиль не функциональный, а такой, который характеризуется определенными чисто фонетическими чертами; такими, например, как темп произнесения, тембр и др. Создание теории стилей произношения в указанном понимании этого термина является первоочередной задачей общей фонетики.

Для требуемой смыслом связи различных отрезков текста между собой используются все компоненты интонации, которые и обеспечивают смысловую связь данного отрезка с предыдущим и, в известной степени, прогнозируют семантическую структуру последующих частей текста.

Решение о повторной публикации данных тезисов было продиктовано целым рядом соображений. И прежде всего тем обстоятельством, что этот текст не стал широко известным, в то время как по новизне поставленных в нем проблем он несомненно заслуживает самого пристального внимания.

(Текст тезисов подготовлен к печати К. А. Филипповым)

**Ленинградская университетская школа немецкой филологии
и ее роль в развитии романо-германского языкознания
в СССР**

(Доклад на торжественном заседании в честь 50-летия СССР)

В начале 30-х годов в недрах романо-германской кафедры, которая была создана в 1933 г., образовалась крепкая школа немецкой филологии. Во главе её стоял В. М. Жирмунский, из старших назову здесь, в первую очередь, О. Н. Никонову, В. А. Грима, Э. К. Клейнберга, из тогда молоденьких — С. А. Акуляни, А. М. Леонову, Л. Р. Зиндера, Т. В. Строеву, В. П. Погорельскую, И. М. Смолянского.

Коллектив этот был сплоченным и работоспособным и имел, кроме романо-германской кафедры ЛГУ, ещё очень важную базу в виде ИРКа (Институт речевой культуры). Там, на заседаниях немецкой секции, к названным товарищам присоединялись другие «немцисты» города, как, например, А. В. Десницкая, В. Г. Адмони. Сила этой группы определялась не только высокими научными качествами наших старших товарищей и нашим молодым усердием, но и огромными организаторскими способностями В. М. Жирмунского, который как никто умел поставить на передний план коллективизм в работе, общие цели и идеи.

В результате не будет, пожалуй, ни хвастовством, ни преувеличением сказать, что немецкая филологическая школа ЛГУ явилась зачинателем и форпостом развития немецкой филологии в стране; можно даже утверждать, что она оказала влияние на развитие советской романо-германистики в целом.

1. Деятельность и роль этой «немецкой» группы проявились прежде всего в том, что она довольно оперативно начала выдавать первую советскую филологическую продукцию, и на первом месте здесь сразу же оказались учебники и учебные пособия для массового использования. Таких учебных пособий тогда не было вовсе: мы занимались по зарубежным пособиям (напр., Sütterlin und Waag, Behaghel, Paul и др.) и ясно, что даже в условиях Ленинградских богатых библиотек это было нелегко. Не было пособий и у англистов и у романистов.

Первой ласточкой в этом деле была коллективная книга 1935 г. «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении» под редакцией В. М. Жирмунского, книга замечательная и ставшая ещё лучше в дальнейших изданиях. В том же году вышла первая советская теоретическая грамматика немецкого языка Зиндера и Строевой. Несколько позже была создана первая, хоть и очень маленькая (≈ 5 п.л.) немецкая лексикология, вошедшая главой в «Современный немецкий язык» Зиндера и Строевой 1941 г. В 1938 г. издана первая «Фонетика немецкого языка» О. Н. Никоновой. В 1940 г. вышел первый учебник для 1 курса немцев-филологов (так называемый комплекс) тоже О. Н. Никоновой.

Мне представляется, что «немецкий пример» в большой мере подтолкнул деятельность других ответвлений романо-германистики. Так, очень скоро после немецкой теоретической грамматики появляется и первая английская теоретическая грамматика Б. А. Ильиши «Современный английский язык» (1940); позже датирована первая теоретическая грамматика французского языка О. И. Богомоловой — 1948 г.

Кроме учебных пособий члены немецкой группы создавали и научные монографии, как, например, «Чередование гласных в германских языках» А. В. Десницкой (1937), «Развитие СПП в немецком языке» Т. В. Строевой (1940).

2. Однако роль Ленинградской школы немецкой филологии мне хотелось бы ограничивать перечислением её продукции. Дело в том, что книги эти были не только первыми у нас, но и новыми, потому что они создавались с новыми, советскими... Такой книги, какую создал В. М. Жирмунский по истории немецкого языка, не было раньше ни у нас, ни за рубежом. Новизна её состояла не только в том, что она объединяла полную историческую грамматику и «внешнюю историю» языка и не только в том, что история литературного языка у него неразрывно связана с развитием диалектов — языка народа. В. М. стремился (быть может, не всегда последовательно) в своем историческом повествовании о языке увидеть не старое в новом (как это делалось по немецкой традиции), а новое, выходящее из старого, новое качество, новую систему. Для него появление немецкого перфекта не было просто «описанием прошедшего времени», как для Г. Пауля, а перестройкой древней системы времён. Глаголы

типа *kennen* — *kannte* не представляли в наше время как слабые глаголы с рюкмулаутом, а как глаголы особого класса, в которых умлаут был переосмыслен под давлением системы как аблаут. В таком же плане и в лексикологии было выдвинуто предложение заменить традиционное немецкое понятие *Wortfamilie* (все слова, группирующиеся вокруг одного корня, напр. *Geben* — *vergiften*, *nicht* — *Bösewicht*, *ziehen* — *Zeuge*, *Herzog*) двумя понятиями: семья слов (= *Wortfamilie*) — понятие, относящееся исключительно к диахронии, и гнездо слов — слова одного корня, осознаваемые носителями языка как единство, т. е. понятие синхронного плана, хотя и создавшееся исторически.

Книга по теоретической грамматике немецкого языка Зиндера и Строевой была первой попыткой в советской лингвистике дать синхронное описание языка (не без обращения к диахронии в тех случаях, когда это было необходимо по мысли ее авторов). Новый этот подход рождал новые идеи, новое понимание явлений, несколько примеров, которых я приведу. Так, вместо нескольких десятков парадигм склонения существительных, которые в мое, например, школьное время мы добросовестно заучивали, были предложена простая и теоретически обоснованная система трех типов склонения в единственном числе и одного типа для множественного числа; тем самым надежное изменение и изменение имени по числам было принципиально размежевано. Синтетически слитые в прошлом, они в синхронном аспекте новонемецкого предстают разъединенными. Вторым примером может служить рассмотрение склонения прилагательных, а именно ликвидация понятия смешанного их склонения. Было показано со всей ясностью, что парадигматически существуют только две возможности изменения прилагательного (либо слабое = *n*, либо с местоименными окончаниями), а синтагматически появление того или иного типа флексий регулируется наличием формально-выразительного определителя (артикля, местоимения). Из этого возникла мысль о характерном для немецкого языка как бы едином блоке: определить (или нуль) — прилагательное — существительное. Эта мысль, изложенная в 1938 г. в «Научной грамматике немецкого языка», подробно разрабатывалась впоследствии В. Г. Адмони в его синтаксических штудиях и явление это получило название «монофлексии» (мы называли его «единым морфологическим признаком синтаксической группы»). Третий пример: два

типа окончаний у немецкого глагола — только две возможности набора окончаний вместо ряда разнообразных парадигм.

Сейчас кажется, что эти идеи были как бы всегда, так прочно вошли они в историю немецкого языка и в теоретическую грамматику. На самом же деле они пробивали себе дорогу не без труда и поначалу даже казались еретическими. (В.М. рассказывал, какой натиск западных историков языка ему пришлось выдержать в Германии, когда он представлял там свое понимание глаголов типа *kennen* в немецком языке в синхронном плане. Сам В.М. очень спорил с нами по поводу «отрыва» падежа от числа в имени существительном, но 20 лет спустя в своем представлении к новому изданию книги «Современный немецкий язык» поставил эту идею чуть ли не на первое место по плодотворности).

3. Оглядываясь назад, спрашиваешь себя, почему немецкая секция романо-германской кафедры ЛГУ смогла сделаться такой плодотворной и передовой. Объясняется это, конечно, в первую очередь её высокоавторитетным научным руководством и влиянием на умы со стороны В. М. Жирмунского. Однако немалое значение здесь имело и воздействие идей Л. В. Щербы: я имею в виду и его настойчивый призыв к созданию так называемых «описательных» грамматик (понынешнему «синхронных»), и его мысли о движении в языке в любой срез его развития, и его ненависть к догме, освященной традицией, и многое другое, иногда совершенно частное, брошенное мимоходом, в беседе и т. п. Это «щербовское» воздействовало на нас и непосредственно от него самого и, что было очень важно, опосредованно — через О. Н. Никонову. О.Н. не была теоретиком в грамматике, но она была непревзойденным мастером-методистом в преподавании немецкого языка. Она перестраивала старую традиционную грамматику, как это виделось ей наиболее правильным, эффективным, таким образом, чтобы форма языка действительно объединялась с адекватным ей грамматическим значением. И вот это методическое «видение» её, эта эффективность восприятия явлений языка современным языковым сознанием, к которому она стремилась, и оказывались истиной синхронного статуса языка. Мы, её ученики, и учаь у неё, и посещая многочисленные и разнообразные её занятия, воспринимали её методические открытия и, по мере сил, подвергали их теоретической обработке.

Думается, что этот сплав исторического в своей сущности научного мировоззрения В. М. Жирмунского, общезыковедческих идей Л. В. Щербы, блестящего мастерства О. Н. Никоновой и юного самоотверженного рвения их учеников и позволил Ленинградской университетской школе немецкой филологии сделать то, что она сделала.

4. Имеет ли все сказанное отношение к тому празднику, в честь которого мы все здесь собрались? Самое непосредственное. И книги (по истории языка, фонетике немецкого языка, теоретической грамматике), и идеи, в них содержащиеся, шли из ЛГУ как из центра по всем радиусам, во все республики Великого Союза. И были они там, в условиях практического бескнижья, и помощью и опорой.

5. Есть и еще одна область работы школы немецкой филологии, которая имеет самое непосредственное отношение к сегодняшнему юбилею. Это работа по колониальной диалектологии, проводившаяся под руководством В. М. Жирмунского большой группой его учеников (из старших Э. Иогансон, А. Штрём, затем — Акуляни, Леонова, покойный Борис Ерофеев и мы с Зиндером и Погорельской). Силами этой группы были обследованы немецкие колонии под Ленинградом, под Кингисеппом, на Одессщине (В. М. Ж.), на Черниговщине (Строева, Зиндер, Погорельская), на Днепровшине, в Крыму, в Закавказье (под Тбилиси, под Ереваном и т. д. — Жирмунский, Погорельская, Строева). По образцу Г. Венкера были разосланы и обработаны сотни анкет.

Вся эта работа дала жизнь очень большому количеству публикаций и В. М. и его учеников. Она, эта работа, породила тоже ряд идей, плодотворно распространяющихся в диалектологии вообще; в частности, теорию В. М. о примарных и секундарных признаках диалекта, являющихся решающими при смешении диалектов и при влиянии литературного языка на диалект, при возникновении полудиалекта и т. п. Упомяну и о важных в теоретическом отношении наблюдениях над существованием и развитием языка в иноязычном окружении, о мере его стойкости или восприимчивости в этих условиях.

Диалектологические исследования, начатые в Союзе на этом материале, повели В. М. Жирмунского к более широким диалектологическим штудиям, венцом которых явилась его «Немецкая диа-

лектология» — книга мирового, уникального значения, тоже первая в своем роде.

На этом заканчивается рукопись доклада Т. В. Строевой, датированная 1967 г. Несомненно, мысли, высказанные знаменитым профессором, отражают атмосферу творческого поиска, свойственного первому поколению германистов Петербургской (Ленинградской) лингвистической школы. В некрологе, напечатанном в «Вестнике Ленинградского университета в 1981 г., Г. Н. Эйхбаум называет Татьяну Викторовну Строеву «одним из основоположников Ленинградской германистической школы, которая явилась форпостом развития немецкой филологии в нашей стране».

(Текст доклада подготовлен к печати К. А. Филипповым)

**Универсальное и идеоэтническое в языке
(из курса лекций по теоретической грамматике
немецкого языка)**

Универсальное свойственно языку как социальному феномену вообще, а также всем конкретным языкам мира.

1. Природа языка едина для всего человеческого общества. Ее единство состоит, прежде всего, в обязательной связи языка с мышлением, в коммуникативном назначении языка, в его устройстве как особой знаковой системы, предполагающей двусторонность, воспроизводимость и комбинируемость языковых единиц.

Общим и единым является также развитие языка по восходящей линии вместе с развитием человеческого знания о мире, что находит свое выражение в обогащении возможностей более точного и дифференцированного обозначения предметов и явлений мира, известных и вновь выделяемых человеческим сознанием, и явлений между ними, а также отношений между ними и человеком (оценок в широком смысле слова).

2. Человеческое мышление развивается по общим законам, детерминируемым потребностями познания в процессе совместной жизни и различного рода деятельности людей.

Поэтому фундаментальные понятия и отношения между понятиями, которыми оперирует человеческое мышление, основные формы мышления универсальны для человеческого общества. Таковы понятия количества, качества; оценки по критерию хорошо–плохо; соотносительные понятия субъекта–объекта (агенса–пациенса) в событийных ситуациях (типа: Охотник убил зверя — Зверь убит охотником); таковы мыслительные формы суждения, умозаключения и т. д. Эти мыслительные категории составляют понятийную основу языка, языковых номинаций.

Таким образом, языковые категории базируются на общих универсальных (понятийных, логических) категориях, которые, в свою очередь, являются продуктом деятельности сознания при восприятии действительности и воздействии на нее.

3. Также универсальны общие закономерности речевого общения людей, общения при помощи языка. Речь целенаправленна, созна-

тельно или подсознательно; поэтому универсально выделяемы основные коммуникативно-речевые категории — сообщение, вопрос, побуждение.

4. Для языковых номинаций, фиксирующих достижения познавательной деятельности человека, и для их использования в речи универсален принцип своего рода редукции.

Редукция по линии номинации в цепи: предмет/явление действительности в их объективном многообразии качеств, свойств — восприятие объективно существующих предметов и явлений — выделение в них определенного аспекта (ракурса) в их классифицирующем осознании — их номинации при помощи языковых единиц с обозначением их опознавательных и отличительных (а не всех, присущих им) признаков.

Редукция в речевой коммуникации: передаваемая в речи, извлекаемая из нее информация, часто шире, чем словесно поименованная в речевом образовании (ср. эксплицитную и имплицитную информацию).

Подобная редукция компенсируется тем, что языковая номинация в речевой коммуникации происходит как речемыслительный процесс, т. е. речевая порождающая и воспринимающая деятельность сопровождаются постоянной деятельностью сознания, активацией ассоциативных связей под влиянием речевых сигналов, притом в определенном направлении.

Ср. различия формальных и содержательных понятий у С. Д. Кацнельсона: 1 — имеющее для всех людей значение слова, соответствующее отличительным и выделительным признакам предмета, 2 — фонд знаний отдельных индивидов о предмете («близкое и дальнее значение слов» у Потебни).

Однако наряду с универсальным языкам мира свойственна — каждому своя — идеоэтническая специфика.

У различных человеческих коллективов (народов, нации, национальностей) могут по-разному складываться общественная практика, конкретный историко-демографический путь развития, могут быть различными фонд общих знаний о действительности и культурно-исторический опыт. Отсюда возможное следствие — различные выделения и дискретизация некоторых явлений и элементов действительности в мышлении представителей различных со-

циумов, что отражается в соответствующих системно-языковых номинациях как запечатлевающих эти факты.

С другой стороны, отсутствие непосредственной прямой обусловленности между языковыми номинациями и действительностью опосредуют потенции в идеоэтнической специфике единиц и средств того или иного языка. Отсутствие такой прямой связи между сопряжением действительность — языковая номинация проявляется:

– в материальной стороне единиц языка: экспонентный план номинации не мотивирован экстралингвистическим денотатом. Еще Потебня писал, что между звуком и значением нет по сути дела иной связи, кроме традиционной.

– в содержательном плане: в лексическом плане отражаются не все свойства денотата, а опознавательные признаки, позволяющие отнести его к определенному классу и отличить от других классов. Поэтому в разноязычных номинациях одного класса денотатов и одного понятия могут использоваться разные признаки, ср.: Schneider — портной, Dreher — токарь; но Lehrer — учитель.

Таким образом, идеоэтническая специфика проявляется у отдельных языков:

- 1) в различиях звуковых компонентов, составляющих план выражений параллельных элементных лексических номинаций. Ср.: Frau — женщина; Gras — трава; Regen — дождь;
- 2) в различных опознавательно-дифференциальных признаках, фигурирующих в лексических номинациях, параллельно выделяемых предметов (см. примеры выше: Dreher — токарь);
- 3) в закреплении/незакреплении некоторых явлений действительности как отдельных дискретных понятийных содержаний и отдельных соответствующих им лексических номинаций. Ср.: в одних языках имеется четырехзвенный тематический ряд лексем, именующих времена года (весна — лето — осень — зима); в других языках он состоит лишь из двух лексем (тепло — холодно). Однако в языках последнего типа понятие «весна» может быть представлено описательно: время года между холодом и теплом. Ср. также различия в русском и немецком языках: сутки — Tag und Nacht, 24 Stunden (единое специализированное лексическое описание — описа-

тельные номинации); Dämmerung — рассвет, сумерки; heiraten — жениться, выходить замуж (различия в объеме обозначаемого);

- 4) в различиях, в степени и характере маркированности языковыми средствами отражаемых отношений. Ср.: Он убит ногами слонов — Он убит ногами слонами (санскрит). Инструментальные отношения в индоевропейских языках отмечены как принадлежность инструмента агенсу; в языках эргативного строя эти отношения принадлежности не маркированы. Ср. также русские выражения: Он поклонился; Он кланялся (здесь количественно-аспектуальные различия выражаются в морфологических формах глагола совершенного/несовершенного вида, и эта маркировка абсолютна) с немецкими: Er verbeugte sich; Er machte eine Verbeugung; Er verbeugte sich wiederholt. В первом случае маркировки нет, а в двух других — маркировки есть, но другими средствами, чем в русском языке. Таким образом, для выражения однотипного содержания в одних языках могут служить грамматические средства, в других — лексические. Еще один пример различного применения средств для актуализирующего выделения некоторого элемента высказывания: Er war es, der diese Entdeckung machte — Именно он сделал это открытие;
- 5) при наличии принципиально одного и того же способа для выражения значений одного типа, — например, грамматической категории числа у имен — в различии не только материальных средств ее представления, но и в составе разряда, т. е. во внутренних оппозициях. Ср. языки с двумя, тремя, четырьмя разрядами в данной категории (единственное — множественное; единственное — двойственное — множественное; единственное — двойственное — тройственное — множественное);
- 6) различия в «точках приложения» однопорядковых средств при формировании высказывания. Ср. отрицание в русском и немецком языках: Niemand kam — Никто не пришел; Niemand sagte etwas — Никто ничего не сказал;
- 7) в различиях по месту однопорядкового средства в системе данного языка и по сфере его применения в речи. Ср. правила упо-

требления связки в русском и немецком языках: Он был учителем — Он будет учителем — Он учитель = Er war Lehrer — Er wird Lehrer — Er ist Lehrer. В этих предложениях связка не маркирует их по функциональному стилю. Ср.: Он — учитель; Он есть учитель. В этих предложениях связка маркирует предложения по функциональному стилю.

На основании сходства/различий во внутренней организации языков в лингвистике строятся их типологические классификации, а сравнения языков между собой — один из действенных способов выяснить и подчеркнуть специфику каждого из них. При преподавании/изучении языка, конечно, необходимо сопоставление с родным языком.

Языковое семантическое содержание есть мыслительное содержание в своей основе + способ его представления. Способ представления может варьироваться для одного и того же мыслительного содержания от языка к языку или внутри языка. Ср.: желтый — желтизна — желтеть; Er steigt auf den Berg — Er besteigt den Berg; Er steigt über den Zaun; Er steigt durchs Fenster. (Здесь разные способы представления направления движения либо отделены от глагола, либо заключены в его морфеме, так, например, префикс be- обозначает направление движения).

Данный фрагмент представляет собой отрывок из курса лекций Гали Николаевны Эйхбаум по теоретической грамматике немецкого языка, который она читала на кафедре немецкой филологии свыше пятнадцати лет, в последний раз в 1991/92 учебном году. После ее смерти было принято решение о публикации данного находившегося в рукописном варианте лекционного курса, увидевшего свет в 1996 году. При подготовке рукописи ряд вводных лекций, посвященных в основном общезыковым проблемам, было решено по целому ряду причин не включать в текст учебника. В качестве таковых издательством назывались, в частности: их известное «моральное устаревание» (явная привязка к некоторым положениям марксистско-ленинской философии); обращенность к решению вопросов, относящихся скорее к сфере интересов общего языкознания; необходимость, в случае принятия решения о публикации, внесения существенных корректив, что могло нанести вред аутен-

тичности текста. Члены кафедры, хорошо знакомые с содержанием рукописного курса лекций Г. Н. Эйхбаум, всегда испытывали большое сожаление по поводу того, что эта часть блестящего курса лекция была элиминирована. Поэтому, пользуясь случаем, с большим удовольствием предлагаем вниманию читателей данный относительно законченный текст, взятый из еще никогда прежде не публиковавшегося наследия Г. Н. Эйхбаум, посвященный теме — универсального и идеоэтнического в языке и речи. Здесь наряду с ясным изложением основных понятий универсального и идеоэтнического подробно анализируются причины и конкретные случаи проявления последнего. В этом небольшом отрывке прослеживаются начала получивших столь широкое распространение в последние годы новых направлений в языковедении — межкультурная коммуникация, контрастивные исследования, лингвострановедение, лингвокультурология, — к которым Г. Н. Эйхбаум обращается со свойственными ей тщательностью и глубиной, оставаясь при этом верной сугубо лингвистическому подходу к изучению языковых явлений.

(Отрывок из неопубликованных лекций Г. Н. Эйхбаум
подготовлен к печати Л. Н. Григорьевой)

О ЗНАЧЕНИИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Н. А. Бондарко

**Л. Р. Зиндер о проблеме становления немецкого
национального языка
(по материалам рукописного курса лекций «Введение
в историю немецкого языка»)**

С начала 1930-х годов Л. Р. Зиндер читал лекционный курс «Введение в историю немецкого языка» и курс средневерхненемецкого языка в ЛИФЛИ¹, а также курс исторической грамматики немецкого языка в Педагогическом институте им. А. И. Герцена (в настоящее время РГПУ им. А. И. Герцена). С 1939 г. до Великой Отечественной войны и в течение нескольких лет после ее окончания он преподавал введение в германскую филологию и историю немецкого языка на филологическом факультете ЛГУ. Лекционный курс «Введение в историю немецкого языка» был написан Л. Р. Зиндером целиком. Этот курс, который по широте затрагиваемой тематики и обилию материала фактически является введением в германскую филологию, издан не был, однако полностью сохранился в рукописном виде². Он состоит из 16 лекций, к каждой из них приложен список научной литературы. Текст занимает 241 лист, не считая дополнительных материалов (выписок из научной литературы, лексических примеров и пр.). Тетрадочные листы (167 × 125) в мелкую клетку исписаны с одной стороны и снабжены нумерацией, в ряде случаев приложены добавочные листы, дополнительно помеченные латинскими буквами (например, 220а).

Рукописный текст семидесятилетней давности, по счастливому стечению обстоятельств сохранившийся полностью, представляет исключительный интерес для истории отечественной германистики. Несомненно, в будущем он должен быть опубликован с необходимыми комментариями. Пока же работа по подготовке этого

издания еще не начата, имеет смысл представить вниманию читателей отдельные выдержки из этого труда, дающие представление об общей концепции курса Л. Р. Зиндера и его лекторской манере. Одна из характерных особенностей этого текста заключается в том, что он имитирует устную речь лектора и фиксирует на письме тот мысленный диалог, который Л. Р. Зиндер вел со своими студентами. Впрочем, нет сомнений в том, что в ходе лекции исходный текст мог варьироваться и уступать место импровизации. Однако именно рукописный текст курса дает нам уникальную возможность наблюдать методическую технику ученого, составить некоторое представление о его творческо-педагогической «мастерской».

К общей характеристике этого курса лучше всего, как представляется, подходит замечание самого Л. Р. Зиндера, высказанное по другому поводу: «...Для заслуживающего звания университетского профессора читаемый им курс, а также написание соответствующего учебника — это высокое научное творчество, в котором без упрощенчества излагается система знаний, основанная на теоретических предпосылках, принимаемых автором»³.

Вниманию читателей предлагаются небольшие выдержки из курса, посвященные общим вопросам истории немецкого языка. В настоящей публикации полностью сохранена авторская орфография и пунктуация, оставлено также выделение важных в смысловом отношении мест.

В первом из приводимых отрывков лектор обосновывает значимость своего предмета — истории немецкого языка. Конечно, при этом он не мог (и как лектор не имел права) не использовать чисто идеологических аргументов — что лишь характеризует этот текст как документ эпохи. Важно, однако, по достоинству оценить предельно взвешенный научный подход к интерпретации методов и задач диахронического изучения языка. Кроме того, не может не обращать на себя внимания сам уровень изложения и лекторский стиль — чрезвычайно ясный и в то же время не допускающий упрощений, несмотря на то, что лекции предназначены для студентов первого курса.

*Курс, который мне предстоит прочесть Вам в этом году, называется **введением** в историю немецкого языка. Само собой*

разумеется, что **история** языка, исследующая ход развития структуры языка в связи с развитием мышления, а — в конечном счете — и в связи с развитием общественных формаций, с историей классовой борьбы, такая **история** языка может излагаться только на основе знакомства слушателей с языковыми фактами, с языком разных эпох, засвидетельствованным в памятниках письменности. Такого знакомства с фактами, конечно, нельзя ожидать от студентов I курса. Поэтому задача введения в историю языка (а не истории языка) несколько иная; она заключается в том, чтобы ориентировать студента в тех науках о языке, которые ему предстоит изучить на старших курсах; чтобы дать для этого внешнюю историю языка, ее периодизацию, на основе развития социальных отношений показать место немецкого языка среди других языков и т. д. Таким образом, студент, приступая впоследствии к изучению того или иного языка, скажем, готского или древневерхненемецкого, будет понимать то значение, сумеет найти то место, которое занимает тот или иной язык **в истории немецкого языка в настоящем смысле слова.**

Нередко можно услышать, что историей языка вообще не к чему заниматься тому, кто хочет разрабатывать проблемы современного языка. Пусть, мол, занимается историей языка тот, кто ею специально интересуется. Некоторые, под лозунгом поворота к современности, хотят историю языка вовсе лишить права гражданства (такое течение было и в нашем институте). Такой разрыв между историческим изучением языка и изучением его современного состояния, нашедший себе теоретическое обоснование в буржуазной лингвистике в лице de Saussur'a в его учении о синхронии и диахронии; а также отказ от исторического изучения языка явно противоречит диалектико-материалистическому методу Маркса, который говорит, что всякая наука должна быть историей. И мы видим действительно, что не только систему языка в целом, если мы хотим понять ее не как нечто застывшее, а в развитии, в движении, а только такое понимание и будет научным, так как только оно и отображает отношения объективной действительности; так вот, повторяю, не только систему языка в

целом, но и отдельные факты языка, нельзя объяснить, не зная его истории. Как объяснить, например, на материале только современного немецкого языка факт существования трех форм прошедшего времени (Imperfekt, Perfekt, Plusquamperfekt) или то, что при одних глаголах употребляется вспомогательный глагол haben, при других sein; или то, что слово „Frauenzimmer“ означает в современном немецком языке — ‘женщина, девушка’ и т. п. Все это можно объяснить только основываясь на фактах из истории немецкого языка. [л. 1–6].

Особое внимание Л. Р. Зиндер уделяет разбору научной дискуссии о существовании средневерхненемецкого литературного языка, разгоревшейся практически с самого зарождения германистики как науки в XIX. В ней участвовали крупнейшие германисты первых поколений — назовем лишь некоторые имена: на самом раннем этапе — Якоб Гримм, Август Шлейхер, Карл Лахманн, Карл Мюлленхоф, Франц Пфайфер; далее представители младограмматического направления Герман Пауль и Вильгельм Брауне, известный филолог-медиевист Конрад Бурдах, глава немецкой диалектологической школы Фердинанд Вреде, специалист по историческому синтаксису германских языков О. Бехгель.

Л. Р. Зиндер начинает свое изложение проблемы с анализа работ Фр. Пфайфера «О сущности и формировании придворного языка в средневерхненемецкий период»⁴ и Г. Пауля «Существовал ли средневерхненемецкий письменный язык?»⁵. В обоих сочинениях ведется полемика против господствовавшего в XIX в. мнения, восходящего к К. Лахманну, Я. Гримму и К. Мюлленгофу, о существовании наддиалектного языка средневерхненемецких придворных поэтов-рыцарей. Мюлленгоф постулировал существование особого придворного языка в эпоху Каролингов, а также наличие прямой линии развития от него — к придворному языку Штауфенов в Швабии, Люксембургов в Праге, Габсбургов в Вене, а от Венской канцелярии — к языку канцелярии саксонских курфюрстов в Мейсене, а стало быть, и самого Лютера. Впоследствии эта гипотеза Мюлленгофа была полностью опровергнута.

На этот счет Л. Р. Зиндер приводит следующую цитату из Пауля: «Господство говоров — это нечто естественное и заранее предпо-

лагаемое; литературный язык должен быть лишь доказан, а до сих пор доказательство еще никем не дано. Я не приписываю себе того, что я окончательно разрешил вопрос, но я хотел посылно содействовать освобождению штудий древне- и средненемецкого языка от оков тяготящего их предубеждения. <...> Мы имеем много исследований о языковых особенностях отдельных поэтов. Но почти все страдают двумя ошибками. Во-первых, они рассматривают все с точки зрения литературного языка и признают отклонения от него лишь там, где их безусловно вынуждают к этому рифмы и, во-вторых, отсутствует локальное и хронологическое определение появления отдельных особенностей»⁶ (л. 143–144). Позицию Пауля Зиндер разделяет и поддерживает.

Конечно, в настоящее время этот начальный этап дискуссии XIX в. окончательно стал достоянием истории науки. Вполне понятно, что в большинстве нынешних обзорных работ по истории изучения проблем, связанных с формированием немецкого национального языка, взглядам не только Пфайфера, но и раннего Пауля уделяется мало внимания. По поводу слабого резонанса цитируемой работы Пауля выражает сожаление сам Л. Р. Зиндер. Однако фактически в дальнейшем — особенно во второй половине XX в. — именно идеи Пфайфера и Пауля, отрицавших существование единого наддиалектного языка рыцарской поэзии, получили широкую доказательную базу и широкое признание.

Паулю не удалось утвердить в науке свое мнение. Он нашел сравнительно мало приверженцев. Тем не менее, мы становимся в этом споре на его сторону, во-первых, признавая правильность всех его фактических возражений против существования литературного языка, опирающихся на рукописную традицию, во-вторых, по соображениям общеметодологического порядка.

Утверждение Пауля, что «господство говоров это нечто естественное и заранее предполагаемое» в такой общей формулировке конечно неправильно. Для нашей эпохи, эпохи империализма, диалектическая пестрота Германии не только не является само собой разумеющимся фактом, но напротив требует особого объяснения, поскольку территориальное чле-

нение диалектов противоречит общественным отношениям капиталистического общества. Если же мы обратимся к рассматриваемой нами эпохе развитого феодализма, то тезис Пауля оказывается правильным. При территориально-хозяйственной разобщенности отдельных частей Германии естественно ожидать и разобщенности говоров.

В период „Frühmittelhochdeutsch“ никто не признает существования литературного языка, но любопытно, что для эпохи позднего Mhd. — XIV и XV вв. все вынуждены признать его отсутствие. Итак, если согласиться, что в XII, XIII вв. „Hofsprache“ действительно существовала, то совершенно необъяснимым станет то, что в последующие два века исчезает, т. е. как раз тогда, когда мы в связи с ростом городов ожидали бы обратного.

В XIII веке мы наблюдаем даже большую дифференциацию говоров, чем в эпоху Ahd. Так алеманнский диалект распадается на собственно алеманнский и швабский говоры; в собственно алеманнском можно различать верхне- и нижнеалеманнский. Большое развитие получает Ostmitteldeutsch — диалекты вновь колонизованных немцами славянских областей. Ostmd. распадается на Thüringisch, Obersächsisch и Schlesisch [л. 144–146].

Конечно, особую остроту в любом курсе по истории немецкого языка имеет вопрос о путях формирования единого национального языка в ранневерхненемецкий период. Знакомство с точкой зрения Зиндера представляет интерес еще и потому, что нормативные и до сих пор актуальные работы В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк, В. Г. Адмони, В. М. Павлова появились лишь в послевоенные десятилетия. Поэтому перед нами — одно из ранних рассуждений на эту тему на русском языке — после дореволюционного лекционного курса введения в германскую филологию Ф. А. Брауна (1862–1942) и знаменитой «Истории немецкого языка» В. М. Жирмунского, первое издание которой вышло в 1938 г., а также его методологически важной довоенной монографии «Национальный язык и социальные диалекты» 1936 г.⁷⁾

Следует признать, что Зиндер фиксирует лишь то состояние дискуссии, которое было достигнуто к началу XX в. и отражено в

известной монографии Э. А. Гутъяра (Gutjahr) «Истоки новонемецкого письменного языка до Лютера. Очерки по истории немецкой этнографии, права и языка на материале немецкоязычных грамот» (Die Anfänge der neuhochdeutschen Schriftsprache vor Luther. Streifzüge durch die deutsche Siedlungs-, Rechts- und Sprachgeschichte auf Grund der Urkunden deutscher Sprache), вышедшей в Халле в 1910 г. Новейшие же на то время разработки в этой области, принадлежавшие Виргилию Мозеру, Алоису Бенту, Максу Герману Йеллинеку и Теодору Фрингсу отражения в курсе не получили. Причины этого следует видеть, скорее всего, в том, что было недопустимо перегружать вводный обзорный курс всеми нюансами современной дискуссии — поэтому предпочтение было отдано классическим (для конца 1930-х годов) работам. Однако не следует исключать и общие неблагоприятные условия внешнеполитической ситуации — как известно, приход к власти в Германии национал-социалистов самым плачевным образом сказался и на развитии германистических исследований в Советском Союзе (достаточно вспомнить вынужденное прекращение масштабных работ по изучению фольклора и диалектов немцев Поволжья в середине 1930-х годов под руководством В. М. Жирмунского, в которых сам Л. Р. Зиндер, как известно, принимал деятельное участие⁸).

По мере накопления исследований, посвященных диалектно окрашенным вариантам письменного языка (Schriftsprache) — из них наиболее эффективными были те, что опирались на материал позднесредневековых немецких грамот — дискуссия принимала все более специализированный характер. Уровень науки 1930-х годов позволял оперировать еще сравнительно небольшим числом данных — тем в большей степени правильное решение зависело от четкости и последовательности при построении аргументации. Некоторую ясность в определении понятий удалось внести М. Г. Йеллинеку, который в своей рецензии на книгу А. Бернта «Die Entstehung unserer Schriftsprache» предложил различать несколько факторов, стимулировавших становление общенационального языка: 1) письменный язык с определенными орфографическими традициями (в отличие от устной речи); 2) язык литературный — в противовес языку обиходному («Kunstsprache» — «kunstlose Sprache»); 3) язык рыцарского сословия, противопоставленный

языку простонародья («Herrensprache» — «Volksprache»); 4) над-региональные черты — собственно «Gemeinsprache» как попытка преодоления «Ortssprache» (отказ средневековых поэтов от особенно маркированных черт родного диалекта, а также определенные нивелирующие тенденции при переводе текстов писцами с одного диалекта на другой)⁹.

Очевидно, что в ходе дискуссии о путях формирования национального литературного языка обсуждались три основных измерения языкового варьирования, а именно — в сегодняшних терминах — диатопическое (конкуренция территориальных вариантов), диастратическое (варьирование языкового узуса в разных социальных группах) и диафазическое (роль различных функциональных стилей). Представители же младограмматического направления склонны были приуменьшать значение экстралингвистических факторов, сосредоточиваясь на изучении действия языковых законов. В отличие от современной тенденции к сбалансированному изучению всех возможных направлений языкового варьирования в нововерхненемецкий период, на ранней стадии дискуссии, нашедшей отражение в курсе Л.Р.Зиндера, при объяснении интеграционных языковых процессов обычно подчеркивалось преобладание какого-то одного фактора: социополитического (Мюлленгоф), чисто фонетического, т.е. исключительно внутриязыкового (Брауне), стилистического (Бурдах), позже — этносоциального (Вреде, Фрингс). Разумеется, спорные пункты имелись и внутри каждого из этих измерений. Таким образом, относительно решающей роли в процессе становления немецкого языка в ранненововерхненемецкий период полемика велась в пользу совершенно разнородных факторов: отдельных канцелярий — либо Пражской, либо Венской, либо Мейсенской; Саксонской канцелярии — и литературной деятельности Лютера; языка грамот — и языка печатных книг; богемского — и мейсенского вариантов восточносредненемецкого; социального престижа литературного языка — и действия естественных законов языкового развития, либо же смешения диалектов в результате миграций. Следует отметить, что позиция Л.Р.Зиндера в его курсе отличается именно стремлением к отказу от чересчур прямолинейных объяснений и односторонних методологических подходов — и в этом заключается продуктивность и «современность» его позиции.

Период *Neuhochdeutsch*, к рассмотрению которого мы сейчас переходим, — это период становления и развития национального языка. Проблема его возникновения является поэтому центральной проблемой, которая издавна ставилась в науке и получала различное освещение. Прежде чем продолжить изложение, нам нужно несколько остановиться на выяснении самого понятия «национальный язык». Вы видели уже из вступительных лекций проф. Жирмунского, что то, что именуется общим термином «немецкий язык», представляет собой целый конгломерат самых различных говоров, настолько различных иногда, что их носители, как, скажем, баварцы и данцигцы, не понимают друг друга. Наряду с этими говорами, существующими главным образом среди крестьянского населения, мы имеем и городские говоры, в большей или меньшей степени связанные с говорами их окружающими, и, наконец, оставляя в стороне профессиональные говоры и арго, как бы **над** всем этим многообразием стоит единый общенемецкий литературный язык. Как осмыслить всю эту картину? Можно ли считать этот литературный язык общенациональным языком? На последний вопрос придется ответить двояко: **и положительно и отрицательно**. В самом деле, может ли быть, чтобы в классовом обществе вырос надклассовый язык; это, конечно, так же невозможно, как и существование надклассового права, государства и надклассовой идеологии. Но точно так же как право и государство капиталистического общества, будучи орудием правящего класса, навязывается классу угнетенных и подавляет его, так и литературный язык, будучи по существу языком буржуазии, навязывается пролетариату и приобретает видимость надклассового языка. Итак, мы могли бы сказать, что литературный немецкий язык, истоки которого нас интересуют сейчас в первую очередь, является только этапом в развитии подлинно общенационального языка, этапом, характерным для капиталистического общества.

Еще Müllenhoff в своем известном нам издании памятников немецкой поэзии и прозы VIII–XII века¹⁰ указывает на появление в XIII в Богемии признаков *Neuhochdeutsch*, которые распространились в XIV–XV вв. на другие княжества

восточной Германии под влиянием богемской канцелярии. Что этот новый язык лег затем в основу общенационального языка, развивающегося с XV века, он объясняет тем, что, в виду частых собраний рейхстага, появилась потребность в общегосударственном языке, которую совершенно стали удовлетворять усвоением языка богемской канцелярии. Против этого взгляда выступил со всей решительностью Wilhelm Braune (PBB I 1874); он говорит: «Переход старых долгих гласных в дифтонги является ничем иным, как **естественным** явлением в области немецкого языка, которое возникает, продолжается и кончается, не беспокоясь о внешней помощи или препятствиях..., не будучи задержано или поддержано каким-либо канцелярским языком, беспомощным по сравнению с такой силой духа языка»¹¹. Некоторую поправку в этот взгляд Braune внес Burdach („Vom Mittelalter zur Reformation“ 1893); он говорит: «Дифтонгизация, как и любое языковое изменение, не совершается как простое явление природы; она является скорее отражением определенного культурного течения»¹². Это высказывание, хотя и направлено внешне против мнения Braune, принципиально не противоречит ему, так как развитие культуры по Burdach'у тоже следует естественным законам.

Особая точка зрения была выдвинута Фердинандом Вреде, главой современной диалектологической школы в Германии. В его работе от 1895 г. „Die Entstehung der neuhochdeutschen Diphthonge“ мы читаем: «Мнение, что культурное движение в направлении Vöhten-Schlesien-Meißten-Thüringen в XIV и XV вв. отражается и в тамошних диалектах, что они испытали влияние этого нововерхненемецкого языка с его баварско-австрийскими дифтонгами, коренящегося в Богемии, нужно считать правильным»¹³. Далее он говорит: «История языка отнюдь не является в первую очередь естественной историей; тем менее история языка является в первую очередь историей просвещения; скорее, история языка это прежде всего история поселения „Besiedlungsgeschichte“»¹⁴. Он (Wrede) считает нововерхненемецкие дифтонги культурным импортом в этнологически смешанную область, преимущественно в колонизованные

земли по ту сторону Saale и Эльбы (Gutjahr S. 4)¹⁵. Его теория, подчеркивающая значение вновь колонизованных восточных провинций Германии в создании единого национального языка, имела очень сильное влияние в науке. Подводя итоги прежним исследованиям, Emil Gutjahr в своей книге „Die Anfänge der neuhochdeutschen Schriftsprache vor Luther“ (1910)¹⁶, на с. 7 говорит: «Языки в местностях со смешанными говорами должны покоиться на иммиграции из местностей с различными говорами. А так как и в нововерхненемецком литературном языке слились черты различных диалектов, то и она должна была возникнуть в колонизованной области с притоком поселенческих элементов из различных местностей западных метрополий и с различной этнической принадлежностью»¹⁷.

Мы видим, таким образом, что вопрос о том, почему в XIV–XV веке зарождается единый национальный язык в Германии, не получает должного освещения значительной части буржуазной науки. Некоторыми учеными (Graune), считающими, что он должен был возникнуть в силу непреложного естественного закона, он по существу совершенно элиминируется. Новейшие работы (после Wrede) заняты больше вопросом о том, как он возник. Вместе с тем только правильный ответ на последний вопрос может бросить свет на понимание первого.

В начале сегодняшней лекции, разбирая вопрос о национальном языке, мы пришли к выводу, что современный литературный язык это язык класса буржуазии, отсюда с неизбежностью вытекает, что его зарождение связано с развитием буржуазии (Ленин). И если мы обратимся к конкретной действительности Германии начиная с XIII века, то мы увидим, что это действительно так. Развитие производительных сил подтачивает феодализм; замкнутое хозяйство феодального строя уступает место торговому хозяйству, а вместе с ним нарождается новый класс — класс буржуазии. Если прежде, при феодализме хозяйственная раздробленность не давала повода к возникновению общенемецкого языка феодалов, то теперь мы имеем обратные данные, в связи с развитием торговли, с ростом городов, в которые стекаются представители разных мест, носители разных диалектов.

Правильное разрешение вопроса мы находим в уже цитированной мною работе Gutjahr'a „Die Anfänge der nhd. Schriftsprache vor Luther“. На стр. 149 мы читаем: «Для возникновения новонемецкого литературного языка имело значение не рыцарство, а только высшая, колониальная (восточносредне-немецкая) буржуазия. Несмотря на общенемецкие черты, которые обнаруживает уже восточносредне-немецкий рыцарский диалект в XII веке вследствие разъездов странствующих певцов и поэтов между резиденциями рыцарской поэзии, вопреки связанной аграрно-консервативной сущности и вообще еще строго изолированным по областям, отдельным диалектам, новый единый язык не мог возникнуть в недрах рыцарства; только колониальная, экономически более свободная, духовно более живая, прогрессивная буржуазия XIII и XIV века давала необходимые предпосылки для возникновения нового языка»¹⁸. У того же Gutjahr'a мы находим и другое высказывание, методологически совершенно правильное: «Новонемецкий литературный язык является поэтому не продуктом колониационного движения немецких племен самого по себе, он является колониальным сословным (мы бы сказали «классовым». — LS) [языком]. В колонизации XII–XIV века участвуют не только крестьяне и рыцари, но точно также уже купцы и ремесленники. ... Таким образом с самого начала среди немецких поселенцев существует социальная дифференциация» (стр. 146)¹⁹.

Все ученые сходятся на том, что в основу Nhd. лег диалект Ostmitteldeutsch, т. е. диалект восточных княжеств²⁰ [л. 182–188].

<...>

Перейдем теперь к рассмотрению фактической истории новонемецкого литературного языка. Само собой разумеется, что нельзя точно хронологически указать границу между „Mittelhochdeutsch“ и „Neuhochdeutsch“, как между любыми другими двумя периодами в истории языка. Зачатки Nhd. мы находим уже в XIII веке, т. е. в эпоху Mhd. Я имею в виду памятники нового права, возникшего на вновь колонизованной почве, а именно „Sachsenspiegel“. Далее, в его развитии сыграл большую роль язык саксонской императорской канцелярии.

Первоначально официальным языком государственных документов был латинский язык. Лишь в XIII веке и главным образом в конце его немецкий язык проникает и в королевские канцелярии; он окончательно упрочивается в канцелярии Людвига Баварского, что стоит, по-видимому, в связи с его борьбой с папой. Однако в ту пору и официальный канцелярский язык пользуется диалектом своей провинции. В сущности говоря, мы наблюдаем то же самое и в языке канцелярии Карла IV (1349–78). Его резиденция была в Праге, богемский диалект которой представлял собой смешение баварско-австрийского диалекта с верхнесаксонским. Этот диалект обнаруживает довольно большую близость с нововерхненемецким языком, и это не случайно; по-видимому, он сыграл известную роль в его развитии. В XV веке язык богемской канцелярии получает широкое влияние, им пользуются в официальных документах в различных частях Германии. Неправильно, конечно, приписывать пражской канцелярии роль создательницы литературного языка. Само собой разумеется, что на язык как таковой, т. е. на говоры тех местностей, куда из нее посылались бумаги, она едва ли могла оказывать какое-либо влияние; равно как и на язык самих местных канцелярий. Несомненно только, что орфография императорской канцелярии действительно получила широкое распространение. Но, конечно, под новыми буквенными символами могли продолжать свое существование старые звуки. Это доказываются памятниками средненижненемецкого языка XIV–XV в., где мы находим часто непоследовательное употребление, скажем, *ei* наряду с *i*, которое, конечно, соответствовало действительному произношению, как об этом свидетельствуют живые нижненемецкие говоры. В XV веке, при императорах Фридрихе III (1439–1493) и Максимилиане I (1493–1519) резиденция переносится в Австрию, а вместе с ней и канцелярия. Благодаря этому язык последней испытывает влияние баварско-австрийского диалекта и получает более ярко выраженный характер „Oberdeutsch“. Наряду с императорской канцелярией, на базе новосаксонского диалекта развивается язык собственно-саксонской канцелярии. Т.о. под термином «язык саксонской канцелярии» подразумевают две

ветви: австрийскую и верхнесаксонскую. Обе они, как мы увидим далее, были использованы Лютером в его работах.

Стимулировать унификацию литературного языка должно было и книгопечатание, изобретенное Гуттенбергом в середине XV века. Первые книги на немецком языке появляются в шестидесятых годах XV века. Древнейшими центрами книгопечатания были: 1. Augsburg (баварско-австрийско-швабский диалект), 2. Straßburg, Basel, Zürich (алеманнский диалект), 3. Nürnberg, 4. Mainz, Worms (среднерейнский диалект), 5. Leipzig, Wittenberg, Erfurt (верхнесаксонский диалект). Каждый из этих центров пользуется особым печатным языком, базирующемся на соответствующем диалекте и близком к языку канцелярий своей области. Всюду мы можем наблюдать известные признаки, характеризующие впоследствии общенемецкий литературный язык. В смысле усвоения последних, печатники идут нередко впереди канцелярии, что, по-видимому, следует объяснить стремлением к респектабельности издаваемых книг, а, следовательно, и к более широкому рынку их распространения» [л. 191–193].

Встречаются в курсе Л. Р. Зиндера и некоторые общие рассуждения, относящиеся к интерпретации отдельных подсистем грамматического строя на разных стадиях развития немецкого языка: в них можно уже увидеть интерес к системно-функциональному (в противовес чисто формальному) объяснению фактов исторической морфологии, воплотившийся позднее в совместном с Т. В. Строевой обобщающем труде «Историческая морфология немецкого языка» (1968)²¹. Приведем в качестве такого примера короткое замечание по вопросу о существовании сложных глагольных времен и пассивного залога в древне- и средненемецкий периоды.

<...> Относительно системы глагольных времен обычно принято считать, что она не отличается от системы Ahd. Эта точка зрения основана на том, что суффиксы и окончания, характеризующие то или иное время в Mhd., те же, что и в Ahd.; поэтому говорят, что в Mhd. имеется только два времени: praesens и praeteritum и отсутствует passivum. Однако, придерживаясь такого взгляда, придется сказать, что

и в современном немецком языке существует такое же положение. Если же мы признаем в Neuhochdeutsch существование Perfekt'a и Plusquamperfekt'a, а также Passivum, то мы почти в такой же степени должны сделать это и относительно к Mhd. [л. 147–148].

Публикуемые фрагменты курса, конечно же, не могут дать полного представления об этом труде, который отличается не только серьезностью теоретических разработок, но и обилием языкового материала и фактических сведений. Хотелось бы надеяться, что настоящая публикация вызовет интерес к этому практически неизвестному памятнику отечественной исторической германистики.

В заключение считаю целесообразным приложить следующий краткий библиографический список исследовательских и обзорных работ по проблеме формирования новонемецкого языка — ни в коей мере не претендую на его полноту.

- Гухман М. М.* От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Ч. 1. Развитие языка немецкой народности. М., 1955.
- Гухман М. М., Семенюк Н. Н.* История немецкого литературного языка IX–XV вв. М., 1983.
- Дубинин С. И.* Немецкий литературный язык позднего средневековья: юго-западный ареал. Самара, 2000.
- Жирмунский В. М.* Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
- Жирмунский В. М.* История немецкого языка. Л., 1938.
- Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология. Л., 1956.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Историческая фонетика немецкого языка: Пособие для студентов педагогических институтов и университетов. М.; Л., 1965.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Историческая морфология немецкого языка: Пособие для студентов педагогических институтов. Л., 1968.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Рец. на: Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Bd. 1–5. Berlin, 1964–1967 // Вопросы языкознания. 1970. № 6. С. 110–114.
- Admoni W.* Zur Ausbildung der deutschen Literatursprache im Bereich des neuhochdeutschen Satzgefüges (1470–1730): ein Beitrag zur Geschichte des Gestaltungssystems der deutschen Sprache. Berlin, 1980 (Akad. der Wiss. der DDR. Zentralinst. für Sprachwiss. Bausteine zur Geschichte des Neuhochdeutschen. 56/IV).

- Bach A.* Geschichte der deutschen Sprache. 9. Aufl. Heidelberg, 1970.
- Behagel O.* Schriftsprache und Mundart. Giessen, 1896.
- Bernt A.* Die Entstehung unserer Schriftsprache. Berlin, 1934 (Vom Mittelalter zur Reformation 11).
- Besch W.* Zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache // Zeitschr. für deutsche Philologie. 1968. 87. S. 405–426.
- Besch W.* Dialekt, Schreibdialekt, Schriftsprache, Standardsprache: Exemplarische Skizze ihrer historischen Ausprägung im Deutschen // Dialektologie: Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung / Hrsg. v. W. Besch u.a. Halbbd. 2. Berlin; New York, 1983. S. 961–990.
- Braune W.* Zur Kenntnis des fränkischen und zur hochdeutschen Lautverschiebung // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1874. 1. S. 1–56.
- Denkmäler deutscher Poesie und Prosa aus dem VIII. — XII. Jahrhundert: 2 Bde. 2. Aufl. / Hrsg. v. K. Müllenhoff, W. Scherer. Berlin, 1863.
- Frings Th.* Die Grundlagen des Meißnischen Deutsch: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der deutschen Hochsprache. Halle, 1956.
- Frings Th.* Einiges Grundsätzliche über den Weg zur deutschen Schriftsprache: Vorwort zu 'Sprache und Geschichte III'. Halle, 1956.
- Grimm J.* Deutsche Grammatik: 2. Ausg., neuer vermehrter Abdruck besorgt durch W. Scherer. Bd. 1. Berlin, 1870. S. XII.
- Gutjahr E. A.* Die Anfänge der neuhochdeutschen Schriftsprache vor Luther: Streifzüge durch die deutsche Siedlungs-, Rechts- und Sprachgeschichte auf Grund der Urkunden deutscher Sprache. Halle, 1910.
- Henzen W.* Schriftsprache und Mundarten: Ein Überblick über ihr Verhältnis und ihre Zwischenstufen im Deutschen. 2. Aufl. Bern, 1954.
- Jellinek M. H.* Rez. von Alois Bernt // Anzeiger für deutsches Altertum. 1935. Bd. 54, S. 25–38.
- Kriegesmann U.* Die Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache im Widerstreit der Theorien. Frankfurt/M.; Bern; New York; Paris, 1990 (Germanistische Arbeiten zu Sprache und Kulturgeschichte 14).
- Lachmann K.* Auswahl aus den hochdeutschen Dichtern des dreizehnten Jahrhunderts. Für Vorlesungen und zum Schulgebrauch. Berlin, 1820. S. VIII.
- Mattheier K. J.* Wege und Umwege zur neuhochdeutschen Schriftsprache // Zeitschr. für Germanistische Linguistik. 1981. Bd. 9, N 3. S. 274–307.
- Moser V.* Grundfragen der frühneuochdeutschen Forschung // Germanisch-Romanische Monatsschrift. 1926. Bd. 14. S. 25–34.
- Paul H.* Gab es eine mittelhochdeutsche Schriftsprache? Vortrag zur Erlangung der Venia Legendi an der Universität Leipzig. Halle/S., 1873.
- Pavlov V. M.* Zur Ausbildung der Norm der deutschen Literatursprache im Bereich der Wortbildung (1470–1730). Von der Wortgruppe zur substan-

tivischen Zusammensetzung. Berlin, 1983. (Akad. der Wiss. der DDR. Zentralinst. für Sprachwiss. Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. 56/VI.)

Pfeiffer Fr. Über Wesen und Bildung der höfischen Sprache in mittelhochdeutscher Zeit. Wien, 1861.

Schützeichel R. Mundart, Urkundensprache und Schriftsprache. 2. Aufl. Bonn, 1974 (= Rheinisches Archiv 54).

Solms H.-J. Soziokulturelle Voraussetzungen und Sprachraum des Frühneuhochdeutschen // Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. Aufl / Hrsg. v. W. Besch u.a. Teilbd. 2. Berlin; New York, 2000. S. 1513–1527.

Wrede F. Die Entstehung der nhd. Diphthonge // Zeitschr. für deutsches Altertum. 1895. 39. S. 257–301.

Zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache: Eine Dokumentation von Forschungsthesen / Hrsg. K.-P. Wegera. Tübingen, 1986.

Примечания

¹ Ленинградский институт истории, философии и литературы в 1937 г. преобразован в филологический факультет. Подробнее о научно-педагогической биографии Л. Р. Зиндера см.: *Светозарова Н. Д.* Zinder Lev // Internationales Germanistenlexikon 1800–1950 / Hrsg. und eingeleit. v. Chr. König. Berlin; New York, 2003. S. 2101–2103.

² Автор выражает сердечную признательность семье Л. Р. Зиндера за предоставленную возможность работы с рукописью.

³ *Зиндер Л. Р.* Ю. С. Маслов — общий языковед (несколько слов об ученике) // Из истории науки о языке: Межвузовский сборник памяти Ю. С. Маслова / Отв. ред. Л. В. Сахарный. СПб., 1993. С. 10.

⁴ *Pfeiffer Fr.* Über Wesen und Bildung der höfischen Sprache in mittelhochdeutscher Zeit. Wien, 1861.

⁵ *Paul H.* Gab es eine mittelhochdeutsche Schriftsprache? Vortrag zur Erlangung der Venia Legendi an der Universität Leipzig. Halle / S., 1873.

⁶ «Die herrschaft der mundarten ist das natürliche und zunächst vorauszusetzen- de, die schriftsprache muss erst erwiesen werden, und bis jetzt ist der beweis noch von niemand erbracht. Ich masse mir nicht an die frage endgültig entschieden zu haben, aber ich wollte nach kräften dazu beitragen das studium der alt- und mittel- deutschen sprache von dem banne eines schwer auf ihm lastenden vorurteils zu be- freien, welches überall den blick trübt und eine unbefangene auffassung unmöglich macht. ...Wir haben viele untersuchungen über die sprachlichen eigentümlichkeiten einzelner dichter. Aber fast alle leiden an zwei fehlern. Sie betrachten erstens alles vom standpunkt der schriftsprache aus und nehmen abweichungen davon meist nur da an, wo die reime unbedingt dazu zwingen, und zweitens fehlt es an der räumlichen und auch zeitlichen begränzung des vorkommens der einzelnen eigentümlich-

keiten)» (*Paul H.* Gab es eine mittelhochdeutsche Schriftsprache? S. 36). Перевод на русский язык этой и последующих цитат принадлежит самому Л. Р. Зиндери.

⁷ О ранних взглядах Жирмунского и некоторых других советских лингвистов на социолингвистическую проблематику см. *Гухман М. М.* У истоков советской социальной лингвистики // *Иностранные языки в школе.* 1972. № 4. С. 2–10.

⁸ См. статью Н. Д. Светозаровой в наст. сб.

⁹ См. *Jellinek M. H.* Rez. von Alois Bernt // *Anzeiger für deutsches Altertum.* 1935. 54, S. 25–38. Здесь: с. 82. Ср.: *Besch W.* Dialekt, Schreibdialekt, Schriftsprache, Standardsprache: Exemplarische Skizze ihrer historischen Ausprägung im Deutschen // *Dialektologie: Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung* / Hrsg. v. W. Besch u.a. Halbbd. 2. Berlin; New York, 1983. S. 961–990. Здесь: с. 973–977.

¹⁰ *Denkmäler deutscher Poesie und Prosa aus dem VIII. — XII. Jahrhundert:* 2 Bde. 2. Aufl. / Hrsg. v. K. Müllenhoff und W. Scherer. Berlin, 1863. S. XXIII–XXIV.

¹¹ Die Verbreitung der alten Längen zu Diphtongen ist nichts anderes als ein Naturereignis im Gebiete der deutschen Sprache, welches unbekümmert um äußere Förderungen oder Hemmnisse anfängt, fortschreitet und endet ... ohne etwa durch eine, im Vergleich zu solchem Walten des Sprachgeistes ohnmächtige, Kanzleisprache aufgehalten oder gefördert zu werden» (*Braune W.* Zur Kenntnis des fränkischen und zur hochdeutschen Lautverschiebung // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur.* 1874. Bd. 1. S. 1–56. Здесь: с. 37).

¹² «Die diphtongierung vollzieht sich so wenig wie irgend eine andre sprachliche wandlung als einfacher naturgang. es ist vielmehr nur der sprachliche reflex einer bestimmten culturströmung» (*Burdach C.* Vom Mittelalter zur Reformation: Forschungen zur Geschichte der deutschen Bildung. Halle, 1893. S. XII).

¹³ «Und so ist die annahme im princip berechtigt, dass die culturbewegung Böhmen-Schlesien-Meissen-Thüringen im 14 und 15 jh. auch in den dortigen mdaa. sich widerspiegelt, dass diese von der in Böhmen wurzelnden nhd. schriftsprache mit ihren bairisch-österreichischen diphtongen dauernd beeinflusst worden ist» (*Wrede F.* Die Entstehung der nhd. Diphtonge // *Zeitschr. für deutsches Altertum.* 1895. Bd. 39. S. 257–301. Здесь: с. 259).

¹⁴ «Sprachgeschichte ist keineswegs in erster linie naturgeschichte, sprachgeschichte ist noch weniger in erster linie bildungsgeschichte, sprachgeschichte ist vielmehr zuerst besiedlungsgeschichte» // *Ibid.* S. 261.

¹⁵ Начиная с этого предложения, следует пересказ книги Э. А. Гутьяра, на что дается указание в скобках.

¹⁶ *Gutjahr E. A.* Die Anfänge der neuhochdeutschen Schriftsprache vor Luther: Streifzüge durch die deutsche Siedlungs-, Rechts- und Sprachgeschichte auf Grund der Urkunden deutscher Sprache. Halle, 1910.

¹⁷ «Die Sprachen in den Gegenden mit Mischmundarten müssen beruhen auf Zuzug aus Gegenden von verschiedener Stammesmundart. Und da auch in der neuhochdeutschen Schriftsprache „die Züge verschiedener Mundarten zusammen-

geflossen“ sind (*Bahder K., von.* Die nhd. Sprachforschung, ihre Ergebnisse und Ziele // Zeitschr. für den deutschen Unterricht. Bd. V, H. 1, Leipzig, 1891. S. 8 ff.), so muß auch sie in einer kolonialen Gegend mit Zuzug von Siedlungselementen aus verschiedenen Gegenden des westlichen Mutterlandes und von verschiedenartiger Stammeszugehörigkeit entstanden sein».

¹⁸ «Für die Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache kann nicht das Rittertum, sondern nur das höhere koloniale (ostmitteldeutsche) Bürgertum in Betracht kommen. Trotz der gemeindeutschen Züge, welche schon die ostmitteldeutsche Rittermundart im XII. Jahrhundert infolge des interregionalen Verkehrs der fahrenden Sänger und Dichter zwischen den Hochsitzen der ritterlichen Dichtung, wenn auch gehindert durch ein mehr gebundenes, agrarisch-konservatives Wesen und durch die sonst noch streng nach Gebieten gesonderten Einzeldialekte, aufgewiesen haben wird, kann im Schoße des Rittertums die neue Einheitsprache nicht entstanden sein; hier gewährt nur das koloniale, geldwirtschaftlich freiere, geistig regere, fortschrittliche Bürgertum des XIII. und XIV. Jahrhunderts die Vorbedingungen zur Entstehung und Entwicklung einer neuen Sprache».

¹⁹ «Die neuhochdeutsche Schriftsprache ist darum nicht das Erzeugnis der Siedelungsbewegung der deutschen Stämme an sich, sondern sie ist eine koloniale Standessprache. An der Siedelung im XII.–XIV. Jahrhundert sind nicht nur die Bauern und Ritter, sondern ebenso schon die Kaufleute und Gewerbetreibenden beteiligt. ... Es besteht also von Anfang an eine soziale Differenz unter den deutschen Einwanderern».

²⁰ Особую роль саксов в колониационном процессе Л. Р. Зиндер освещает на л. 188–190.

²¹ Более подробно об этой книге см. в статье: *Бондарко Н. А.* Проблемы истории немецкого языка в научном наследии Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Вып. 2. М., 2005.

Н. Д. Светозарова, Л. Н. Пузейкина

Белые вежи
(первая научная работа Л. Р. Зиндера)

Мы пришли в ИЛЯЗВ в 1927 году. Нас привлек к широко развертывавшейся там теоретической и полевой работе наш учитель В. М. Жирмунский¹

В 1919 г., окончив шесть классов 3-й Киевской гимназии, юный Лев Зиндер (он родился в 1904 г.) приступил к работе библиотекаря Киевской центральной детской библиотеки. Своей профессией библиотекаря Лев Рафаилович всегда гордился. В 1923 г. он был командирован в Петроград, в Институт политпросветработы им. Н. К. Крупской (бывший Петроградский институт внешкольного образования)². Его преподавателем немецкого языка была Элеонора Генриховна Иогансон-Гегель (Ellinor Johannson), замечательный германист, фольклорист, этнограф, автор учебников по немецкому языку, расстрелянная как немецкая шпионка в роковом 1938 г. Именно она заметила выдающиеся способности ученика и настоятельно советовала ему поступать в университет.

В 1924 г. Лев Рафаилович Зиндер был переведен на романо-германское отделение факультета языка и материальной культуры Ленинградского университета, будущий филологический факультет. Здесь на первом собрании студентов-германистов, которое вел Виктор Максимович Жирмунский, Лев Зиндер познакомился с юной Татьяной Сокольской (она родилась в 1907 г.), Татьяной Викторовной Строевой, другом, коллегой, соавтором большинства его германистических работ.

Вспоминая о годах учения в Университете, и Лев Рафаилович, и Татьяна Викторовна отмечали активную плодотворно работу студентов в семинарах, которые объединяли желающих со всех курсов. Одним из таких семинаров был семинар по изучению немецких диалектов В. М. Жирмунского, на основе которого в 1924 г. был создан «Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России». Официально семинар входил в лингвистическую секцию Ленинградского института языков и литератур Запада и Востока

(ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете, который в конце 20-х годов был преобразован в Институт речевой культуры (ИРК)³.

Начиная с лета 1926 г., два раза в год, в период летних и зимних каникул, Жирмунский вместе со своими учениками и коллегами организовывал экспедиции в немецкие колонии Украины, Молдавии, Крыма, Закавказья, Ленинградской и Новгородской областей, охватив, таким образом, почти все важнейшие районы немецких поселений на территории СССР (кроме Поволжья, где работали саратовские исследователи).

Экспедиции имели комплексный характер. Задачу «Ленинградского центра» Жирмунский видел в изучении немецких колоний «с точки зрения их истории, диалектологии, фольклора и этнографии в связи с возможностями культурного самоопределения национальных меньшинств»⁴. Постоянными и активными участниками экспедиций были студенты-германисты Зиндер, Сокольская, их сокурсница Валентина Погорельская, позднее — Сандухт Акулянц и Анна Леонова⁵. Сначала это были занятия по записи немецких диалектов дома у Жирмунского, затем, с 1926 г., начались групповые поездки студентов и окончивших курс под руководством Виктора Максимовича Жирмунского в села под Ленинградом, Ямбургом и Кингисеппом. Позже студенты стали работать самостоятельно.

Уже летом 1927 г. студенты Лев Зиндер, Татьяна Сокольская и Валентина Погорельская были командированы в немецкие колонии Конотопского округа Черниговской области УРСР. Особенно детально ими был исследован диалект колонии Белые Вежи. Правда, дело было летом, в страдную пору, и записать удалось не так много, как хотелось. Чтобы пополнить материал для дипломных сочинений студенты отправились в ту же колонию еще раз «за свой счет» зимой 1927–1928 г., в зимний перерыв.

По материалам экспедиций 1927–28 гг. в село Белые Вежи были написаны и защищены летом 1928 г. три дипломные работы: Льва Зиндера (Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи), Татьяны Сокольской (Историческая грамматика говора) и Валентины Погорельской (Описание лексики говора, в частности, заимствований из украинского языка). По рекомендации руководителя дипломных работ, В. М. Жирмунского, Зиндер и Сокольская написали на материале диалектных материалов статью

«Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine», опубликованную в 1930 г. в одном из ведущих германистических журналов, созданном Г. Паулем и В. Брауне, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur». В том же году была опубликована и статья Т. Сокольской «Alte deutsche Volkslieder in der oberhessischen Sprachinsel Belowesch (Nordukraine)»⁶.

Свою дипломную работу Л. Р. Зиндер считал утерянной. Однако в 2004 г. в архиве ученого, бережно хранимом в его семье, была обнаружена тетрадка с текстом дипломной работы, озаглавленной: «Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи».

В предисловии дается краткая характеристика колонии и языковой ситуации в ней. Лев Рафаилович, в частности, пишет:

«Белые Вежи являются одной из шести немецких колоний Дмитровского района Конотопского округа УССР. Эти шесть колоний, из которых четыре (в том числе и Белые Вежи) — лютеранские, а две — католические, расположены очень близко одна от другой. <...> Экономическая связь, в собственном смысле слова, между колониями невелика. <...> Самыми важными объединяющими факторами являются родственные связи и общая церковь, находящаяся в Белых Вежах. <...> Зависимость колоний от внешней, украинской среды очень велика; она базируется как на политической, так, в особенности, и на экономической почве. <...> Своего рынка колонии не имеют, и колонистам приходится ездить на рынок в Дмитровку или на ярмарки в окрестные села. Беловежские колонисты сравнительно богаты землей, и им приходится поэтому нанимать батраков. На время жатвы в Белые Вежи приходит довольно много батраков и батрачек из украинских деревень. Да и зимой нередко можно встретить украинских девушек, находящихся в услужении у немцев. Мы видим, таким образом, что общение колонистов с украинской средой является повседневным. Культурный уровень беловежцев невысок, несмотря на почти поголовную грамотность. Газеты выписывают очень немногие. Избы-читальни в колонии нет. Школу дети посещают плохо. Учебный год начинается в октябре и кончается в апреле, так как дети перестают ходить в школу в связи с началом полевых работ. Срок обучения в школе трехлетний. В дореволюционное время школа была русифицирована; только

преподавание Закона Божия велось на немецком языке. Да и сейчас еще преподавание ведется более чем наполовину на украинском языке. Ясно, что при таких условиях влияние школы, а с ней и литературного немецкого языка, на говор Белых Веж чрезвычайно мало. Во всех почти немецких колониях в СССР колонисты говорят на трех языках: на родном диалекте, на литературном немецком языке и по-русски. Большинство же беловежцев, по выясненным выше причинам, литературного языка не знает или почти не знает. Если повсюду колонисты говорят на литературном языке, окрашенном диалектически, то беловежцы, наоборот, желая говорить на литературном языке, только слегка подкрашивают под него свой родной диалект. <...>⁷.

Диалектологическая работа в колонии включала в себя традиционное заполнение анкет (Wenkers-Sätze) и дополнительного списка из 200 слов, составленного Жирмунским с особым вниманием к «крестьянской» лексике. Однако молодые германисты понимали недостаточность этого материала для полного описания говора. «Желая изучить структуру языка колонистов такую, какова она есть, не привнося несвойственных ей категорий, мы должны были бы пользоваться в своей работе, главным образом, методом пассивного изучения — «подслушивания». Мы и пользовались им, поскольку это было возможно, присутствуя на сходах, собраниях и просиживая довольно много времени в кооперативе. Однако нам пришлось очень широко пользоваться также методом расспрашивания ввиду краткости времени, бывшего в нашем распоряжении. Для того, чтобы убедиться в правильности даваемых нам ответов, мы постоянно проверяли наши записи на реальных объектах»⁸.

Результатом этой работы, несмотря на краткость пребывания студентов в колонии, явилось практически исчерпывающее описание говора, изложенное в трех названных дипломных работах.

Кроме диалектологического материала во всех экспедициях, организованных Жирмунским, проводились и записи образцов песенного фольклора, бытующего у немецких колонистов. Участники экспедиций собирали не только тексты песен, но и записывали на фонограф и граммофон мелодии. Фольклорная часть собранного во время экспедиций материала составила основу созданного Жирмунским «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» (Das

deutsche Volksliedarchiv in Leningrad)⁹. Привезенные из поездок тексты перепечатывались на машинке в нескольких экземплярах и систематизировались, мелодии расшифровывались музыковедами, составлялись каталоги, проводилось сравнение с известными собраниями немецких песен. Архив насчитывал около 4000 песенных текстов и около 1300 записанных на фоновалики и восковые пластинки мелодий.

Что касается непосредственного участия Л. Р. Зиндера в этих экспедициях, то в настоящее время можно привести данные только относительно валиков, так как на пластинках (на их оборотах) не даны сведения о собирателе материала. Валики же хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ¹⁰ в специальных контейнерах и снабжены (каждый) бумажными вкладышами. На них содержится информация о названиях песен, о месте и времени записи, иногда и о ее качестве, а также о собирателях. Из общего числа записанных изначально 93 валиков 67 были записаны Л. Р. Зиндером. 66 валиков были пронумерованы и внесены в реестр коллекции еще В. М. Жирмунским и его коллегами по собирательской деятельности, один валик относится на данный момент к так называемым «остаткам» и не обладает отдельным номером.

10 из записанных Л. Р. Зиндером валиков с 29 записями на них, к сожалению, не сохранились и считаются на данный момент утраченными. Информацию, подтверждающую то, что эти валики были записаны именно Л. Р. Зиндером, мы находим в специальных тетрадках к валикам, содержащих опись всего записанного на валиках песенного материала. Еще один из перечисленных 66 валиков (с 4 записями) поврежден и не поддается на данный момент реставрации. Записи с этого валика не были перенесены ни на магнитную пленку, ни на оцифрованные диски. Таким образом, из хранящихся на сегодняшний день в Фонограммархиве 82 валиков, 57 были записаны Л. Р. Зиндером.

Л. Р. Зиндер участвовал почти в трети экспедиций в немецкие колонии бывшего СССР, организованных В. М. Жирмунским:

лето 1927 г. — в Конотопский район Черниговской области (колония Белые Вежи);

апрель 1928 г.¹¹ — в Кингисеппский район Ленинградской области (колония Ной-Луцке);

январь 1928 г. — повторная экспедиция в Конотопский район Черниговской области (колония Белые Вежи);

август-сентябрь 1928 г. — в Крым: в район Симферополя (колонии Нойзатц, Розенталь, Фриденталь, Кроненталь) и Феодосии (колония Судак);

август-сентябрь 1928 г. — в Закавказье, в район Тифлиса (колонии Элизабетталь и Александерсдорф);

1929 г. — экспедиция на Украину, в район Херсона (шведские колонии Украины — Шлангендорф и Мюльгаузенсдорф);

август 1930 г. — на Украину, в район Днепропетровска (колонии Биллерфельд и Мариенфельд).

Таким образом, Л. Р. Зиндер участвовал в 7 экспедициях из осуществленных 23.

Всего за время этих экспедиций Л. Р. Зиндер сделал 212 записей песен (в звучащем виде — только начальные строки), 29 из которых — на утерянных валиках, а 4 — на разбитом; следовательно, до нас дошло 179 записей, сделанных Л. Р. Зиндером в немецких колониях. Возможно, эта цифра была бы еще больше, если бы мы обладали точными данными о собирателях, делавших записи на восковые пластинки.

Л. Р. Зиндер посетил в общей сложности 13 колоний в различных областях бывшего Советского Союза и сделал там следующие записи (некоторые песни записывались повторно):

1) Александерсдорф — 5 валиков с 19 записями начальных строк песен;

2) Белые Вежи — 16 валиков, 16 записей;

3) Биллерфельд — 3 валика, 10 записей;

4) Кроненталь — 3 валика, 9 записей;

5) Мариенфельд — 2 валика, 5 записей;

6) Мюльгаузенсдорф — 3 + 1 (4) валика, 11 + 6 (17) записей;

7) Нойзатц — 10 валиков, 32 записи;

8) Ной-Луцке — 3 валика, 12 записей;

9) Розенталь — 3 валика, 16 записей;

10) Судак — 2 валика, 3 записи;

11) Фриденталь — 4 валика, 17 записей;

12) Шлангендорф — 5 валиков, 23 записи;

13) Элизабетталь — 7 валиков, 36 записей.

Из выделяемых В.М. Жирмунским 14-ти песенных жанров¹² в материале, собранном Л. Р. Зиндером, представлено 12, отсутствуют только 2 жанра — детские песни и загадки/пожелания.

Наиболее частотным является жанр любовных/прощальных песен. К нему относятся 41 из записанных Л. Р. Зиндером песен, далее следует жанр новых баллад — 36 песен, затем старые баллады — 24 песни, жанры шуточных песен, четверостиший, а также песен со смешанным содержанием представлены каждый 21-й записью, в жанре солдатских песен — 18 записей; кроме того, представлены также жанры национальных и застольных песен — по 7 записей, 6 песен относятся к жанру колониетских и по 3 песни — к обрядовым и духовным.

Почти в каждом жанре встречаются повторения одних и тех же песен, исполнявшихся по-разному в разных колониях. Чаще всего повторений два или максимум три. Дублируются наиболее популярные в своем жанре песни, так, например, среди любовных песен наиболее распространенными являются: “Drei Lilien”, “Rigau ist ein schönes Städtchen”, “Wenn ich kein Schatz mehr hab’” и “Wie die Blümlein draußen zittern”, а среди новых баллад — “An einem Bach, der rauschend floß”, “Einst lebte ich im deutschen Vaterlande”, “Leise tönt die Abendglocke”¹³ и др. Один раз мы встречаем пять вариантов одной и той же песни. Это популярная старая баллада “Ich stand auf hohen Bergen”.

Наибольшее количество валиков было записано Л. Р. Зиндером в колонии Белые Вежи (16 валиков с 16 записями). В целом, на валиках помещалось каждый раз разное количество записей, в зависимости от их длительности. В основном, собирателям приходилось экономить место, так как количество валиков было ограничено. Однако на валиках, записанных в колонии Белые Вежи, всегда по одной песне, длительность их от минимум 1 мин 15 с до максимум 3 мин 46 с. Качество сохранившихся записей, к сожалению, не очень хорошее, но некоторые песни можно услышать достаточно отчетливо.

Из 16 записей, сделанных в Белых Вежах, 4 песни относятся к жанру любовных/прощальных песен, 4 — к старым балладам, 3 — солдатские песни, 2 — духовные песни, одна новая баллада, одна шуточная песня и одна песня, не отнесенная Л. Р. Зиндером к како-

му-либо определенному жанру, выученная в школе и спетая мальчиком десяти лет.

Информантами Л. Р. Зиндера в колонии Белые Вежи были в общей сложности 5 человек (или шесть, так как один раз информант не указан). Это были в основном женщины около 20 лет и один мальчик десяти лет.

В 1930 г., в связи с осложнившейся политической ситуацией и изменившейся политикой в отношении национальных меньшинств, Жирмунский резко прервал экспедиционную работу. Последняя его публикация по данной теме появилась в журнале «Советская этнография» в 1933 г. под названием «Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР»¹⁴. В феврале 1933 г. В. М. Жирмунский был в первый раз арестован как немецкий шпион, затем последовали еще два, к счастью, кратковременных ареста: в 1935 и 1941 гг. Освобождение ученого удавалось каждый раз только благодаря активным стараниям его коллег, друзей и родственников. Задуманная Жирмунским большая коллективная работа по немецкой диалектологии, объединявшая десятки германистов и имевшая своей целью составление атласа колониальных диалектов Союза, была законсервирована. Часть диалектных материалов, по словам Л. Р. Зиндера, была конфискована при арестах Жирмунского.

В настоящее время ценные диалектные материалы, в том числе и более 1000 заполненных анкет, хранятся в фонде В. М. Жирмунского в С.-Петербургском отделении Архива Российской Академии наук.

Работа над «Ленинградским песенным архивом» продолжалась до середины 30-х годов в Государственном Институте истории искусств и Государственном Институте речевой культуры. Каталогизаций и библиографическим описанием материалов там занималась Т. В. Строева¹⁵, которая, как и Л. Р. Зиндер, начала с 1928 г. педагогическую работу в университете, но одновременно была и научным сотрудником Института истории искусств.

В начале 40-х годов «Архив» почти в полном своем объеме оказался в фондах Института русской литературы (Пушкинский дом), где и пролежал практически невостребованным более полувека. Коллекция Жирмунского¹⁶ в Рукописном отделе ИРЛИ состоит из 47 папок,

включающих 9597 документов на 10 325 листах. В папках содержатся машинописные тексты немецких песен, расклассифицированных по жанрам и сюжетам (систематически) и по колониям (географически), а также рукописные тексты, авторские и запасные экземпляры и другие материалы, в том числе варианты систематического каталога. В Фонограммархиве ИРЛИ хранятся фоновалики и пластинки с записями немецких песен, а также нотные расшифровки, картотеки и экспедиционные тетради¹⁷.

В 1995 г. на кафедре фонетики и методики преподавания С.-Петербургского государственного университета под руководством Л. В. Бондарко началась работа по изучению коллекции В. М. Жирмунского. Благодаря поддержке международного проекта INTAS “The use of acoustic databases in the study of language change” (INTAS-94-4758) появилась возможность начать работу над расшифровкой песенного архива В. М. Жирмунского. Работа по расшифровке коллекции проводилась Н. Д. Светозаровой, которая первая начала ее исследование. Начальный этап работы заключался в разборе и сортировке всего собранного в коллекции звучащего на пластинках материала, последние были отсортированы, разложены по колониям и по порядковым номерам. Тем самым было положено начало составлению каталога пластинок.

С октября 2002 г. по май 2003 г. был осуществлен совместный проект DVA (Deutsches Voksliederarchiv, Freiburg im Br.) и ИРЛИ (С.-Петербург) по переносу материалов коллекции на современные носители. Участниками проекта стали сотрудники Фонограммархива и СПбГУ. Работа велась одновременно в двух архивах ИРЛИ — в Фонограммархиве и в Рукописном отделе. Звуковой материал коллекции был оцифрован, обработан и переписан с магнитных носителей на цифровые. Музыкальные карточки с нотными расшифровками были отсканированы и тщательнейшим образом обработаны. Работа проводилась В. П. Шиффом, Г. В. Матвеевым, А. Ю. Кастровым при участии Л. Н. Пузейкиной (перевод и слуховой анализ материала) под руководством Ю. И. Марченко и Н. Д. Светозаровой. В рамках данного проекта Л. Н. Пузейкина вела протоколы перезаписи, дающие полную информацию о качественном и количественном составе сохранившегося звукового материала коллекции (321 пластинка и 82 валика).

Помимо этого Л. Н. Пузейкиной был также составлен полный каталог песен, объединивший всю информацию, содержащуюся в надписях на оборотах пластинок и на вкладышах к валикам, а также найденную в тетрадах и списках.

Ниже приводится небольшая часть данного каталога — записи, осуществленные Л. Р. Зиндером.

Части каталога даются в сокращенном виде и в хронологическом порядке. Информация о месте и времени сбора песен дается перед каждой частью каталога с указанием шифра экспедиции¹⁸. Таблицы разделены на следующие графы: 1) номер валика, 2) заглавие или начальные строки песен (в том виде, в каком они приведены на вкладышах к валикам), 3) номер по каталогу В. М. Жирмунского, где буква означает принадлежность к тому или иному жанру, цифра после буквы — номер песни внутри жанра, цифра после номера — вариант данной песни. В некоторых случаях данная информация отсутствует, т.к. ее нет в исследованных источниках. Графы 4 и 5 указывают на информантов и их возраст (данная информация также присутствует не всегда). В последней графе приводится название колонии и иногда номер экспедиции (например, Белые Вежи № 2). В таблицах встречаются также следующие обозначения: в круглых скобках — комментарий В. М. Жирмунского, в косых скобках — дополнительная информация из тетрадей к валикам или из нотной картотеки.

Записи немецких народных песен, осуществленные Л. Р. Зиндером в ходе диалектологических и фольклорных экспедиций в немецкие колонии СССР в кон. 20 — нач. 30-х годов XX века

Лето 1927 г. — записи в Конотопском районе Черниговский район (U I)

№ валика	Начальные строки песни	Номер по каталогу В. М. Жирмунского	Исполнитель	Возраст	Место записи (колония)
3.	1. Es wollt' ein Jäger jagen	A 24 в Nr. 1 – vielleicht auch A 24 с Nr. 1	–	–	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2

Январь 1928 г. — записи в Конопотском районе Черниговской области (U II)

№ ва-лика	Начальные строки песни	Номер по каталогу В. М. Жирмунского	Исполни-тель	Воз-раст	Место записи (колония)
24	1. Straßburg ist ein schönes Städtchen	L 39 Nr. 15, 16	eine Frau	22 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
25	1. Es war ein Markgraf über'm Rhein	A 9 Nr. 2	eine Frau	22 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
26	1. Auf der Reis' war ich gewesen	L 6 Nr. 2	eine Frau	22 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
27	1. Keine Rose ohne Dornen	D 67 Nr. 7	eine Frau	22 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
28	1. Im Winter, wenn es am kühllsten ist	A 30 Nr. 1	eine Frau	22 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
29	1. Es waren drei Gesellen	C 1 Nr. 9	eine Frau	22 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
30	1. Ich stand vor meiner Mutter	B 57 Nr. 2	Karoline Seibel / Seidel/	20 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
31	1. Die Hirten, die waren im Felde	G 20 Nr. 1	Karoline Seibel / Seidel/	20 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
32	1. Wo keine Wolke sich mehr türmt	G 19 Nr. 1	Maria Reuswich	20 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
33	1. Es war einmal ein Müllermann	A 23 Nr. 1	Maria Reuswich	20 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
34	1. In Polen steht ein schönes Haus	L 40 Nr. 5	Maria Reuswich	20 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
35	1. Stets in Trauer muß ich leben	D 76 b Nr. 2	Maria Reuswich	20 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
36	1. Als ich gleich kein Schatz mehr hat	D 100 Nr. 2	Maria Reuswich	20 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
37	1. Alle Vögel sind schon da	–	ein Knabe	10 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2
38	1. Straßburg, Straßburg wunderschöne Stadt	L 39 Nr. 3	eine Frau	22 J.	Kol. Belyje Weschi, Nr. 2

Лето 1929 г. — экспедиция в Украину, Херсонский район (УИИ)

№ ва-лика	Начальные строки песни	Номер по каталогу В. М. Жирмунского	Исполнитель	Возраст	Место записи (колония)
80	1. Ich bin meins Vaters einziger Sohn	K 8 Nr. 4	-	-	Kol. Schlangendorf, Kreis Cherson
	2. Ist nichts mit den alten Weibern	I 102 Nr. 1	-	-	
	3. Als ich dich das erste Mal erblickte	D 11 Nr. 3	-	-	
	4. Da streiten sich die Leut' herum	N 41 Nr. 4	-	-	
	5. Es trieb ein Hirt sein Schaf in Wald	A 38 Nr. 2	-	-	
81	1. Es war ein Graf über den Rhein	A 9 Nr. 6	-	-	Kol. Schlangendorf, Kreis Cherson
	2. Es sah ein Knab ein Röslein stehn	B 93 Nr. 1	-	-	
	3. Es gingen einst zwei Schwesterlein wohl in den Wald spazieren	A 13 Nr. 12	-	-	
82	1. Soll ich dir mein Liebchen nennen	D 90 Nr. 8	-	-	Kol. Schlangendorf, Kreis Cherson
	2. Komm, Feinsliebchen, komm ans Fenster, alles still und stumm	D 68 Nr. 2	-	-	
	3. Sie ging zum Sonntagtanze	B 95 Nr. 1	-	-	
83	1. In einem Städtchen, in einem tiefen Tale	B 11 Nr. 9	-	-	Kol. Mühlhausensdorf, Kreis Cherson
	2. Ich stand auf hohen Bergen und schaute ins tiefe Tal	A 3 Nr. 26	-	-	
	3. Dort unten in der Mühle	-	-	-	
	4. Heinrich schlief bei seiner Neuvermählten	B 1 Nr. 7	-	-	
	5. Heut ist Kerbe, morgen ist Kerbe	F 1 Nr. 5	-	-	

84	1. Wann kommt die Zeit, da ich wandern muß	D 50 Nr. 3	-	-	Kol. Mühlhausensdorf, Kreis Cherson
	2. Mariechen saß einsam im Roggen	B 17 Nr. 5	-	-	
	3. Es standen 3 Sternlein am blauen Himmel	A 4 a Nr. 16	-	-	
	4. Es wollt' ein Mann nach seiner Heimat reisen	B 10 Nr. 5	-	-	
85	1. Wie die Blümlein draußen zittern und die Abendlüfte wehen	D 104 Nr. 4	-	-	Kol. Mühlhausensdorf, Kreis Cherson
	2. Dort unten in der Mühle saß ich im süßen Ruh	-	-	-	
86	1. Wo kleines Hüttle steht, ist a kleins Gütle	D 108 Nr. 4	-	-	Kol. Schlangendorf, Kreis Cherson
	2. Ich ging bei Mondenschimmer mit Lida Hand in Hand	B 96 Nr. 1	-	-	
	3. Am einsamen Ufer, am rauschenden Bach	B 12 Nr. 6	-	-	
87	1. Du, du liegst mir im Herzen, du, du, du liegst mir im Sinn	D 146	-	-	Kol. Schlangendorf, Kreis Cherson
	2. Als ich ein Junggeselle war	C 4 Nr. 5	-	-	
88	1. Drei Lilien	D 23 Nr. 9	-	-	Kol. Schlangendorf, Kreis Cherson
	2. Lustig ist das Zigeunerleben	H 2 Nr. 5	-	-	
	3. Nun leb' wohl, du, kleine Gasse	D 183 Nr. 1	-	-	
	4. Als ich ein Junggeselle war	C 4 Nr. 5	-	-	

Август 1930 г. — экспедиция в Украину, Днепропетровский район (UIV)

№ ва-лика	Начальные строки песни	Номер по каталогу В.М. Жирмунского	Исполнитель	Возраст	Место записи (колония)
89	1. Ich stand auf hohem Berge	A 3 Nr. 33	Florentine Hahn	–	Kol. Billerfeld
	2. Es ging bei hellem Mondenschein	B 52 Nr. 3	Hilda Hahn	–	
	3. Ännchen von Tharau	B 122 Nr. 1	Malwine Metzger	–	
	4. Zur Taurischen Festung	M 68 Nr. 1	Erna Hahn	–	
	5. Ganz neulich, da ging ich spazieren	C 109 Nr. 1	Emma Lernickel	–	
90	1. Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 21	–	–	Kol. Billerfeld
91	1. Schewtschenko's Vermächtnis	M 65 Nr. 1	Florentine Hahn	–	Kol. Billerfeld
	2. Und als der Schneider garstig war	H 23 Nr. 4	Malwine Metzger	–	
	3. An einem heißen Sommerabend	C 97 Nr. 3	Kath. Spuling	–	
	4. `S ist Zeit, `s ist Zeit zum Schlafengehn	D 132 Nr. 8	K. Spuling	–	
92	1. Es schlief ein Graf	A 8	Lida Steinborn	–	Kol. Marienfeld
	2. Ach, Rußland, armes Rußland	M 15 Nr. 3	Marthe Schreiter	–	
	3. Es war ein Markgraf überm Rhein	A 9	Anna Littau	–	
93	1. Drei Lilien	D 23	Martha Schreitl	–	Kol. Marienfeld
	2. Wot hast gekusst, min Luselte	C 17 Nr. 9	Hermann Schreitl	–	

Апрель 1928 г. — записи в Кингисеппском районе Ленинградской области (LII)

№ ва-лика	Начальные строки песни	Номер по каталогу В.М. Жирмунского	Исполни-тель	Возраст	Место записи (колония)
42	1. Wenn es meine Mutter wüßte	M 14	Alex. Nerenz	–	Kol. Neu-Luzke
	2. An einem Fluß da rauscht ein Schoß	B 5	Alex. Nerenz	–	
	3. Ein scheckiges Pferd	L 72 Nr. 1 (L)	Alex. Nerenz	–	
	4. Morgen müssen wir verreisen	D 76 a Nr. 1 (L)	Anna Nerenz	–	
	5. Und wer sein Gläschen trinkt	K 13 Nr. 1 (L)	Anna Nerenz	–	
43	1. Rigau ist ein schönes Städtchen	D 76 a Nr. 2	A. Nerenz	–	Kol. Neu-Luzke
	2. Heiter war der Frühling meines Lebens	D 123 Nr. 1	A. Nerenz	–	
	3. Ich stand auf einem hohen Berge	A 3 Nr. 7 (L)	Alex. Nerenz	–	
44	1. Im Schlondenburg	I 56 Nr. 1 (L)	Anna Nerenz	–	Kol. Neu-Luzke
	2. Rigau ist ein schönes Städtchen	D 76 a Nr. 2	Anna Nerenz	–	
	3. Haet ist Kirgle, Morgen Kirgle	F 1 Nr. 2 (L)	Anna Nerenz	–	
	4. Ich liebt ein Mädchen von 18 Jahr	N 36 Nr. 1 (L)	Anna Nerenz	–	

Август — сентябрь 1928 г. — записи в Крыму, Симферопольский район (KII)

№ ва-лика	Начальные строки песни	Номер по каталогу В.М. Жирмунского	Исполни-тель	Возраст	Место записи (колония)
47	1. Unsere alte Schwiegermutter	I 38 Nr. 4	Adam Rümmele	60 J.	Kol. Neusatz, Kr. Simferopol
	2. Ich bin ein Mann voll Traurigkeit	K 26 Nr. 1	Adam Rümmele	60 J.	
	3. Behüt dich Gott	D 14 Nr. 3	Helene Ackert	21 J.	

48	1. Leise tönt die Abendglocke	B 28 Nr. 2	Emma Boos	23 J.	Kol. Neusatz, Kr. Simferopol
	2. Dort droben auf jenen Bergen	D 16 Nr. 3	Adam Rümmele	60 J.	
49	1. Ein alter Mann, der vieles schon erfahren	B 13 Nr. 2	Lydia Frasch (aus Friedental)	30 J.	Kol. Neusatz, Kr. Simferopol
	2. Einst lebte ich im deutschen Vaterlande	B 8 Nr. 2	Rosa Schoppert	-	
	3. Was hast du denn gemahlet, mein ziegender Bock	C 29 Nr. 3	Adam Rümmele	60 J.	
50	1. Nun, adje zur schönen guten Nacht	D 81 Nr. 4	Adam Rümmele	60 J.	Kol. Neusatz, Kr. Simferopol
	2. Froh herbei, wolkenfrei	N 74 Nr. 1	Helene Ackert	21 J.	
	3. Fuchs, du hast die Gans gestohlen	N 60 Nr. 2	Friede Rümmele	21 J.	
	4. Die Latten dui, die Latten dui	I 79 Nr. 1	Adam Rümmele	60 J.	
51	1. Wer das Scheiden hat erfunden	D 101 Nr. 1	Emilie Zeeb	ca. 19 J.	Kol. Neusatz, Kr. Simferopol
	2. Ein Schloßer hat a Geselle ghat	C 42	Lydia Frasch (aus Friedental)	ca. 30 J.	
	3. Die Freiheit meines Lebens ist mir schon längst bewußt	L 11 Nr. 2	Adam Rümmele	60 J.	
52	1. Die Freiheit meines Lebens (Fortsetzung)	L 11 Nr. 2	Adam Rümmele	60 J.	Kol. Neusatz, Kr. Simferopol
	2. Wenn ich von Prisiv komm..	C 81 Nr. 1	Karl Rümmele	26 J.	
	3. Lieber Wilhelm, steig` in die Laube	D 3 Nr. 2	Lidie Mönch	22 J.	
53	1. Ich hatt` einen Kameraden	L 22 Nr. 2	Wilhelmine Zeeb	20 J.	Kol. Neusatz, Kr. Simferopol
	2. Gestern Abend in der stillen Ruh	D 39 Nr. 1	Adam Rümmele	60 J.	
	3. Was fang ich, armer Teufel, an	K 19 Nr. 2	Adam Rümmele	60 J.	
	4. Ich ging einmal in einem Sommertage	B 33 Nr. 1	Jakob Zeeb	50 J.	

54	1. Heut herrscht nichts, was uns betrübt	F 21 Nr. 2	Friede Rümmele	21 J.	Kol. Neusatz, Kr. Simferopol
	2. Heute morgen früh am Sonntag	L 10 Nr. 10	Helene Ackert	21 J.	
	3. Müde kehrt der Wandersmann zurück	B 3 Nr. 8	Friede Rümmele	21 J.	
55	1. Und es war einmal ein Bauer	C 89 Nr. 1	Adam Rümmele	60 J.	Kol. Neusatz, Kr. Simferopol
	2. Es war einmal eine Müllerin	C 13 Nr. 5	Helene Ackert	21 J.	
	3. Nun ade, du, mein Heimatland	N 89 Nr. 1	Friede Rümmele	21 J.	
56	1. Bei angenehmer Sommerzeit	M 20 Nr. 1	Helene Ackert	21 J.	Kol. Neusatz, Kr. Simferopol
	2. Mit hunderttausend Stimmen ruft	N 30 Nr. 1	Helene Ackert	21 J.	
	3. Schön ist die Jugend	N 36 Nr. 7	Helene Ackert	21 J.	
	4. Schön ist die Jugend	N 36 Nr. 7	Adam Rümmele	60 J.	
57	1. Drei so Mädle steck ich in Hosensack	I 78 Nr. 1	Lucia Hörner	22 J.	Kol. Rosental, Kr. Simferopol
	2. Wann kommt die frohe Stunde	D 119 Nr. 2	Lucia Hörner	22 J.	
	3. Oh, wie wohl ist mir's am Abend	N 75 Nr. 1	Lucia Hörner	22 J.	
	4. `S ist alles dunkel, `s ist alles trübe	D 34 Nr. 4	Lucia Hörner	22 J.	
	5. Morgenrot, Morgenrot, leuchtet mir's zum frühen Tod	L 32 Nr. 2	Lucia Hörner	22 J.	
58	1. Ich schreib meinem Vater einen Brief	K 7 Nr. 4	Lucia Hörner	22 J.	Kol. Rosental, Kr. Simferopol
	2. Liebchen fein, sag nicht nein	D 172 Nr. 1	Lucia Hörner	22 J.	
	3. Sie läßt mich nicht	D 174 Nr. 1	Lucia Hörner	22 J.	
	4. Oh, Osterlitz...	I 77 Nr. 1	Lucia Hörner	22 J.	
	5. Du, du liegst mir im Herzen	D 146 Nr. 1	Lucia Hörner	22 J.	

59	1. Meine Frau und deine Frau	I 22 Nr. 1 oder 2	Lucia Hörner	22 J.	Kol. Rosental, Kr. Simferopol
	2. Wenn ich Kaiser wär	N 22 Nr. 4	Lucia Hörner	22 J.	
	3. Was eilet am Sonntagsmorgen	A 4 d Nr. 3	Lucia Hörner	22 J.	
	4. Leise tönt die Abendglocke	B 28 Nr. 3	Lucia Hörner	22 J.	
	5. Aus ist das Liedle	I 80 Nr. 1	Lucia Hörner	22 J.	
	6. Jacob Friedrich heiß ich	C 84 Nr. 1	Lucia Hörner	22 J.	
60	1. Ich muß scheiden von den meinen	M 30 Nr. 1	Alwine Müller	–	Kol. Friedental, Kr. Simferopol
	2. Die Jugend, die noch unbekehrt	G 25 Nr. 1	Alwine Müller	–	
	3. Steh` ich in finsterner Mitternacht	L 46 oder 46 a Nr. 1	Alwine Müller	–	
	4. Unsere alte Schwiegermutter	I 38 Nr. 1	Amalie Henicke	ca. 16 J.	
	5. Die Blumen in dem Garten, die Blätter fallen ab	D 18 Nr. 1	Amalie Henicke	ca. 16 J.	
61	1. Einst verliebte sich ein Jüngling	B 18 Nr. 4	Amalie Henicke	ca. 16 J.	Kol. Friedental, Kr. Simferopol
	2. Fahre nicht über mein Äckerle, Äckerle	I 13 Nr. 3	Amalie Henicke	ca. 16 J.	
	3. Hier sitz` ich auf Rosen	K 3 Nr. 2	Christian Haar	72 J.	
	4. Ich wollt`, ich lieg und schlief viel tausend Klafter tief	D 62 Nr. 2	Christian Haar	72 J.	
62	1. Napoleon, du, Schustergeselle	L 53 a Nr. 4	Christian Haar	72 J.	Kol. Friedental, Kr. Simferopol
	2. Stellmacher, Schmidt und Esel, wie reimt es sich zusammen	C 79 Nr. 1	Christian Haar	72 J.	
	3. Jetzt schwingen wir den Hut	K 13 Nr. 1	Christian Haar	72 J.	

63	1. Prinz Eugenius, der edle Ritter	L 41 Nr. 1	Christian Haar	72 J.	Kol. Friedental, Kr. Simferopol
	2. Wenn alle Leut' wären wie ich und mein Weib	I 43 Nr. 1	Christian Haar	72 J.	
	3. Bin überall gewesen, in Bayerland nicht	I 5 Nr. 1	Christian Haar	72 J.	
	4. Brüder, Brüder ziehen in den Krieg	L 8 Nr. 1	Christian Haar	72 J.	
	5. Der Siebe Seidel und der Schuster Franz	C 43 Nr. 1	Christian Haar	72 J.	
64	1. Ich bin ein Schweizerbursch	H 1 Nr. 3	Benno Weber	–	Kol. Kronental, Kr. Simferopol
	2. Und wir haben den Frühling gesehen	D 25 b Nr. 4	O. Hoffmann	–	
	3. Keine Rose ohne Dornen	D 67 Nr. 5	O. Hoffmann	–	
	4. Gar vieles wird gesungen	N 16 Nr. 1	O. Hoffmann	–	
65	1. Du, Deutschland, ich muß marschieren	L 38 Nr. 4	O. Hoffmann	–	Kol. Kronental, Kr. Simferopol
	2. Leise tönt die Abendglocke	B 28 Nr. 1	Benno Weber	–	
	3. Prischib ist ein schönes Städtchen	C 33 Nr. 2	O. Hoffmann	–	
	4. Die Reise nach Frankreich	L 10 Nr. 5	O. Hoffmann	–	
66	1. Ich hab dir in die Äuglein g'schaut	B 25 b Nr. 1	Benno Weber	–	Kol. Kronental, Kr. Simferopol
	2. Ein Jüngling wollte reisen	B 23 Nr. 11	Erna Hartmann	15 J.	Kol. Sudak, Kreis Feodosia
67	1. Es stand eine Linde in tiefen Tal	A 6 Nr. 12	Erna Hartmann	15 J.	Kol. Sudak, Kreis Feodosia
	2. Es war einmal ein kleiner Mann	C 7 Nr. 6	Erna Hartmann	15 J.	

1928 г. — экспедиция в Закавказье, Тифлисский район (ТII)

№ ва-лика	Начальные строки песни	Номер по каталогу В.М. Жирмунского	Исполнитель	Возраст	Место записи (колония)
68	1. An einem Bach, der rauschend floß	B 5 Nr. 2 (5) (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	/49 J./	Kol. Elisabeththal, Kreis Tiflis
	2. An einem Bach in einem tiefen Tale	B 11 Nr. 3 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	/49 J./	
	3. Durchs Wiesental gang ich dort na	D 168 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	/49 J./	
	4. Mädele ruk, ruk, ruk	D 71 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	/49 J./	
	5. Was hilft mi mein Grasen	I 9 Nr. 3 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	/49 J./	
69	1. Es wollt` ein Mädchen Wasser schöpfen	A 33 Nr. 1	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	Kol. Elisabeththal, Kreis Tiflis
	2. Wenn i no Geld gnug hätt	N 66 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	3. Jetzt gang i zum Schulz	C 75 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	4. Es blühen Rosen, es blühen Nelken	N 36 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
70	1. Dort tief im Böhmerwald	H 44 Nr. 1 (T)	Lydia Schlegel	47 J.	Kol. Elisabeththal, Kreis Tiflis
			Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	2. Hell glänzt des Mondes Licht	D 169 Nr. 1 (T)	Lydia Schlegel	47 J.	
			Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	3. Wenn es nur der Kaiser wüßt`	I 64 Nr. 1 (T)	Lydia Schlegel	47 J.	
			Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	4. Aufgeblühte Sonnenblume wächst in meinem Garten	I 65 Nr. 1 (T)	Lydia Schlegel	47 J.	
	5. Ein Mädchen wollte grasen gehen	A 19 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	

71	1. Wenn ich kein Schatz mehr hab`	D 100 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	Kol. Elisabeththal, Kreis Tiflis
	2. Es war ein reicher Kaufmannssohn	A 32 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	3. Zu des Waldes dunkler Laube	B 6 Nr. 4 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	4. Ich steh` auf hohen Bergen	A 3 Nr. 6 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	5. Müde kehrt ein Wandersmann zurück	B 3 Nr. 2 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	6. Könnst` ich dich mein Liebchen nennen	D 90 Nr. 2	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
72	1. Minnchen ging in Wald spazieren	B 71 Nr. 2 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	Kol. Elisabeththal, Kreis Tiflis
	2. Straßburg, o, Straßburg	L 39 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	3. Du bist et schön	I 62 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	4. Ein niedliches Mädchen	C 18 b Nr. 2 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	5. Schatz, mein Schatz, reis nicht so weit	L 44 Nr. 2 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	6. Root Häusle, griens Dächle	I 63 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	7. Eine Heldin, wohlerzogen	B 7 Nr. 4 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
73	1. Es wollt` ein Mädchen früh aufstehen	A 24 a Nr. 4 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	Kol. Elisabeththal, Kreis Tiflis
	2. Ich bin so gar e arme Bua	C 76 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	3. Dort unda im Tale	I 61 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	4. Der Wächter auf dem Tore saß	A 31a Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	5. Aus der Jugendzeit klingt ein Lied	N 65 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
74	1. Kennt ihr das Land in deutschen Gauen	H 43 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	Kol. Elisabeththal, Kreis Tiflis
	2. An dem Saal im kühlen Strande	B 25 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	3. Einst lebt` ich froh im deutschen Vaterlande	B 8 Nr. 5 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	
	4. Freiheit, die ich meine	N 61 Nr. 1 (T)	Frederika / Friederika/ Hilz	49 J.	

75	1. Im dunkeln Haine	D 167 Nr. 1 (T)	Flora Weible	/22 J./	Kol. Alexandersdorf, Kreis Tiflis
	2. O, Heimat, o, Heimat	N 59 Nr. 1 (T)	Flora Weible	/22 J./	
	3. Minnchen ging in Wald spazieren	B 71 Nr. 1 (T)	Hosefina Schmidt	/ca. 24 J./	
	4. Zufriedenheit ist mein Vergnügen	N 64 Nr. 1 (T)	Hosefina Schmidt	/ca. 24 J./	
76	1. Ich lebte als Landsmann	H 37 Nr. 1 (T)	Flora Weible	22 J.	Kol. Alexandersdorf, Kreis Tiflis
	2. Es waren drei Gesellen	C 1 Nr. 1 (T)	Elfriede Weible	22 J.	
	3. Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 5 (T)	Elfriede Weible	22 J.	
	4. Abendglocke leise tönet	B 28 Nr. 1 (T)	Elfriede Weible	22 J.	
	5. Ich stand auf hohen Bergen	A 3 Nr. 7 (T)	Elfriede Weible	22 J.	
77	1. Auf dem Berge bin ich gessen	N 63 Nr. 1 (T)	Adelia Erfuhr, (Tiflis)	40 J.	Kol. Alexandersdorf, Kreis Tiflis
	2. Auf de Bergli bin i gessa	N 63 Nr. 1 (T)	Adelia Erfuhr, (Tiflis)	40 J.	
	3. Bei einem Wirte wundermild	B 79 Nr. 1	Magdalena Weikum	–	
	4. Über Berg und Tal rauscht der Wasserfall	N 38 Nr. 1 (T)	Adelia Erfuhr (Tiflis)	40 J.	
78	1. Ich weiß nicht, was soll es bedeuten	B 62 Nr. 1 (T)	Magadlene Weikun / Weikum/	–	Kol. Alexandersdorf, Kreis Tiflis
	2. Am Brunnen vor dem Tore, da steht ein Lindenbaum	B 72 Nr. 2 (T)	Magadlene Weikun / Weikum/	–	
	3. Wie lieblich schallt durch Busch und Wald	N 62 Nr. 1 (T)	Hermann Morgentaler / Mergentaler/	–	
79	1. Wenn wir marschieren, ziehen wir zum deutschen Tor hinaus	L 78 Nr. 2 (T)	Elisabeth Grillenparzel / Grilparzer/	25 J. /28 J./	Kol. Alexandersdorf, Kreis Tiflis
	2. Lustig ist Zigeunerleben	H 2 Nr. 2 (T)	Elisabeth Grillenparzel / Grilparzer/	25 J. /28 J./	
	3. Wie die Blümlein draußen zittern	D 104 Nr. 2 (T)	Elisabeth Grillenparzel / Grilparzer/	25 J. /28 J./	

Август 1929 г. — остатки, записи из Херсонского района

№ валика	Начальные строки песни	Номер по каталогу В.М. Жирмунского	Исполнитель	Возраст	Место записи (колония)
–	1. In des Waldes dunkler Laube saßen beide Hand in Hand	–	–	–	Kol. Mühlhausensdorf, Kreis Cherson
	2. Ach, Tochter, liebe Tochter mein, was reden doch die Leute	–	–	–	
	3. Es waren drei Gesellen	–	–	–	
	4. Wie bammelt mir mein Röckeke	–	–	–	
	5. Ich hab` ein Schatz ghat, hab` ich ihn gern ghat	–	–	–	
	6. Heiddumm, mein Schatz ist krumm	–	–	–	

Примечания

¹ Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Институт речевой культуры и советское языкознание 20-30-х годов // Язык и речевая деятельность. 1999. Т. 2. С. 206–212.

² Вербицкая Л. А. Л. Р. Зиндер — профессор Петербургского университета // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера / Науч. ред. Л. В. Бондарко. СПб., 2004. С. 8–14.

³ Смирницкая С. В. В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 61–70.

⁴ Отчет В. М. Жирмунского за 1926 г.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, фонд 1001. опись 2, дело 112.

⁵ Валентина Павловна Перегуд-Погорельская (р. 1905) — кандидат филологических наук, доцент Педагогического института им. А. И. Герцена, Сандухт Арамовна Акулянк (1909–1975) — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Ленинградского университета; Анна Михайловна Леонова (1909–1942) — филолог-германист, преподаватель Ленинградского университета.

⁶ Sokolskaja T., Sinder L. Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1930. Bd. 54, H. 3.

S. 334–355; *Strojewa-Sokolskaja T. V.* Alte deutsche Volkslieder in der oberhessischen Sprachinsel Belowesch (Nordukraine) // Hessische Blätter für Volkskunde. Bd. 29. Gießen, 1930. S. 140–162.

⁷ *Зиндер Л. Р.* Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи: Рукопись. Б. м., б. г. С. 4–9.

⁸ Там же. С. 1–2.

⁹ *Schirmunski V.* Das deutsche Volksliedarchiv in Leningrad / Jahrbuch für Volksliedforschung, Jg. 2. Wien, 1930. S. 165–166.

¹⁰ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

¹¹ Данные о датах приводятся в не унифицированном виде, так как не всегда известны точные даты экспедиций (например, месяц).

¹² Сводный перечень этих жанров приводится в статье: *Светозарова Н. Д.* «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского: история и современное состояние // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999. С. 217.

¹³ Названия песен приводятся в той орфографии, в которой они представлены в коллекции В. М. Жирмунского.

¹⁴ *Жирмунский В. М.* Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР // Советская этнография. 2. М.; Л., 1933. С. 84–112.

¹⁵ См.: *Светозарова Н. Д.* Германистика на филологическом факультете Ленинградского университета: 20-е годы XX века (По воспоминаниям Т. В. Строевой) // Немцы Санкт-Петербурга. Наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 275–282.

¹⁶ «Коллекция акад. В. М. Жирмунского (немцы-колонисты). Собрание Жирмунского (коллекция №104). 1926-1930 гг.». Согласно записи в инвентарной книге, коллекция 104 содержит результаты экспедиционной работы Государственного института истории искусств и Ленинградского отделения государственной академии искусствоведения и передана в ИРЛИ самим В. М. Жирмунским в период с 1939 по 1940 г. (точная дата передачи отсутствует).

¹⁷ См.: 1) *Светозарова Н. Д.* «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского: история и современное состояние // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999. С. 212–221; 2) В. М. Жирмунский и его «Ленинградский Архив Немецкой Народной Песни» // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского. СПб., 2001. С. 83–88.

¹⁸ В. М. Жирмунский использовал шифры, состоящие из латинской буквы, обозначающей район записи (U — Украина, L — Ленинградская область, K — Крым, T — Закавказье) и цифры, обозначающей номер экспедиции или группы записей.

Размышления над тезисами одного доклада Л. Р. Зиндера

Замечательный филолог Лев Рафаилович Зиндер (1904–1995) занимает особое место в ряду крупнейших ученых-германистов Санкт-Петербургского университета. Его имя хорошо известно самому широкому кругу филологов в нашей стране и за ее пределами. Он был любимым учеником Л. В. Щербы; в одном из писем о Л. Р. Зиндере Л. В. Щерба пишет: «...лучшему моему ученику, к которому я отношусь, как к родному сыну»¹.

Л. Р. Зиндер никогда не выставлял на передний план свое собственное научное творчество. Он всегда скромно подчеркивал, что целью его изысканий является сохранение и развитие идей его учителя, Льва Владимировича Щербы. Верность своему учителю он пронес через всю свою жизнь, следование идеям Л. В. Щербы видна во всех его работах. Однако было бы самым нелепым заблуждением считать Л. Р. Зиндера простым подражателем своего, пусть даже великого, учителя. Он был выдающимся ученым XX в., языковедом широчайшего научного диапазона, самобытным исследователем, тонким наблюдателем, эталоном научного совершенства. И может быть, именно потому, что Л. Р. Зиндер сам никогда не скрывал своей благодарности по отношению к Л. В. Щербе, все его ученики гордятся тем, что он был их наставником.

Самыми характерными чертами Льва Рафаиловича Зиндера, большого ученого и замечательного педагога, были простота и ясность. Глубина мысли совершенно непостижимым образом сочетались у него с ясностью изложения проблемы. В самых простых словах он мог выразить невероятно сложные мысли, самые запутанные хитросплетения лингвистических фактов парадоксальным образом находили у него простое решение. Но за этой кажущейся простотой стоял гигантский ежедневный труд ученого, в результате которого возникали совершенные научные произведения, в которых истина обретала свой простой и ясный облик. Именно такими совершенными произведениями являются книги Л. Р. Зиндера «Общая фонетика» (2-е изд., 1979), «Очерк общей теории письма»

(1987), «Теоретический курс фонетики немецкого языка» (1997) и многие другие².

В настоящем сборнике публикуется одна из малоизвестных статей Л. Р. Зиндера, вернее, тезисы его доклада «Лингвистика текста и фонология» на конференции «Просодия текста», состоявшейся в Москве в 1982 г.³ Материалы конференции, проходившей в МГПИИЯ им. М. Тореца, были выпущены малым тиражом и практически не известны заинтересованной публике. В своем выступлении Л. Р. Зиндер осветил два направления научного поиска, на стыке которых он видел перспективы развития современной лингвистики.

В последней трети XX в. одновременно с повсеместным расширением научного интереса к тексту как объекту анализа происходило формирование отдельных направлений лингвистики текста — «синтаксиса текста», «семантики текста», «прагматики текста», «стилистики текста» и др. Ученые не обошли своим вниманием также фонетическую сторону целого речевого произведения.

По свидетельству Т. М. Николаевой, формирование грамматики линейных отношений (т. е. грамматики текста) начиналось с изучения фразово-просодических структур, потому что именно в устном высказывании оказалось возможным установить набор единиц минимальной протяженности (синтагм), из которых состоит устный текст. Таким образом, ключом к текстовой грамматике явилась сама идея соположения этих единиц. Идея введения в синтаксис новых единиц и соответственно новых отношений намного опередили свое время⁴.

В упомянутом выше докладе Л. Р. Зиндер пишет о том, что лингвистика текста «не может обойтись без анализа фонетико-фонологических средств организации рассматриваемых ею сложных речевых произведений»⁵. По его мнению, такой анализ должен составить предмет особого раздела суперсегментной фонологии (или интонологии), в задачу которого входит выявление противопоставленных в данном языке форм, релевантных для выражения тех или иных отношений в соответствующих речевых единицах (фразовых единствах, абзацах и т. д.). Одной из задач нового раздела интонологии должно быть установление тех интонационных средств, которые, во-первых, обеспечивают в данном языке целостность

единицы текста, во-вторых, выполняют функцию связи элементов соответствующих единиц⁶.

Как видно, Л. Р. Зиндер определил два основных направления, по которым может происходить анализ текстовой интонации: изучение средств обеспечения целостности и связности текста и его единиц. Такое понимание задач, стоящих перед фонетическим анализом целого речевого произведения, соответствует самой сущности лингвистики текста, потому что фундаментальными свойствами текста признаются его связность и цельность.

Согласно известному тезису Р. Харвега, основная трудность исследования текстов, объясняется тем, что «возможность подвергать языковые единства формальному анализу убывает по мере повышения его иерархического уровня и возрастания его объема»⁷. Это положение справедливо также по отношению к звуковой стороне целого речевого произведения. Поэтому большинство наблюдений над фонетической организацией текста затрагивает структуру микротекстов — сверхфразовых единств (сложных синтаксических целых). Именно это обстоятельство подчеркивает в своем докладе петербургский ученый. Среди параметров, обеспечивающих целостность звукового облика текста, Л. Р. Зиндер назвал единство стиля произношения, включающего в себя такие чисто фонетические компоненты, как темп произнесения, тембр и др.⁸ Тем самым подчеркивается исключительная роль интонации в звуковой организации устного текста.

В своем докладе Л. Р. Зиндер в очередной раз обратился к одному из фундаментальных вопросов современного языкознания — вопросу о соотношении устной и письменной форм существования языка. Петербургский ученый неоднократно высказывал свое мнение по этому поводу. Устная речь первична, письменная вторична — это самый главный вывод, который не оспаривается в современном языкознании. В своем «Теоретическом курсе современного немецкого языка» Лев Рафаилович Зиндер в совершенно определенно высказывается по этому поводу: «Звуковая материя является единственной обязательной формой существования языка»⁹.

В то же самое время Л. Р. Зиндер всегда очень высоко оценивал исключительную роль письменной формы существования языка в истории и культуре любого общества. «Без письменности, —

говорит ученый, — было бы немисливо то огромное накопление знаний в различных областях проникновения человека в законы природы и общества, которое характеризует современные высоко-развитые народы»¹⁰.

Таким образом, несмотря на то, что подавляющее большинство актов коммуникации между людьми осуществляется в устной форме, ученые постоянно отмечали исключительную роль письма в истории и культуре человеческого общества. В настоящее время эта тенденция становится тем более очевидной, потому что письменная форма существования языка все настойчивее вторгается в нашу жизнь.

При этом обращает на себя внимание такое парадоксальное явление (я не в первый раз говорю об этом): письмо и письменная коммуникация, занимая все большее место во всех сферах повседневной жизни современного общества, приобретают центральное значение для всех научных дисциплин в силу своей способности непосредственно передавать, хранить и накапливать научную информацию. Но именно в языкознании, т. е. науке о языке, письменная форма речи однозначно признается вторичной формой коммуникации. Тем самым важность письма и письменной коммуникации как бы отодвигается на задний план.

Самое важное место доклада Л. Р. Зиндера выделяет специальным подчеркиванием: «...**чисто письменная форма речи это фикция**»^{11!!!} (восклицательные знаки мои. — К. Ф.). Далее петербургский ученый поясняет свою мысль: «Пока речь зафиксирована в оптических знаках и не воспринимается человеком, она остается мертвой материей. Подлинной речью она становится лишь тогда, когда имеет место акт коммуникации, когда текст читается, т. е. когда он хотя бы озвучивается»¹². Тем самым Л. Р. Зиндер выводит на передний план наравне с автором текста фигуру другого участника акта коммуникации — реципиента. Адресатный план текста всё чаще становится объектом серьезного внимания лингвистов¹³.

Убедительные слова Л. Р. Зиндера о том, что «письменная форма всегда предполагает устную и опирается на нее»¹⁴, находят свое неожиданное подтверждение в практической публицистической деятельности. В немецком пособии для профессиональных журналистов Вольф Шнайдер в качестве главного средства улучшения

письменного текста называет чтение текста вслух: «От рукописи к речи можно легко перебросить мостик, используя простой прием: Если вы не хотите, чтобы текст завершил свое существование на следующий день, то прочитайте его вслух кому-нибудь другому или себе самому. Чрезвычайно полезно перевести написанный текст в устную форму, представить его для восприятия на слух. Небольшие кочки, через которые молча перескакивает читатель, при восприятии на слух вырастают до настоящих дорожных ухабов; слова-вставки и случайные повторы обрастают колкой щетиной; явственно слышно, как от деревянного ритма скрипит все здание текста; а предложения, то астматически короткие, то затянуто пространственные, выдают наше надсадное дыхание». Основной вывод, к которому приходит Вольф Шнайдер, звучит следующим образом: «Пиши для уха!» (Schreibe für die Ohren!)¹⁵.

Итак, в небольшом докладе Л. Р. Зиндеру удалось затронуть актуальные моменты развития языковедения и выделить направления дальнейшего изучения речевых произведений. Одновременно он в очередной раз подтвердил приверженность позиции своего учителя. По выразительным словам Иоганна Вольфганга Гёте, «истину нужно постоянно повторять, ибо и заблуждения проповедаются вокруг нас постоянно»¹⁶. Несомненно, внимательное изучение творческого наследия замечательного петербургского ученого не только помогает выбрать правильный подход к интерпретации лингвистических фактов, но и способствует новым открытиям в области науки о языке.

Примечания

¹ См.: *Бондарко Л. В.* Лев Рафаилович Зиндер (1904–1995) // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера (сборник статей). СПб., 2004. С. 3.

² Подробнее см.: *Филиппов К. А.* Традиции немецкой филологии на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете: Традиции и современность* (к 80-летию юбилею кафедры немецкой филологии) / под ред. С. М. Панкратовой. СПб., 2001. С. 3–21.

³ *Зиндер Л. Р.* Лингвистика текста и фонология // Тез. докл. науч.-метод. конф. «Просодия текста». Москва. 7–9 декабря 1982. М., 1982. С. 19–22.

⁴ *Николаева Т. М.* Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы (вступительная статья) // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 8:

Лингвистика текста / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М., 1978. С. 13–15).

⁵ *Зиндер Л. Р.* Лингвистика текста и фонология. С. 21.

⁶ Там же. С. 21–22.

⁷ Цит. по: *Дресслер В.* Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М., 1978. С. 135.

⁸ *Зиндер Л. Р.* Лингвистика текста и фонология. С. 22.

⁹ *Зиндер Л. Р.* Теоретический курс фонетики современного немецкого языка: учеб. пособие. СПб., 1997. С. 11.

¹⁰ *Зиндер Л. Р.* Введение в теорию письма // Прикладное языкознание: учебник / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Г. Я. Мартыненко и др.; отв. ред. А. С. Герд. СПб., 1996. С. 15.

¹¹ *Зиндер Л. Р.* Лингвистика текста и фонология. С. 21.

¹² Там же.

¹³ См, например: *Олейник М. А.* Адресатный план и динамическая языковая картина мира. СПб., 2006; *Пелевина Н. Н.* Авторские стратегии познавательно-коммуникативной деятельности как фактор текстообразования в научном и художественном дискурсах. Абакан, 2008.

¹⁴ *Зиндер Л. Р.* Лингвистика текста и фонология. С. 20.

¹⁵ *Schneider W.* Deutsch für Profis. Wege zu gutem Stil. 9. Aufl. München, 2001. S. 128–129.

¹⁶ Энциклопедия афоризмов и мыслей великих людей / сост. А. Семёнов. М., 2007. С. 724.

Вопросы синтаксиса в трудах Т. В. Строевой

Оценивая вклад Татьяны Викторовны Строевой в развитие синтаксической теории и синтаксиса немецкого языка, нужно сразу оговориться и указать на тот факт, что для ученого такого масштаба вряд ли удастся однозначно выделить те или иные аспекты научного поиска. Ее значимость как ученого именно в том и заключается, что в своих исследованиях она не выделяла и строго не отделяла синтаксис от лексики или морфологию от синтаксиса, демонстрируя тесную взаимосвязь разных уровней языка в их развитии.

Примерами своего анализа языкового материала и интерпретацией языковых фактов Т. В. Строева доказывала неразрывность, взаимосвязь и взаимопроникновение лексики и синтаксиса в их диахроническом развитии.

Именно совмещение системного подхода к изучению языковых явлений и исторического взгляда на них с использованием тщательно подобранного иллюстративного материала, извлеченного из большого корпуса различных памятников, а также учет экстралингвистических факторов как фактов внеязыковой действительности были важной отличительной чертой германистической школы, созданной в 20–30-е годы прошлого столетия в Петербургском (Ленинградском) университете В. М. Жирмунским. Блестящими представителями этой школы были Т. В. Строева и Л. Р. Зиндер.

Напомню лишь некоторые из новых для того времени методологических принципов, которыми руководствовались в своих исследованиях ученики В. М. Жирмунского.

Система языка рассматривалась не как статический синхронный срез, противопоставленный другому срезу, а как система, находящаяся в движении и развитии и в целом, и в отдельных ее частях, т. е. устанавливалась обязательная связь синхронического и диахронического исследования. Важным при этом являлось признание закономерной обусловленности процессов языкового развития как общей тенденции, охватывающей всю систему язы-

ка в целом. Средством раскрытия внутренних закономерностей становились сравнительно-исторические исследования, в которые были включены и диалекты на разных ступенях их развития с учетом их современного состояния. Важная роль отводилась социальной дифференциации языка как условию его исторического развития. Об этом писал прежде всего сам В. М. Жирмунский¹, эти идеи пронизывают и совместный доклад Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой, сделанный ими на юбилейной конференции Института языкознания в 1971 г., но опубликованный, насколько мне известно, лишь в 1990 г.² Интересно, что этими мыслями пронизаны и статьи в коллективном сборнике «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении» (Л., 1935), который по праву можно считать программным для развития диахронических исследований не только того времени, но и практически для всего периода XX в.³ Благодаря многоаспектному анализу, свежести идей и удивительно тонкому и бережному подходу к исследуемому материалу этот сборник сохраняет свою актуальность и в настоящее время.

Исследования Т. В. Строевой, проведенные лично ею или совместно с Л. Р. Зиндером, касаются лексики, синтаксиса, морфологии, диалектологии и фонетики, но во всех публикациях важное, а часто и главное место занимает история немецкого языка и так или иначе используется диахронический подход.

Первую, кандидатскую, диссертацию Т. В. Строева-Сокольская защитила в 1936 г. на тему «Развитие системы подчиняющих союзов в немецком языке». Позже, в 1940 г., эта диссертация была опубликована в виде монографии с более широким названием «Развитие сложноподчиненного предложения в немецком языке». Об основной проблеме исследования Т. В. Строева пишет в предисловии: *«В основу данной работы, посвященной развитию сложноподчиненного предложения в немецком языке, положен вопрос о развитии подчиняющих союзов, история которых мне казалась наиболее поучительной и интересной. Ограниченный таким образом участок темы сохраняет, однако, значение части гораздо более общего процесса, и частный вопрос о развитии союзов неразрывно связывается с моей общей принципиальной концепцией развития синтаксиса в немецком языке»*⁴.

В своей работе Т. В. Строева исследует обширный языковой материал, представленный древними памятниками разных стилей и жанров, и устанавливает основные принципы развития союзного подчинения с точки зрения возникновения подчинительных союзов и, что явилось особенно важным и новым, развития их семантики.

Опираясь в своем исследовании на уже ставшие классическими труды немецких лингвистов О. Бехагеля, Б. Дельбрюка, Х. Вундерлиха и Г. Пауля и подробно и полемически анализируя их концепции, Т. В. Строева предлагает свою новую теорию возникновения подчинительных союзов и развития гипотаксиса в истории немецкого языка. Принципиально новым в исследовании является вывод о том, что подчинение, как союзное, так и относительное, существовало уже в древнейший период развития немецкого языка. Однако при этом Т. В. Строева делает оговорку и указывает на специфический характер этого подчинения, считая, что систему подчинения на этом этапе еще нельзя считать установившейся и создание ее надо искать на другой ступени языковой истории. В связи с этим Татьяна Викторовна пишет: *«Проблему историчности категории гипотаксиса можно, следовательно, ставить дважды: во-первых, на этапе его возникновения, на этапе неоформленного подчинения, бедного союзами, не обладающего устойчивой формой, дифференцирующей его от сочинения, от самостоятельного предложения, избилующего архаизмами, свидетелями его зарождения из паратаксиса; и, во-вторых, на этапе его настоящего создания, его, так сказать, «второго рождения», его развития в развернутую систему, с устойчивой и специфической формой, с дифференцированной сложной сетью подчинения и других выразительных средств, с отпадением архаических моментов, систему, характерную для немецкого языка»⁵.*

Из сказанного выше очевидно, что частный вопрос о развитии союзов в немецком языке рассматривается автором с позиции общей новой концепции развития синтаксиса. Основные изменения, происходящие в синтаксическом строе немецкого языка, Т. В. Строева связывает «с моментом крупнейшего исторического сдвига в экономических, общественных, идеологических отношениях, в отношении развития мышления и в развитии языка: с эпохой

образования немецкого национального языка»⁶. Таким образом, намного опережая время, она вводит в развитие языка важный движущий экстралингвистический фактор, о котором лингвисты начнут говорить лишь во второй половине XX в.

Проблематика кандидатской диссертации — исторический синтаксис сложного предложения — была продолжена и в докторской диссертации Т. В. Строевой на тему «Модальность косвенной речи в немецком языке», которая была защищена в 1951 г. Основное внимание в этой работе посвящено лингвистической интерпретации наклонения в подчиненном предложении как способу передачи модальной характеристики косвенной речи. Впервые было осуществлено комплексное всестороннее исследование взаимоотношений категорий времени и наклонения в истории немецкого языка, особенно подробно и разносторонне была дана семантическая интерпретация конструкций с конъюнктивом.

На основе анализа косвенной и прямой речи Т. В. Строева делает важный вывод о том, что если для прямой речи *«типично резкое отделение повествования и речи, в нее вкрапленной, то для косвенной характерным является связывание того и другого, втягивание элементов речи в связный поток рассказывания»*⁷. При этом «эта специфическая перестройка» находит свое формальное выражение прежде всего в подчинении, в изменении лица глагола и отсутствии эмоциональной акцентуации речи.

Для установления генезиса косвенной речи автор проводит исследование способов оформления косвенной речи в нескольких древних германских языках: готском, древнеисландском, древнесаксонском и древнеанглийском. Этим вопросам посвящена глава под названием «Пути развития косвенной речи в древнегерманских языках». Особое внимание в этой главе уделяется глаголам речи как лексическим маркерам ввода чужой речи. Среди многочисленных глаголов речи в древних языках наиболее употребительным оказывается глагол *quethan*, противопоставленный по семантике и синтаксическим функциям глаголам *sagen* и *sprechen*.

Именно глагол *quethan*, обладая узкой семантикой «произносить слова», специализируется на передаче косвенной речи, вводимой, как правило, союзом *daz*. Предложения с *sagen*, напротив, пересказывают, описывают сказанное, не передавая прямой речи как

таковой. Сравнивая предложения с *sagen* и *quethan*, Татьяна Викторвна указывает, что сложноподчиненное предложение с *quethan* «возникло из древнего паратаксиса параллельных частей», которые не содержали ни рассказа об акте высказывания, ни прямого этого высказывания, «они являлись обе содержанием рассказа говорящего, т.е. с самого начала были построены с его точки зрения, в его личном плане и под знаком его субъективного отношения к содержанию предложения»⁸.

Если в паратаксисе с *sagen*, как пишет Т. В. Строева, наличествует один центр подчинения (повествующий субъект), то в паратаксисе с *quethan* «имеются, хоть и неравноценные, но все же два центра подчинения: непосредственно говорящий субъект и описывающий это, повествующий автор»⁹.

Дальнейший анализ приводит Т. В. Строеву к выводу о том, что употребление конъюнктива в косвенной речи различно в зависимости от вводящего глагола речи и от характера самого сообщения, другими словами, модальность целиком зависит от семантики придаточного предложения в его отношении к говорящему. В этом выводе проявляется неразрывная связь между семантикой и синтаксисом, и Т. В. Строева таким образом создает предпосылки для создания нового для того времени направления функциональной грамматики — семантического синтаксиса.

Продолжая исследование на материале средневерхненемецких памятников, Т. В. Строева отмечает разрушение оппозиции в употреблении *verba dicendi* и убедительно показывает возникновение новой оппозиции в употреблении конъюнктива как средства выражения дистанцированности говорящего от содержания речи и субъективного мнения по поводу сообщаемого. Конъюнктив, по ее словам, становится признаком определенного семантического типа предложения, содержащего мнение или общее суждение в отличие от предложений с повествованием, описанием и рассказом. Распространение конъюнктива на эти типы предложений оказывается в связи с этим семантически обусловленным.

Таким образом, в полемике с представителями младограмматической школы и прежде всего с О. Бехагелем, который сводил объяснения о распространении конъюнктива в средневерхненемецкий период к синтаксической аналогии и механической формализации

категории наклонения, Т. В. Строева предлагает новую семантическую интерпретацию конструкций с конъюнктивом. Такая трактовка употребления конъюктива была по тем временам почти революционной и являлась шагом вперед в направлении функционального синтаксиса.

В новонемецкий период конъюнктив распространяется на всю сферу передачи чужого высказывания, при этом все его остальные функции в придаточном предложении постепенно утрачиваются. Этот факт в развитии конъюктива позволяет Т. В. Строевой предположить возможность формирования нового наклонения, особенно применительно к письменной речи, — «*наклонения суждения*», *формальными языковыми признаками которого являлась бы морфологическая форма конъюктива настоящего времени в условиях подчиненного предложения, зависящего от глагола высказывания или восприятия*. Тот факт, что это наклонение не могло быть выделено в более ранний период развития немецкого языка, исследователь объясняет тем, «*что оно объединено единой морфологической формой с желательным конъюнктивом в немецком языке, категорией, присущей самостоятельному предложению*»¹⁰.

Таким образом, лексико-грамматический анализ различных типов словосочетаний с модальным значением и структурных типов предложений позволил Т. В. Строевой сделать новаторский вывод о том, что принципы выражения модальных отношений имеют динамический характер. В этой связи она говорит следующее: «*... система модальных отношений, полученная нами, предстала нам в движении, отдельные способы выражения модальных отношений оказались не вечными, неизменными категориями, а напротив, чисто историческими явлениями*»¹¹.

Примечания

¹ См. об этом: Жирмунский В. М. Развитие строя немецкого языка // Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л., 1976. С. 334 и далее.

² Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Советское языкознание 20–30-х годов: доклад, прочитанный на юбилейной конференции Института языкознания АН СССР 12.XI.1971 г. // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. 1990. Вып. 3. № 16. С. 60.

³ Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. Л., 1935.

⁴ *Строева-Сокольская Т. В.* Развитие сложноподчиненного предложения в немецком языке. Л., 1940. С. 3.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же.

⁷ *Строева Т. В.* Модальность косвенной речи в немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Л., 1951. С. 13.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ Там же. С. 13.

Из теоретического наследия Т. В. Строевой: грамматический аспект

Как известно, научная и педагогическая деятельность Т. В. Строевой — одной из основоположников школы германистики Петербургского университета — проходила в тесном творческом союзе с другим выдающимся филологом Л. Р. Зиндером. Вместе они создали несколько капитальных трудов по грамматике и истории немецкого языка, опубликовали целый ряд совместных статей по различным проблемам немецкой филологии.

Однако каждый из них сохранял за собой и свою собственную индивидуальную область исследовательских интересов. Для Т. В. Строевой на протяжении всей ее жизни таковой были — наряду с диалектологией, лексикологией и лексикографией — вопросы грамматики. Ее внимание в разное время привлекали проблемы склонения имени существительного, будущего времени, модальности косвенной речи, простого и сложного предложений. Обращаясь к конкретным темам, Т. В. Строева неизменно помещала их в общетеоретический контекст, добиралась до самого «нерва» проблематики, затрагивая наиболее «больные», спорные, актуальные вопросы. Ее работы всегда отличались научной новизной и глубиной содержания, остротой мысли, четкостью изложения и одновременно лапидарностью стиля.

Иллюстрацией к сказанному может служить статья Т. В. Строевой «О прямом и обратном порядке слов в немецком языке», опубликованная в 1951 г. в сборнике, посвященном памяти академика Л. В. Щербы¹.

Она не утратила, на наш взгляд, своей концептуальной свежести, сохраняет полемический накал дискуссий прошлых лет и читается с интересом и в наши дни.

С ретроспективной точки зрения, будучи рассмотренной на срезе своего времени, она по-своему документирует зарождение на отечественной почве идей, не только перекликающихся с высказываниями других германистов, в том числе зарубежных, но и в определенном смысле их предвосхищающих.

Проблема порядка слов в простом повествовательном предложении во все времена, доступные нашему наблюдению, вызывала к себе исследовательский интерес и решалась на каждом этапе в соответствии с уровнем развития лингвистической мысли. То, с чем ассоциируется термин «порядок слов», или *Wortfolge*, знает сегодня каждый студент — выпускник кафедры немецкой филологии. Это в первую очередь «актуальное членение», «функциональная перспектива», «тема-рематическое членение предложения (высказывания)».

Следует, однако, заметить, что этим столь очевидным для современной лингвистики базисным понятием, означавшим по своей сути иное, чем прежде, восприятие самого феномена язык, потребовался долгий путь, пока они не устоялись, не пришло их осознание, признание и, наконец, укоренение в научном и позже в учебно-методическом обиходе.

Хронологически концептуальный прорыв, ознаменовавший переход на современный нам уровень познания в лингвистике, стал заметным и очевидным в конце 50 — начале 60-х годов XX в., когда достоянием науки о языке стала сосюрловская дихотомия «*langue- parole*» и, когда Пражская лингвистическая школа в лице В. Матеиуса и его последователей предложила свою теорию актуального членения предложения. В основе ее, как известно, лежала мысль о принципиальном различии между двумя возможными способами анализа предложения: формальным (грамматическим) членением, традиционно выделяющим подлежащее и сказуемое, и членением на «тему» и «рему», выявляющим функциональную перспективу высказывания².

В Германии с идеями Пражской лингвистической школы перекликаются, в частности, ранние (конца 20 — начала 30-х годов) работы Г. Аммана, Э. Драха, К. Бооста и др., по-видимому, еще не доступные или мало известные в тогдашнем Советском Союзе. Их зрелые труды, принесшие им известность, появились значительно позже, начиная с 1950-х годов.

В отечественной германистике принято называть в этой связи К. Г. Крушельницкую, которая своей статьей «К вопросу о смысловом членении предложения» (1956) открыла целый ряд публикаций на эту тему³.

Последующее бурное развитие лингвистики текста и теории речевых актов — все это вместе — создало принципиально новую теоретическую основу для решения многих вопросов, включая проблему порядка слов.

Таким образом, начиная с 1970-х годов, тема порядка слов обрела известную академическую устойчивость, обросла историей вопроса, пользуется своей терминосистемой. Ее не обходит в разных ракурсах ни одна теоретическая грамматика, хотя в практическом преподавании она по-прежнему не находит адекватного отражения.

Обратимся, однако, к статье Т. В. Строевой, написанной более полувека тому назад.

Есть все основания полагать, что идеи статьи вынашивались еще в довоенные годы, поскольку некоторые предвосхищающие их соображения в кратком виде можно найти в самой первой совместной книге Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой (Сокольской)⁴.

Вполне понятно, однако, что возобновить прерванные войной занятия Т. В. Строевой удалось лишь уже после ее окончания. Вновь вернувшись к проблеме существования двух вариантов порядка слов в самостоятельном повествовательном предложении («*Kinder spielen in dem Garten*» и «*In dem Garten spielen Kinder*»), Т. В. Строева констатирует столь поразившие ее единодушие авторов как нормативных, так и значительной части теоретических грамматик относительно причин употребления так называемого обратного порядка слов, или инверсии.

Многие связывали тогда постановку на первое место второстепенного члена с желанием говорящего выделить, особо подчеркнуть значимость этого члена.

Впрочем, единодушие нормативных грамматик вряд ли стоило удивляться, поскольку они всегда отличаются консерватизмом и инертностью, и лишь с большим отставанием отражают теоретические инновации своего времени.

Что касается теории, то приведенное толкование инверсии лежало в русле логического, а затем сменившего его психологического направления, зародившихся в недрах старой школы, господствовавшей, как известно, вплоть до второй мировой войны. Это была попытка преодолеть эмпиризм младограмматиков и критически осмыслить огромный накопленный ими материал.

Действительно, молодые пытливые умы уже чувствовали неудовлетворенность и скуку от раз и навсегда данных дефиниций и расположенных по полочкам знаний и правил, предписанных патриархами германистики. В воздухе уже ощущалось некое предчувствие грядущих перемен, накопление знаний неизбежно должно было привести к критическому порогу, за которым последовал качественный «прорыв», о котором шла речь выше. Как это нередко бывает в различных областях человеческой деятельности, сходные идеи вызревали одновременно в разных головах, причем их владельцы долго могли не знать о существовании друг друга.

Приверженцы логической концепции пытались, как известно, приравнять реальное предложение речи к логическому суждению, а компоненты предложения — к членам суждения, в котором подлежащее играло роль логического субъекта, а сказуемое — логического предиката.

Между тем, преодоление чисто логического подхода в пользу психологического наблюдается уже у некоторых представителей традиционного направления. Так, об увеличении звучности речи в случае инверсии говорит Й. Гейзе⁵, о большей эмоциональности предложений с обратным порядком слов пишет О. Бехагель⁶.

В наиболее полном виде недостаточность одного логического подхода была постулирована Г. Паулем — автором не прижившихся терминов «психологический субъект» и «психологический предикат»⁷.

На отечественной почве «логическими и психологическими соображениями», объясняют в то время выбор того или иного порядка слов В. Г. Адмони⁸, Б. А. Ильиш⁹, о логическом предикате суждения говорят Л. В. Щерба¹⁰ и В. В. Виноградов¹¹.

В то же время в литературе уже высказывалась неудовлетворенность и таким толкованием, выражалось осознание его неубедительности, недостаточной объяснительной силы для целого ряда языковых фактов, которые вступали в противоречие с существующей логико-психологической их трактовкой. Эту неудовлетворенность разделяла и Т. В. Строева.

Сомнения ее были двоякого рода.

С одной стороны, рассуждает она, *«логическое ударение не связано с порядком слов в предложении и может падать на любое слово,*

независимо от его места во фразе. Так, в предложении *Ich habe ihm die Wahrheit gesagt* можно представить себе ударенным любой из его членов, что каждый раз меняет смысл фразы»¹².

С другой стороны, задается она вопросом, «если следовать логике большинства авторов, согласно которой на первое место ставятся логически выделенные, эмоционально наиболее нагруженные члены предложения, то почему на первом месте так часто выступают такие элементы как *da, dann, so, darauf, damit* и т. д., то есть элементы временной, причинной и других видов связи?»¹³

Первый вывод, который Т. В. Строева делает из анализа многочисленных примеров, однозначен: «...для письменной речи способом выражения логического ударения, конкурирующим с интонацией речи живой, является постановка соответствующего члена предложения не на первое, а на последнее место»¹⁴.

Сходные рассуждения мы встречаем уже и у некоторых «классических» авторов грамматик. Так, Д. Вундерлих отмечает, что член предложения, несущий более сильное ударение, стоит обычно не в начале, а в конце предложения¹⁵. Примерно в том же направлении развивает свою мысль и Л. Зютерлин, подчеркивая, что члены предложения, более важные по смыслу, стоят ближе к концу предложения, и приводя ставший хрестоматийным пример *Ich trinke meinen Kaffee nach Tisch*¹⁶.

Второй вывод касается первого члена, который «не обязательно будет самым ударенным, наоборот значение его будет ничтожно, так как часто он будет служить только связующим, сцепляющим звеном двух предложений»¹⁷.

Отметим здесь некатегоричность, присущую первой части этого утверждения («не обязательно будет самым ударенным»). Оно было бы неполным и даже вводящим в заблуждение без следующего за ним пояснения: «Правда, ничто не мешает ему [первому члену. — прим. автора] быть наиболее сильно ударенным, т.к. логическое ударение может быть, теоретически говоря, на любом члене предложения»¹⁸.

Впрочем, как Т. В. Строева попутно замечает, «такая акцентуация доступна только живой устной речи, а в речи письменной способом выделения слова должны являться другие средства»¹⁹.

Наконец, **третий вывод**, самый важный, касается причин использования того или иного порядка слов: *«Постановка того или иного слова на первое место зависит от нашей познавательной установки. Думая и говоря, мы имеем определенную исходную точку суждения; от этой отправной точки развивается наша мысль и произносимое нами предложение»*²⁰.

Эта идея, хотя и в иных словах, высказывается, как уже отмечалось выше, и в книге 1938 г. (см. сноску 4), сама же формулировка коррелирует с предложенными позже другими авторами категорией «информативности» (В.Г. Гак), «смысловой интенции», «информативной устремленности» (С.Д. Кацнельсон), «коммуникативной перспективой высказывания» (В. Матезиус) «коммуникативным заданием», «коммуникативной интенцией» (Г.Н. Эйхбаум) и др., но войдет в научный обиход как «категория актуального членения предложения»²¹.

Четвертый вывод, более частный, вытекает из сказанного выше и затрагивает содержание самого термина «инверсия». За этим недифференцированным понятием Т.В. Строева справедливо усматривает два разных языковых факта. С одной стороны, это выдвижение на первое место глагола в вопросительном или повелительном предложениях. С другой, — обсуждаемый случай с постановкой на первое место какого-либо второстепенного члена.

Действительно, с термином «инверсия», укоренившимся благодаря логико-психологическому направлению и закрепленным затем нормативными грамматиками, традиционно связывалось представление об особой логической, эмфатической выделенности первого члена предложения. Таким образом, сам термин как бы суггестировал идею наличия в высказывании некой аффектированности²².

Содержательное разведение этих двух типов инверсии было чрезвычайно важным и полезным. Тем самым, снимался психологический гипнотизм термина, а феномен обратного порядка слов получал дополнительное разъяснение.

Подводя итог проделанному анализу, следует подчеркнуть, что идеи, высказанные Т.В. Строевой в ее статье, не будучи абсолютно приоритетными, являются, тем не менее, по-своему самобытными, новаторскими для своего времени и условий, в которых она работа-

ла. Они соответствуют духу общетеоретических устремлений того периода, предвосхищая многое из того, что стало достоянием сегодняшней лингвистики.

Человек оригинального и острого ума, широкой эрудиции, блестящий лектор, Т. В. Строева несомненно была и талантливым педагогом. В своих учениках, студентах, аспирантах, молодых коллегах она постоянно стремилась развивать самостоятельное лингвистическое мышление. Характерно, что ее теоретические идеи всегда обретали практическое приложение, находили свое воплощение в конкретных учебных материалах, носивших по существу также новаторский характер.

Так, в книге «Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка» Л., 1962, написанной Т. В. Строевой совместно с Л. Р. Зиндером, подобранные упражнения не являлись тривиальной иллюстрацией теоретических положений, а служили скорее комментарием к тем вопросам, рассмотрение которых, с точки зрения авторов, развивало лингвистическую наблюдательность и было методически полезным²³.

Совершенно естественно, что, несмотря на небольшой объем, пособие содержит и раздел о порядке слов с соответствующими упражнениями.

Такая органическая связь теории и практики — всего лишь небольшая модель общей направленности научно-педагогической деятельности Т. В. Строевой. Неслучайно среди ее разнообразных публикаций — статей и монографий — на первом месте стоят издания учебного характера, многие из которых написаны вместе с ее постоянным соавтором и научным единомышленником Л. Р. Зиндером.

Во всех трудах Т. В. Строевой проявились такие присущие ей черты, как талант говорить (и писать!) о сложном просто и по существу, не упрощая его, умение заинтересовать и увлечь слушателя и читателя, дать импульс новой мысли, высечь искру познания и поддерживать исследовательский пыл в других своим примером. Именно такой высокий и бесценный дар делает ученого истинным Учителем, который так востребован во все времена.

Будучи результатом глубоко и самостоятельно осмысленной языковой действительности, работы Т. В. Строевой достойно пред-

ставляют петербургскую (ленинградскую) школу и в этом качестве делают честь отечественной германистике.

Примечания

¹ *Строева Т. В.* О прямом и обратном порядке слов в современном немецком языке. Памяти академика Л. В. Щербы. Л., 1951. С. 255–261.

² *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: сб. статей. М., 1967. С. 240, 245.

³ Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. 1956. № 5.

⁴ *Зиндер Л. Р., Сокольская Т. В.* Научная грамматика немецкого языка. Л., 1938.

⁵ *Heyse J. C. A.* Deutsche Grammatik. Hannover, 1923. S. 545.

⁶ *Behaghel O.* Deutsche Syntax. Bd. IV. Heidelberg, 1932. S. 255.

⁷ *Paul H.* Deutsche Grammatik. Bd. III. Halle, 1955. S. 12.

⁸ *Адмони В. Г.* Структура предложения // Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. Л., 1935. С. 22.

⁹ *Ильиш Б. А.* Современный английский язык. Л., 1948. С. 42.

¹⁰ *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. 2-е изд. Л., 1939. С. 117–118.

¹¹ *Виноградов В. В.* Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 1.

¹² *Строева Т. В.* О прямом и обратном порядке слов... С. 256.

¹³ Там же. С. 257.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Wunderlich D.* Der deutsche Satzbau. Bd. I. 1924. S. 77, 98.

¹⁶ *Sütterlin L.* Die deutsche Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1918. S. 294.

¹⁷ *Строева Т. В.* О прямом и обратном порядке слов... С. 258.

¹⁸ Там же. С. 258.

¹⁹ Там же. С. 256.

²⁰ Там же. С. 257.

²¹ Цит. по: *Эйхбаум Г. Н.* Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб., 1996. С. 219.

²² *Строева Т. В.* О прямом и обратном порядке слов... С. 258–259.

²³ *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка. Л., 1962. С. 4.

**О значимости взглядов Г. Н. Эйхбаум
для когнитивной грамматики**

В процессе разработки лекций по курсу «Введение в когнитивную лингвистику» (2004) мне пришлось столкнуться с целым рядом теоретико-методологических проблем, касающихся понятийного аппарата когнитологии, прочно вошедшего в современный научный обиход. Стремление проникнуть в содержание используемых повсеместно терминов привело к написанию четырех статей, посвященных, соответственно, соотношению понятий «поле» и «фрейм», методам исследования концептов, макроструктуре языковой картины мира и значимости положений отечественной ономазиологии для развития когнитивной грамматики. Статьи были написаны (ссылки не привожу, поскольку речь здесь не обо мне), однако по ряду причин «постижение ради понимания» осталось фрагментарным и все еще сопровождается обоснованными сомнениями, возможно — в связи с объективной сложностью проблем, возможно — вследствие отрыва когнитивной лингвистики как направления, постулирующего свою новизну и революционность, от более чем векового опыта исследований соотношения языка и сознания, языка и мышления, языка и его когнитивной функции, содержания и формы многоплановых языковых единиц.

Одно можно сказать твердо: проделанная работа была бы невозможна без той школы, которую я прошла под руководством Гали Николаевны Эйхбаум во время аспирантуры и докторантуры. О ее способности к научному предвидению мне довелось впервые услышать от И. А. Цыгановой в 1977 г., а осознать масштабы этого предвидения — значительно позже. Еще и сегодня в опубликованных ею работах и хранимых мною замечаниях к моим аспирантским опусам обнаруживаются положения, подтвержденные дальнейшим ходом развития отечественной и зарубежной лингвистики. Более того, комплексный, интегративный подход к анализу языкового материала, к которому она призывала задолго до современной оценки необходимости экспансии языковедения в сферы смежных наук, функциональности и экспланаторности лингвистического

описания¹, все еще открывает новые возможности для выхода за тесные рамки семантико-когнитивного подхода, в настоящее время ограниченного, в основном, лексической концептологией, по пути выяснения многоракурсного соотношения языка и познания мышления как двух органично взаимосвязанных функциональных систем.

Можно привести множество подтверждений того факта, что Гали Николаевна всегда стремилась выработать максимально широкий, объемлющий взгляд на изучаемые явления языка, комплексные по своей природе и требующие многоаспектного описания.

В этом плане может быть признана показательной редкая для Гали Николаевны (по ее словам, «полемика вообще вещь неблагоприятная») критика узкой трактовки языкознания как «внутренней лингвистики», «которая должна быть ограждена от экстралингвистических вторжений». Вместе с соавторами Г.Н. Эйхбаум напоминает читателю о том, что *«при подобной точке зрения исследование неизбежно суживается до уровня описательных констатаций... Вся же история языкознания свидетельствует о попытках широко мыслящих языковедов сочетать изучение внутренней структуры языка с изучением психологических и социальных процессов, характеризующих деятельность общения и определяющих также модели речевой коммуникации»*². Представляется, что именно психологические (когнитивные: интеллектуальные и эмоциональные) и социальные (интерактивные) процессы находятся в центре внимания современной когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации.

Однако в подавляющем большинстве общих и особенно частных исследований (достаточно посмотреть летописи авторефератов) сегодня основное внимание уделяется лексической концептологии, работ же по когнитивной грамматике почти нет. Поиски причин сложившегося положения и путей выхода из него вновь приводят к работам Г.Н. Эйхбаум: *«вычленение из языка лексики и грамматики ... обусловлено исследовательскими потребностями, ибо аналитическое разложение — обычный этап при рассмотрении сложных объектов, в том числе языка, ведущий через характеристику компонентов и их взаимоотношений к познанию объекта в его целостности»* (здесь и далее выделено мною. — Г.Г.)³. И далее:

«дифференциация грамматики и лексики не есть самоцель. Магистральное направление на фоне их дифференциации заключается в выяснении комбинаторики лексического и грамматического в равноуровневых языковых единицах парадигматики и синтагматики, их сочетательных потенций и регулярности реализации этих потенций, а также факторов, блокирующих какие-то комбинаторные версии. Иначе говоря, важно установить, как статически и динамически грамматическое дано в лексическом и как лексическое существует в грамматических закономерностях»⁴.

Конечно, разграничение лексики и грамматики необходимо для осознания системы языка, но в коммуникативно-функциональном плане более существенной оказывается кооперация функций единиц обеих подсистем в процессах порождения и восприятия высказываний. В этой связи можно вспомнить выделение И. П. Сусовым единого грамматико-лексического стратума как уровня, обеспечивающего перекодирование содержательных структур языкового общения в звуко-буквенные формы и обратно⁵, процедуры, применимой и для когнитивного содержания.

Взаимодействие и взаимопроникновение функций лексики и грамматики представляется недооцененным в современной концептологии, ограничивающейся многочисленными исследованиями вербализации всего лишь одного типа ментальных структур — концептов. По-видимому, это первый этап приближения к пониманию сущности процессов речемыслительной концептуализации и категоризации бытия, опирающийся на понимание концептов как особого (и к сожалению, часто — единственного) рода категоризирующих структур, этап, на котором естественно обращение к простейшим соответствиям между концептами как ментальными единицами и номинирующими их лексемами как единицам языка. Вот только выделение концептов иногда кажется произвольным: например, в названиях работ встречаются параллельно концепт «эмоция», с одной стороны, и концепты «гнев», «страх», «радость» и т. п. — с другой. Очевидны различия уровней обобщения в содержании выделяемых концептов, особенно если учесть, что существует — по разным классификациям, принятым в психологии эмоций, — до десяти только базовых эмоций, а есть еще и сложные, совмещенные и т. п. Кроме того, наряду с лексическими наименова-

ниями в языке наличествуют многочисленные формы эмоционально-экспрессивной речи, включенные в экспрессивный синтаксис, которые также заслуживают внимания в плане их соотносительности с познавательной-отражательной деятельностью носителей языка, которая, как известно, всегда сопровождается эмоциями.

Еще более близки к предмету грамматики в ее расширенном понимании⁶ номинативные поля таких обобщающих концептов (?) как «время», «число», «количество», «сравнение», «возможность», «необходимость» и т.п. Именуемые сущности вызывают сомнения прежде всего относительно правомерности их отнесения к концептам — «квантам знания», не говоря уже об их несомненной содержательной соотносительности с одноименными морфологическими категориями или целой системой разноуровневых морфологических, синтаксических и комплексных грамматико-лексических средств выражения.

Прежде чем подробнее остановиться на квалификации таких концептуально-языковых объединений, считаю необходимым указать на то, что теоретическую базу для нее дают упомянутые выше лекции по теоретической грамматике Г.Н. Эйхбаум, изданные по редакцией Л.Р. Зиндера ее коллегами и учениками в 1996 г. Реализованная в них концепция «укрупнения» грамматики на семантической и коммуникативной основе пронизывает всю книгу в целом и особенно ее первую часть, где в числе прочих приведены разделы, значимость которых для современных исследований немецкого — и далеко не только немецкого — языка трудно переоценить. Это разделы «Семасиологический и ономасиологический подходы к изучению грамматических явлений» и «Функциональные поля», а также включенный в морфологию раздел «Грамматическая классификация слов» и параграфы о субкатегоризации слов отдельных частей речи (в этом явно неполном перечне приведены только те фрагменты, которые касаются предмета описания в данной статье, если же говорить о значимости для современного языкознания, в частности, например, когнитивно-дискурсивного подхода — список окажется значительно более объемным).

Наиболее актуальным для когнитивной лингвистики представляется *«расширение объема грамматической науки ... и выделение в пределах грамматики различных функционально-содержатель-*

ных объединений». Поскольку эти содержания рассматриваются в грамматике и являются обобщениями (т. е. «категориями» в логическом смысле), их начинают именовать грамматическими категориями⁷. Далее в книге предложено разделение языковых полей на функционально-семантические и коммуникативно-прагматические и отмечается их роль для выяснения *«тех смысловых отношений (общих узуальных смыслов, понятийных категорий), которые выделяются и закрепляются человеческим сознанием и фигурируют в коммуникативных связях людей»* [там же]; термин «узуальный смысл» используется в понимании А. И. Варшавской⁸.

Вопрос о том, какие мыслительные структуры «выделяются и закрепляются человеческим сознанием» стал сегодня одним из ключевых для когнитивно-лингвистических описаний. Структуры разного уровня обобщенности называют ментальными репрезентациями или моделями, концептуальными структурами или концептами, частными концептосферами и т. п. Прогресс на пути к описанию целостной концептуальной системы языка (в другой терминологии — ментального лексикона, языкового сознания или языковой картины мира) замедляется тем, что одной из сложнейших проблем когнитивной лингвистики является принципиальная недоступность ментальных структур и процессов для непосредственного наблюдения. В этой связи серьезные вопросы вызывают попытки ряда лингвистов писать о **соотношении** языковых и мыслительных структур, тождественности их содержания и т. п. Если мыслительные структуры реконструируются на основе анализа языковых форм их объективации — то что же здесь соотносить? Даже корректный результат анализа представляет всего лишь отношение языкового знака и его значения.

Другая проблема возникает как следствие новизны когнитивного подхода, с одной стороны, и узости научного видения материала — с другой. Так, например, вполне солидный автор пишет: процессы категоризации — это преломление наших представлений о мире в семантической структуре слова. Почему только слова? Разве многоплановые грамматические единицы не могут иметь семантическую структуру? Кроме того распределение их по категориям даже более систематично. А слова чаще именуют не категории,

а классы денотатов. Здесь вопрос, конечно, упирается в понимание терминов «категоризация» и «категория». И логично было бы считать результатом категоризации именно **катеґорию**.

Этот термин, как известно, имеет сложную судьбу. Докогнитивная наука пользовалась им очень широко: выделялись и описывались логико-философские, мыслительные, понятийные, языковые категории, причем последние подразделялись на грамматические, семантические, коммуникативные, прагматические, текстовые и др. Понятие мыслительной, или понятийной, категории было одним из центральных в отечественной ономазиологии, которую сегодня все чаще называют ранней версией когнитивизма.

В этом плане труды Г.Н.Эйхбаум можно считать непосредственно готовящими базу для уже выполненных работ и намечающими принципы для новых исследований (новых относительно сегодняшнего состояния когнитивной лингвистики). Так, в статье «Текстовые функции атрибутов» Г.Н.Эйхбаум очередной раз обращается к принципу «изучения языка с позиций его коммуникативно-функциональной сущности», формулируя на примере текста выходящие по своей универсальности далеко за его рамки общие положения, такие как *«возможность и необходимость обращения к тексту (как и любому объекту лингвистического описания. — Г.Г.) при различных ракурсах языковедческих исследований»*, в число которых она включает прагмалингвистический и функционально-грамматический, считая их *«в известной мере комплементарными»* и подчеркивая, что *«эти направления не отрываются от традиционной лингвистики, принимая целый ряд ее положений, но разрабатывая более фундаментальные и коммуникативно активные основания для их интерпретации. Значимость взаимного стимулирования различных по специализации и времени возникновения лингвистических направлений очевидна»*⁹. Эти положения вполне согласуются с методологическими позициями современной когнитивно-дискурсивной парадигмы (в понимании Е.С.Кубряковой¹⁰) и применимы к анализу понятия «категория» в ее языковой объективации.

До настоящего времени понятие «категория» использовалось в когнитивистике ограниченно. Традиционные категории, восходящие к Аристотелю, отвергались на основе неприятия принципа

равного членства и умозрительности, т. е. отсутствия подкрепления эмпирическими фактами. В более новых работах вновь появляется термин «понятийная категория»¹¹, что может быть связано с той потребностью в проведении систематизирующих исследований, которая ощущается сегодня на фоне обилия работ о единичных концептах.

На место отвергнутых классических категорий когнитивисты поставили выделяемые по принципу «семейного сходства» и прототипические категории, последние, кстати, по своей структуре очень похожи на языковые поля. Список этих новых категорий — в тех случаях, когда речь идет о собственно категориях, а не номинативных классах типа «птицы», «мебель» и т. п., например, «главных онтологических категорий», «базовых концептов», «семантических примитивов» и т. п., как и следовало ожидать, ненамного отличается от инвентаря классических ментальных структур. Это те же вещи, свойства, отношения, пространство и время, количество, действие и др. — т. е. выделенные по новым принципам, на базе анализа фактического языкового материала, но возвращающие исследователей на новом уровне обобщений к достижениям научной традиции.

По-видимому, моделируемая методами когнитивной лингвистики концептуальная система человека не может кардинально отличаться от категориальной структуры мышления, изучавшейся ранее в философии, логике, психологии, эпистемологии и др. нелингвистических науках и использованной в ономасиологии, включая теорию функционально-семантических полей (в понимании А. В. Бондарко и не только).

Естественно, на пути описания мыслительных категорий и сегодня стоят существенные трудности, более того, в процессе обращения к ним с когнитивно-лингвистических позиций возникают новые проблемы. Так, на фоне доступности человеческого мышления научному анализу только в объективированных формах, в том числе языке (текстах), в гносеологии еще в 1980 г. отмечалось отсутствие метода, с помощью которого можно было бы выявить полный список категорий, реализуемых в семантике текстов, выражалось сомнение в принципиальной возможности его составить, указывалось отсутствие «четкого и эффективного критерия, позволяющего

отделить категории от понятий и дать ясное определение самого понятия «категория мышления»¹². Аналогичные проблемы сохраняются и сегодня, приобретая иные ракурсы с введением понятий «когнитивная система», «ментальная репрезентация» и «концепт» и пока еще ожидая масштабного решения.

Очевидным следствием этого положения дел представляется необходимость поиска принципов, методов и критериев для системного описания инвентаря категорий. При этом можно согласиться с Дж. Лакоффом в том, что необходимо сосредоточиться не столько на определении статуса изучаемых категорий — считать ли их языковыми или концептуальными, сколько на «исследовании всех категорий нашей когнитивной системы, к которым относятся и языковые категории»¹³.

Столь же авторитетный отечественный когнитивист — Е. С. Кубрякова — по-своему намечает дальнейшие пути исследования категорий: «Лингвист может заниматься репрезентацией тех или иных категорий и концептов в сознании (ментальных мирах) человека исключительно только после того, как он обнаружил их в естественном языке путем лингвистического анализа представленных в нем языковых форм...»¹⁴.

Приведенные выше положения из работ Г. Н. Эйхбаум полностью согласуются с этой позицией, дополняя ее в том, что пути лингвистического анализа могут быть различны: «от формы» и «от содержания», «от функции», и даже предвосхищая ее в признании значимости прочной опоры многоаспектного и многоракурсного функционально-семантического исследования на конкретный языковой материал.

В качестве попыток осуществления подобных исследований отдельных категорий можно упомянуть выполненные под руководством Г. Н. Эйхбаум ономаσιологические по сути и приближающиеся по своим принципам к когнитивной грамматике работы о качестве в его градуировании и о количественной оценке как функционально-семантической и прагматической категории¹⁵. Эти работы в совокупности с многими другими (других авторов) позволяют предположить, что традиции ономаσιологии имеют некоторый потенциал, который может быть использован в новых когнитивно-грамматических исследованиях.

В заключение приведу слова Гали Николаевны Эйхбаум о значимости ономаσιологических исследований, относящиеся к 1982 г. и — по моему глубокому убеждению — сохранившие актуальность до наших дней: «*В современной лингвистике широко применяется группировка языковых единиц на основе их понятийно-содержательного и функционального сходства. Построение подобных объединений способствует постижению отношений языка, мышления и действительности и раскрытию языка как целостной системы, компоненты которой, разделяемые по иным классификационным критериям, выявляются как однопнаправленные согласно этим фундаментальным показателям*»¹⁶.

Примечания

¹ Кубрякова Е. С. В начале XXI века (размышления о судьбах когнитивной лингвистики) // Когнитивная семантика: Матер. II междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11–14 сент. 2000. Ч. 1. Тамбов, 2000. С. 6.

² Эйхбаум Г. Н., Чахоян Л. П., Богданов В. В. Вместо послесловия // Языковое общение: единицы и регулятивы. Калинин, 1987. С. 128–129.

³ Эйхбаум Г. Н. О так называемом сопротивлении лексики грамматике // Языковые единицы в речевой коммуникации. Л, 1991. С. 36.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Сусов И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин, 1988. С. 11.

⁶ Эйхбаум Г. Н. Теоретическая грамматика немецкого языка / под ред. Л. Р. Зиндера. СПб., 1996. С. 12–13.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Варшавская А. И. Языковые единицы и отношения совместимости. СПб., 2008. С. 24–33.

⁹ Эйхбаум Г. Н. Текстовые функции атрибутов // Вопросы функциональной грамматики немецкого языка. Л., 1986. С. 11–12.

¹⁰ Кубрякова Е. С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. матер. 26–28 сентября 2006 года. Тамбов, 2006. С. 27.

¹¹ Колесов И. Ю. Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Барнаул, 2009.

¹² Васильев С. А. Категории мышления в языке и тексте // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. Киев, 1980. С. 66–67.

¹³ *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1998. С. 47.

¹⁴ *Кубрякова Е. С.* Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. матер. 26–28 сентября 2006 года. Тамбов, 2006. С. 29.

¹⁵ *Галич Г. Г.* Семантика и прагматика количественной оценки (на материале современного немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1999.

¹⁶ *Эйхбаум Г. Н., Галич Г. Г.* Качество и его градуирование в мыслительно-речевом аспекте // Вестник Харьковского гос. ун-та. № 258. Харьков, 1984. С. 96.

Отрицание и модальность в концепции профессора

Г. Н. Эйхбаум

В творческом наследии Г. Н. Эйхбаум насчитывается около шестидесяти научных и учебно-методических работ. В них продолжают жить взгляды и идеи этого оригинального мыслителя и учёного-лингвиста, касающиеся ряда общих проблем языковедения, которые были и по сих пор остаются «камнем преткновения» для многих исследователей. Бесспорно, к таким проблемам следует отнести и вопросы о лингвистическом статусе и функциональном назначении категорий отрицания и модальности.

Проблемам отрицания и содержательным аспектам отрицательных предложений Г. Н. Эйхбаум посвятила специальные научные статьи, написанные единолично или же в соавторстве с коллегами¹. Комплексом проблем модальности она отдельно не занималась. Тем не менее о личной позиции Г. Н. Эйхбаум в отношении модальности и наклонения можно составить довольно полное представление как непосредственно, на основе её курса «Теоретической грамматики немецкого языка»², так и опосредованным образом, в опоре на её анализ некоторых универсальных для языка, сознания и коммуникации категорий, таких как отрицание — категории, весьма похожей на модальность по судьбе изучения в лингвистике.

Основой для сопоставления этих категорий может служить и тот факт, что отрицание и модальность очень часто обсуждаются в сопряжении друг с другом. Кроме того, поражает практически идентичное логико-философское толкование сущности этих категорий, безраздельно господствующее в большинстве грамматических работ по германистике. Часто отрицание определяется как понятие, выражающее нереальность связей действительности, отсутствие связей между признаком и объектом (Н. А. Булах, В. Г. Адмони, В. Н. Бондаренко и др.)³, а модальность рассматривается как категория, обозначающая отношение сообщения к действительности с точки зрения реальности/нереальности (Realität/Irrealität, Wirklichkeit/Nichtwirklichkeit), устанавливаемое говорящим (Л. С. Ермолаева, Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, О. И. Москальская и

др.)⁴. Такие общие определения отрицания и модальности по сути ставят знак равенства между логическими и языковыми категориями, которые, как известно, хотя и пересекаются в определённых моментах друг с другом, но всё-таки принадлежат разным сферам, «живут» по своим собственным законам и, что особенно важно, не покрывают друг друга.

Новаторство подхода Г.Н.Эйхбаум к сущности отрицания и к анализу языковых структур, в состав которых входят различные отрицательные показатели, было обеспечено и предопределено, как мне кажется, прежде всего принципиальной и очень простой методологической установкой: лингвист должен оставаться лингвистом, философ — философом, а логик — логиком. Это не означает, что Г.Н.Эйхбаум была против интегративных процессов в науке, против использования в лингвистическом анализе данных и методик других гуманитарных наук. Конечно, нет. Но она обладала удивительным даром, интуицией учёного-языковеда, которая ей всегда помогала увидеть под «философскими и логическими одеждами» многих привычных для нас лингвистических понятий, таких как количество, качество, отрицание и пр., их собственно языковую, речемыслительную природу. Это качество Г.Н.Эйхбаум как учёного давало ей возможность ни на минуту не забывать, что лингвистические категории в отличие от логических обслуживают не абстрагированные, весьма отдалённые от жизни и говорящего человека схемы и конструкты, а, напротив, они производны и определяются реальной речевой практикой, целями и мотивами конкретных говорящих. И поэтому сущностная природа языковых явлений может быть понята только в их функциональном бытии и в связи с говорящим человеком. Содержание языковых категорий, таким образом, оказывается гораздо шире и богаче, чем содержание их логических коррелятов.

Такой действительно языковедческий подход открыл широкий научный горизонт в рассмотрении этой категории, вызвал к жизни множество плодотворных идей и позволил переосмыслить с точки зрения языка и лингвистически обогатить логическое понимание отрицания, которое безраздельно господствовало в немецких грамматиках при толковании так называемых отрицательных предложений. Какую бы научную синтаксическую работу от Г.Пауля до

В. Г. Адмони мы не взяли, какой бы учебник по синтаксису немецкого предложения мы не открыли, всюду можно прочесть в целом одно и то же: отрицательные предложения выражают отрицательное суждение, в отрицательных предложениях обозначается отсутствие связи между субъектом и предикатом, между признаком и объектом, которому он приписывается, отрицательные предложения обозначают отсутствие, небытие ситуации. Но если отсутствует предикативная связь между субъектом и предикатом, как же тогда существует предикативная единица — предложение, ведь, так сказать, субъект и предикат не принадлежат друг другу? Этот справедливый вопрос задаёт Г. Н. Эйхбаум в статье «Информация в отрицательных предложениях»⁵. По поводу же второго варианта толкования отрицательных предложений как номинаций небытия ситуации в этой же работе она спрашивает: «Зачем обозначать в речи то, чего нет?... Возможно ли извлечь из отрицательных предложений позитивные сведения об объекте?»⁶ Ответы на эти и некоторые другие вопросы и составляют суть концепции Г. Н. Эйхбаум по проблеме отрицания и отрицательных предложений. За отрицательными предложениями, по её мнению, «стоит не некий нуль, пустота, а также материальное положение в картине мира»⁷, которое необязательно выражается в самом отрицательном предложении, но так или иначе выводится из окружающего контекста или общего фонда знаний. Более того, отрицательные предложения порождаются в речи в опоре на позитивные утверждения и используются говорящим/автором текста как своеобразные «коммуникативные вехи» для управления подачей текстовой информации и ожиданиями собеседника. Иначе говоря, без учёта коммуникативных факторов существование отрицательных предложений в языке остаётся непонятным.

Общее же отличие номинаций без отрицательных слов и с отрицательными словами, как утверждает Г. Н. Эйхбаум в другой своей статье «О значении предложений с отрицательными словами», «заключается в том, *как* осуществляется наименование, а не в том, *что* обозначается»; и далее: «традиционное противопоставление отрицательных и утвердительных предложений не есть в принципе противопоставление по значению..., по сути здесь имеется в виду та или иная внешняя форма обозначения»⁸. Это косвенный способ

номинации, особый, по мнению Г.Н.Эйхбаум, приём языкового представления предметного положения дел «от обратного», мотивировки которого лежат в речевой коммуникации.

Совершенно похожая ситуация сложилась в германистике и в сфере модальности. С одной стороны, по проблемам модальности и наклонения нет недостатка в дискуссиях, лингвисты вновь и вновь обращаются к этим категориям. Существует огромная литература по данному вопросу. По количеству работ вряд ли какая-либо другая категория может сравниться с модальностью. Но с другой стороны, модальность, по крайней мере в немецкой германистике, превратилась в своего рода иконостас, на который молятся, но к которому боятся прикасаться. Грамматисты не стремятся к более углублённому, исходя из функционально-коммуникативной предназначенности языка и всех его средств, осмыслению содержательных типов модальности, к системному упорядочиванию модальных значений, представленных конкретными языковыми средствами в их взаимодействии друг с другом, с лёгкостью, без особых комментариев связывают модальность с разными линиями то семантического, то прагматического аспекта высказывания. Нередко языковая модальность, исходно совершенно справедливо анонсируемая вслед за В. В. Виноградовым как «отношение говорящего к сообщаемому»⁹, получает далее чисто логическую интерпретацию как онтологическая категория реальности/ирреальности, не связанная по сути своей с личностной оценкой говорящим человеком предмета речи. Ср. такого рода определения модальности в работах некоторых отечественных германистов. Так, Е. В. Гулыга пишет: «Модальность — это синтаксическая категория, выражающая соотношение между высказыванием и объективной действительностью с точки зрения говорящего... Модальность находит своё выражение в двух коррелятивных категориях: модальности действительности и модальности недействительности...»¹⁰. В другой известной в немецкой германистике работе «Грамматико-лексические поля в современном немецком языке», написанной Е. В. Гулыга в соавторстве с Е. И. Шендельс, утверждается следующее: «Каждое предложение содержит модальность — отношение высказывания к объективной действительности с точки зрения говорящего» в плане реальности/ирреальности¹¹.

Такое формально-логическое толкование модальности, доминирующее в целом в описаниях грамматического строя немецкого языка, представлено и в теоретической грамматике О.И. Москальской. Эта языковая категория трактуется здесь в онтологическом смысле как «отражение действительности с точки зрения говорящего в плане реальности/нереальности („tatsächlich statthabend/ stattgehabt/ stattzuhabend“ // „in der Wirklichkeit nicht statthabend“)¹².

Сходную точку зрения высказывает и В.Г. Адмони в книге „Der deutsche Sprachbau“, характеризуя аспект модальности предложения. Модальность в узком смысле, с его точки зрения, выражает отношение (оценку) говорящим содержания предложения и отображённых в предложении связей в плане их реальности („die Realität des Satzinhalts von Seiten des Sprechenden“) и находит проявление в противопоставлении «позитивных и негативных предложений»¹³.

Понимание модальности как выражения отношения высказывания к объективной действительности в плане реальности /нереальности, представленное в этих определениях, по сути своей и есть именно «отношение высказывания» к своему денотату, его вообще весьма затруднительно связать с отношением самого говорящего к сообщаемому. Уточнение в таких квалификациях модальности в виде указания на связь с говорящим — реальность/нереальность с точки зрения говорящего — мало что проясняет и более того не отражает обычную практику использования соответствующих построений в речевом общении. Разве ситуация, обозначенная в предложениях типа *Er kommt /Er ist gekommen*, является для говорящего более реальной, достоверной, известной и т. п., чем положение дел, представленное в предложениях *Er kommt nicht /Er ist nicht gekommen*? В обоих случаях содержащаяся в такого типа предложениях информация входит в систему знаний говорящего о ситуации «приход некоторого лица» и по своему модальному характеру, по достоверности этой информации для говорящего такие предложения не могут быть противопоставлены друг другу. Поэтому более справедливой представляется точка зрения В.З. Панфилова, который выступал против сведения модальности к утвердительности/отрицательности и против её одностороннего толкования как только объективной, логической оценки содержания высказывания. «...По характеру отношения говорящего к выражаемому содержа-

нию, — пишет В.З. Панфилов, — отрицательное и утвердительное предложения не отличаются друг от друга; более того, едва ли можно согласиться с тем, что между ними существует различие в плане оценки реальности выражаемого ими содержания: если глаголы-сказуемые в этих предложениях даны в форме изъявительного наклонения, то в каждом из них сообщается о в равной мере реальных фактах... Не будут отличаться эти предложения также и в плане соответствия с действительностью выражаемого ими содержания»¹⁴.

Формально-логическое, узкое толкование модальности наталкивается и на известные препятствия при изучении языковых средств модальности в их текстовом функционировании. Ведь предметно-смысловой план многих текстов исходно разворачивается в сфере нереальности, вымысла, научной гипотезы, планирования и т. д., а лингвист очень часто занимается как раз анализом художественных и научных текстов. В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько корректно в отношении таких типов текста говорить о модальности реальности/нереальности составляющих их высказываний?

Кстати, здесь как раз уместно вспомнить об общей позиции Г.Н. Эйхбаум по вопросу модальности, о её сомнениях по поводу двух упомянутых разрядов категории модальности, разрядов «соответствия/несоответствия положения дел действительности», выделенных О.И. Москальской. Г.Н. Эйхбаум с присущим ей тактом при ведении научных дискуссий справедливо указывает на то, что «выделение этих разрядов обращено лишь к одной линии модально-оценочной деятельности говорящего...»¹⁵ и что «виды модальных значений... целесообразно характеризовать как *отражение соотношений между компонентами коммуникативно-речевого акта* (курсив мой. — С.Н.), а именно, как интерпретацию говорящим... вещественного положения дел»¹⁶. И далее она предлагает определять модальность каждого высказывания как «слитный модус», одновременно по нескольким содержательным линиям, главным образом коммуникативно-прагматического характера, не обрывая, по понятным причинам, связей с традиционным для германистики, онтологическим толкованием модальности и наклонения, но представляя его «в слитном единстве значений с другими модальными значениями»¹⁷.

Как видно из этих рассуждений Г. Н. Эйхбаум, языковая модальность не должна сводиться к только модальности логической, она гораздо шире и разнообразнее по объёму своих значений, чем одноименная логическая категория. По её глубокому убеждению, для более четкого определения функциональной значимости модальности в языке недостаточно обращения к семантике предложения, в которой отражено и зафиксировано некоторое выводное знание в отвлечении от его носителей, а необходимо обстоятельное рассмотрение путей приобретения этих знаний и закономерностей их передачи в коммуникативно-речевых актах. Иначе говоря, трактовка модальности и модального плана высказывания требует более активного привлечения «человеческого фактора».

Таковы основные уроки, которые можно извлечь из творческого лингвистического наследия профессора Г. Н. Эйхбаум.

Примечания

¹ Основные работы профессора Г. Н. Эйхбаум по отрицанию: *Эйхбаум Г. Н.* О значении предложений с отрицательными словами // Синтаксическая семантика и прагматика. Калинин, 1982. С. 55–65; Семантико-функциональный аспект эксплицитного отрицания (на материале немецкой разговорной речи) // Лингвистическое исследование разговорной речи (на материале германских языков). Куйбышев, 1984. С. 89–98 (в соавторстве с И. П. Парамоновой); К изучению отрицания в коммуникативно-прагматическом аспекте // Проблемы грамматики германских и романских языков. Л., 1987. С. 156–165 (в соавторстве с И. П. Парамоновой); Информация в отрицательных предложениях // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 113–124.

² *Эйхбаум Г. Н.* Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб., 1996.

³ См., например: *Булах Н. А.* Средства выражения отрицания в немецком литературном языке. Ярославль, 1962. С. 12; *Адмони В. Г.* Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973. С. 131–132; *Бондаренко В. Н.* Отрицание как логико-грамматическое понятие. М., 1983. С. 13, 65.

⁴ *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. С. 75; *Ермолаева Л. С.* Типология развития системы наклонений германских языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1978. С. 12; *Moskalskaja O.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М., 1983. S. 104–105 и др.

⁵ *Эйхбаум Г. Н.* Информация в... С. 113.

⁶ Там же, с. 114.

⁷ Там же.

⁸ *Эйхбаум Г. Н.* О значении... С. 57.

⁹ *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 55.

¹⁰ *Гулыга Е. В.* Теория сложноподчинённого предложения в современном немецком языке. М., 1971. С. 47.

¹¹ *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* Грамматико-лексические поля... С. 75.

¹² *Moskalskaja O.* Grammatik... С. 104.

¹³ *Admoni W.* Der deutsche Sprachbau. М., 1986. S. 250.

¹⁴ *Панфилов В. З.* Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971. С. 180.

¹⁵ *Эйхбаум Г. Н.* Теоретическая грамматика... С. 130.

¹⁶ Там же. С. 131–132.

¹⁷ Там же. С. 133.

Проблемы местоименности в трудах Г. Н. Эйхбаум

Одну из ярчайших страниц в многогранном научном творчестве профессора Гали Николаевны Эйхбаум составил исследование класса прономинативов современного немецкого языка. Эта тема нашла отражение в ряде специальных статей¹, в монографии «Обособленные члены предложения в немецком языке»², а также в соответствующем разделе курса лекций по теоретической грамматике³, увидевшего свет благодаря усилиям учеников Гали Николаевны уже после ее кончины.

В этих работах, как и во всем творческом наследии Г. Н. Эйхбаум, проявились ее лучшие качества как ученого: целостность и широта научного подхода к изучаемой проблеме, умение рассматривать и интерпретировать конкретные лингвистические факты на фоне и во взаимосвязи с универсальными категориями языка, а также способность, решая частные исследовательские задачи, делать серьезные теоретические обобщения, отличающиеся новизной и оригинальностью.

Рассуждая о принципах и критериях классификации слов, Г. Н. Эйхбаум отмечает, что наиболее значимыми оказываются «те классификации, которые обращены к функционально-семантическим свойствам слов и раскрывают, что и как обозначают слова, для чего и каким образом они используются в коммуникации»⁴. Таким образом, ведущим методологическим принципом, которому неуклонно следует Г. Н. Эйхбаум, является поиск ответа на вопросы *что? как? и для чего?* на всех этапах анализа. Этот подход позволяет обнаружить взаимообусловленность формальных, смысловых и функциональных признаков, свойственных прономинативам.

Г. Н. Эйхбаум дает критическую оценку сложившихся в языкознании представлений о местоименных словах и показывает новые перспективы более адекватного толкования их сущности и соотношения с назывными словами, открывшиеся благодаря успехам современных лингвистов в развитии лингвистической семантики, в разработке типологии лексических номинаций, функционально-семантических аспектов предложения и текста.

В последние десятилетия широкое распространение получила интерпретация прономинативов как надчастеречного объединения слов, противостоящего в сфере знаменательных слов назывным словам и содержащего в своем составе разряды частей речи, параллельные соответствующим разрядам класса назывных слов. Признавая в целом правомерность такой трактовки, Г. Н. Эйхбаум вносит в нее весьма существенное уточнение, касающееся характера этого параллелизма.

Дело в том, что наряду с местоименными словами, вполне «укладывающимися» в определенные разряды частей речи подобно назывным словам (так, *man, niemand, er* субстантивны, *mein, unser* адъективны, *hier, wo, überall* имеют наречное значение пространственных характеристик), существуют прономинативы, которым свойственна полифункциональность, или категориальная полисемия. В парадигматике функции слов второго типа неразграничimy (например, *viel, etwas, wenig* субстантивно-нумерально-адвербиальны). Их категориальные потенции каждый раз реализуются в речи, в условиях конкретного синтаксического и семантического окружения. Следовательно, говоря о семантико-функциональном частеречном параллелизме назывных и местоименных слов, целесообразно, по мнению Г. Н. Эйхбаум, различать параллелизм парадигматический и синтагматический и соответственно изначально дифференцировать прономинативы⁵.

Другая важная линия изучения местоименных слов лежит в номинативной плоскости и касается толкования способа обозначения ими предметов, свойств, отношений и т. д. Традиционно прономинативная лексика противопоставляется назывным словам по таким критериям, как изменчивость, а подчас эфемерность вещественного содержания и зависимость их предметной отнесенности от семантического субстрата, заданного речевой ситуацией или контекстом. Однако, как отмечает Г. Н. Эйхбаум, тезис о неустойчивой предметной отнесенности прономинативов неправоммерно абсолютизирован. Нельзя игнорировать наличие у них инвариантной основы в предметном плане. Так, в состав смысловой структуры местоимения *jemand* входят в качестве постоянных сем, выделяемых на парадигматическом уровне, семы «субстанциональность», «антропонимичность», «выбор из неопределенного множества

лиц», «аффирмативность», «дискретное количество». Правильнее поэтому усматривать в прономинативах при их сопоставлении с назывными словами не отсутствие сигнификата, а более высокий уровень его абстракции. Назывными словами такой уровень обобщенности значения достигается редко (ср. немецкие существительные Mensch, Ding, Sache)⁶.

Объясняя сущность «местоименности», многие исследователи приравнивают ее к заместительности, употреблению прономинативов вместо назывных слов. Согласно Г.Н. Эйхбаум, такую точку зрения далеко не всегда можно считать оправданной. Местоименные слова могут передавать значения, не доступные назывным словам. Так, личные местоимения 1-го и 2-го лица «стоят сами за себя»; целый ряд прономинативов обладают свойством конденсированной репрезентации вещественной информации и способны «замещать» не отдельные назывные слова, а словосочетания, предложения и отрезки текста различного, порой значительного, объема⁷.

Наряду с диктальной сферой, местоименные слова, как подчеркивает Г.Н. Эйхбаум, оказываются пригодными для передачи различных модусных значений, для отображения речевой ситуации, целей и условий общения. С их помощью полнее и эффективнее реализуется коммуникативная программа высказывания. Они, в частности, незаменимы при выражении коммуникативного задания высказывания-вопроса, непосредственно участвуют в формировании отрицательных предложений, потребность в которых также обусловлена коммуникативно-смысловой интенцией текста. Значительна роль прономинативов в передаче различных локутивных отношений из области модуса, например для осуществления дифференциации участников коммуникативного акта по оси «говорящий — собеседник — остальные лица и предметы» (ich — du/Sie — er, sie, es), разграничения пространственных показателей по линии «близкое — далекое относительно говорящего» и показателей времени по критерию «близкое — далекое относительно момента речи» (hier — dort, jetzt — damals и т. д.)⁸.

Применение местоименных слов вместо назывных может усилить эмотивную сторону высказывания, сделать его более выразительным. Ср. назывной и местоименный способы выражения

интенсивности в следующем примере: Schrecklicher Regen! — Was für ein Regen! Solch ein Regen! Повышению эмотивности способствуют гиперболизирующие тотальные прономинативы, например: *Immer kommst du zu spät!* Этот эффект основывается на способности местоименных слов служить средством опосредованной приблизительной номинации, которая потенциально является более емкой, чем прямая точная номинация с помощью назывного слова⁹.

Отдельному подробному анализу с позиций прагматики подвергаются отрицательные прономинативы. Г. Н. Эйхбаум отмечает более высокий экспрессивно-прагматический потенциал предложений с этими словами по сравнению с положительными перифразами, объясняя его исходно тотальным значением отрицательных прономинативов и способностью содержащих их конструкций выражать через «зачеркивание» небытие¹⁰.

Интерес к прагматическому аспекту предложения и текста побудил Г. Н. Эйхбаум обратиться к изучению еще одной функции местоименных слов — их участия в реализации коммуникативной перспективы высказывания¹¹.

Отталкиваясь от диктальных свойств прономинативов, Гали Николаевна рассматривает различные случаи их анафорического и катафорического использования для подчеркнутого расчленения высказывания на два сегмента. Благодаря этому приему обеспечивается поэтапная передача вещественной информации в конкретном предложении и дополнительная актуализация компонентов последнего. При анафорическом подхвате прономинатив, не расширяя денотативного содержания высказывания, увеличивает информативную значимость репрезентируемого фрагмента, вторично актуализирует его, как в следующем примере с номинативом темы: *Diese Hand, sie zog sich jetzt zusammen*¹².

Местоименное слово, не опирающееся на предшествующий контекст, используется для интригующего предвосхищения нового, привлечения внимания адресата речи к дальнейшему изложению, поскольку намечает лишь общий контур (*umrissene Leerstelle*) обозначаемого и этим создает «поле напряженности», требующее разрешения, например: *Mit einem Buch unter dem Arm kreuzten sie gestern in der Berliner Stadtbibliothek... auf: Gäste der letzten diesjäh-*

*rigen Rundfunksendung: „7-10 Sonntagmorgen in Spree-Athen“ (Berliner Zeitung)*¹³.

Подобная коммуникативная сегментация высказывания повышает его прагматическую эффективность.

Представляется, что приведенный выше краткий обзор идей Г.Н. Эйхбаум, касающихся сущности и функционального назначения класса прономинативов, со всей очевидностью показывает их плодотворность и перспективность для дальнейшего изучения проблем теоретической грамматики. Своими работами в области местоименности Гали Николаевна Эйхбаум оставила заметный след в языкознании, наглядно продемонстрировав, что развитие лингвистики предполагает не только появление новых объектов и новых аспектов исследования, но и возврат к ранее описанным языковым категориям, которые в свете современных представлений и при использовании современных методик могут существенно расширить наши знания об уже известных явлениях.

Примечания

¹ *Эйхбаум Г.Н.* Номинатив темы в немецком языке, его синтаксическое положение и функционально близкие ему конструкции // Структура простого предложения в современном немецком языке. Л., 1972. С. 153–168; О значении предложений с отрицательными словами // Синтаксическая семантика и прагматика. Калинин, 1982. С. 55–65; Прониминативы и назывные слова: их сходство и различия (на материале немецкого языка) // Системное описание лексики германских языков. Вып. 5. Л., 1985. С. 7–18; *Eichbaum G.N.* Kommunikativ bisegmentare Sätze mit Pronominalwörtern // Deutsch als Fremdsprache. Leipzig, 1974. Н. 3. S. 180–188.

² *Эйхбаум Г.Н.* Обособленные члены предложения в немецком языке. Л., 1974.

³ *Эйхбаум Г.Н.* Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб., 1996

⁴ *Эйхбаум Г.Н.* Прониминативы и назывные слова. С. 7.

⁵ Там же. С. 8–11; Теоретическая грамматика... С. 163–165.

⁶ *Эйхбаум Г.Н.* Прониминативы и назывные слова. С. 12–13; Теоретическая грамматика... С. 166–168; О значении предложений с отрицательными словами... С. 58–59.

⁷ *Эйхбаум Г.Н.* Прониминативы и назывные слова. С. 12; Теоретическая грамматика... С. 166–167.

⁸ *Эйхбаум Г. Н.* Прономинативы и назывные слова. С. 15–16; Теоретическая грамматика. С. 169–170.

⁹ *Эйхбаум Г. Н.* Прономинативы и назывные слова. С. 16–17; Теоретическая грамматика. С. 171.

¹⁰ Подробнее см.: *Эйхбаум Г. Н.* О значении предложений с отрицательными словами... С. 63–64.

¹¹ *Eihbaum G. N.* Kommunikativ bisegmentare Sätze; *Эйхбаум Г. Н.* Номинатив темы; Обособленные члены предложения. С. 11, 52–56. См. также: Прономинативы и назывные слова. С. 16–17; Теоретическая грамматика. С. 170.

¹² *Eadem K.* Kommunikativ bisegmentare Sätze. S. 188.

¹³ *Ibid.* S. 185.

**Классификация предложений по цели высказывания
в трактовках Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум
и их роль в современной лингвистике**

*„Es wächst hienieden Brot genug für alle Menschenkinder“ (H.Heine)
„Wer bist du und was fehlt dir, du fremder, kranker Mann?“ (H.Heine)
„O, schwöre nicht und küsse nur“ (H.Heine)*

(Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева)

В качестве эпиграфа к этой статье взяты предложения из «Пособия по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка» Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой, открывающие начало раздела «Типы предложений». Хотелось бы отметить безупречный вкус авторов, позаимствовавших эти примеры у выдающегося лирика Г. Гейне, всегда пользовавшегося большим успехом у русского читателя. Выбор такого эпиграфа не случаен, потому что главное внимание будет уделено здесь рассмотрению классификации предложений по цели высказывания в трактовке Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой, сопоставление этой классификации с подобными классификациями у других отечественных и зарубежных германистов; а также развитию идей о коммуникативной функции предложений в трудах Г. Н. Эйхбаум. Такой подход, как представляется, позволит осветить тот вклад, который внесли наиболее видные представители германистической школы Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета в трактовку этого одного из основополагающих вопросов теории синтаксиса и предложения. В качестве основных линий предпринимаемого ниже анализа предлагается выделить следующие:

– своеобразии интерпретации коммуникативного аспекта предложения в трудах по теоретической грамматике Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой;

– дальнейшее развитие учения о классификации предложений по цели высказывания в отечественной (В. Г. Адмони, О. И. Москальская и др.) и зарубежной (Х. Бринкманн, Р. Дитрих, Г. Цифонун, У. Энгель, Е. Агрикола и др.) германистике;

– представления о коммуникативном аспекте предложения в работах Г. Н. Эйхбаум и их связь с современными тенденциями толкования данного аспекта в лингвистике.

Классификацией предложений по цели высказывания Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева занимались, когда разрабатывали основные положения своей теоретической грамматики современного немецкого языка. Первое издание учебника по теоретической грамматике (Зиндер Л. Р., Сокольская Т. В. Научная грамматика немецкого языка) вышло в 1938 г. Оно представляло собой одну из первых монографий по академической грамматике современного срезам немецкого языка в мире, так как оно вышло в свет еще во времена доминирования младограмматической традиции. Первой же работой, выполненной на синхронном срезе грамматической системы немецкого языка, является грамматика Л. Зюттерлина („Die deutsche Sprache der Gegenwart“), вышедшая в 1900 г., где, однако, несмотря на декларативное заявление автора об обращении к современному языку, сохраняется еще некоторая зависимость от младограмматической традиции. Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева прекрасно отдавали себе в отчет в сложности своей задачи и потому в своем предисловии подчеркнули, что «ставили себе целью изложить в настоящей книге систему немецкой грамматики как научную дисциплину», а не как свод правил нормативной грамматики.

В разделе «Синтаксис» (Syntax, Satzlehre) упомянутой выше книги имеется небольшой по объему фрагмент, посвященный классификации предложений по цели высказывания, в тогдашней формулировке авторов учебника — классификации предложений «с точки зрения выраженного в них содержания». Такая формулировка подчеркивает разделение формальной и содержательной стороны языковых явлений и отнесенность целеустановки говорящего к семантико-функциональному аспекту предложения. Они выделили наряду с классическими в нашем современном представлении типами предложений, такими как повествовательные (Aussagesätze) и вопросительные (Fragesätze), также восклицательные (Ausrufesätze) и модальные (Heischesätze). Восклицательные предложения они иллюстрируют следующими примерами: *O Mädchen, Mädchen, wie lieb ich dich!* Модальными предложениями они считают предложения, подобные следующим: *O Meer, Mutter der Schönheit, der*

Schaumentstiegenen! Proletarier aller Länder, vereinigt euch! Auf, zum letzten Gefecht! Lang lebe Genosse Thälmann! Трактовка двух последних коммуникативных типов предложений, конечно же, спорна и явно противоречива. Критические замечания, которые можно было бы сделать по этому поводу, лежат на поверхности, а объяснить их можно, с одной стороны, влиянием истории языка (ср. Heischesätze), а с другой — неразработанностью данной проблематики на том этапе развития лингвистической мысли, когда вышла в свет рассматриваемая книга. Не случайно в следующих переизданиях и трудах на эту тему Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева неоднократно меняли свою точку зрения именно на эти типы предложений.

Так, в «Современном немецком языке», вышедшем в 1957 г., у данных авторов можно найти следующую трактовку этого вопроса. Здесь Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева постулируют наличие в немецком языке трех коммуникативных типов предложений. Правда, наряду с повествовательными и вопросительными, они выдвигают в качестве третьего члена этой триады повелительные и желательные предложения в их совокупности, обозначенной немецкоязычным термином Heischesätze. По сравнению с первым изданием учебника по теоретической грамматике позиция авторов по отношению к восклицательным предложениям здесь полностью меняется: они пишут, что восклицательным может быть любой из вышеупомянутых коммуникативных типов предложения, независимо от его целеустановки (ср. Зиндер, Строева, 1957:31–32).

В вышедшем в 1962 г. «Пособии по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка» этой проблеме посвящены два параграфа в разделе «Типы предложений». Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева отказываются от классической триады предложений (повествовательные, вопросительные, побудительные) в пользу четырехчленной оппозиции и в качестве особого типа дополнительно выделяют также эмоционально-оценочные предложения. Их отличительными особенностями они считают экспрессивно окрашенную положительную или отрицательную оценку, наличие отчетливо выраженных эмоций (восторг, радость, угроза и т. д.) и как следствие обязательную восклицательную интонацию. Со структурной точки зрения эти предложения отличаются неполнотой или односоставностью, что напрямую связано с их экспрессивно-эмоциональным

характером (Зиндер, Строева, 1962: 63–67). При этом авторы указали также на отличие подобных предложений от так называемых восклицательных предложений, которые в то время также все еще иногда рассматривались как дополнительный коммуникативный тип предложений. В качестве возражения они выдвигали тот аргумент, что эти предложения при свойственной им интонации восклицания (их «можно произнести, — как писали они, — с ярко выраженной эмоцией, как выкрик») сохраняют свой исходный коммуникативный характер, добавляя при этом, что побудительным предложениям часто свойственна восклицательная интонация. Данное краткое замечание Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой послужило позже толчком для исследований, посвященных анализу восклицательных и эмоционально или экспрессивно окрашенных предложений. При этом восклицательные предложения представляют собой крайнее проявление эмоциональности предложения, оформленного общим интонационным и логическим выделением всего состава предложения (ср. Адмони, 1973; Малинович, 1966).

Предложения, обозначенные авторами как эмоционально-оценочные, характерны для разговорной речи. Ср. приводимые ими примеры: *Ach, du Dummer! So ein Glück! Welche Schande! Kolossal! Ein reizendes Mädchen! Was für ein Tor!* и т. п. Эти предложения, по мнению Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой, нельзя отнести ни к одному из трех традиционных коммуникативных типов предложения. Будучи сторонниками классических воззрений на классификацию предложений по цели высказывания, которая предполагает противопоставление предложений не только по цели высказывания (как позже в прагматике), но и по внешней синтаксической структуре, характерными чертами подобных предложений они считали:

- 1) наличие в качестве цели высказывания оценки;
- 2) выражение эмоции (что предопределяет их константно восклицательный характер);
- 3) структурную неполноту, которая также отражает их эмоциональный, экспрессивный характер.

Структурная неполнота, однако, не означает их внешнего подобия друг другу, потому что их лексическое наполнение может быть довольно разнообразным, в основном, правда, номинативным (субстантивным или адъективным). Часто в их состав входят модаль-

ные слова, частицы, междометия. Интересными представляются также контрастивные наблюдения авторов, указывающих на то, что подобные предложения в разных языках могут иметь либо аналогичное построение, либо отличаться идеоэтническими особенностями.

Последнюю же трактовку этой проблемы мне довелось выслушать в устной форме от самого Льва Рафаиловича Зиндера, когда он в 1974/75 учебном году прочел нам свой курс лекций по теоретической грамматике. (В следующем учебном году он прочел данный курс на кафедре немецкой филологии в последний раз, так как, начиная с 1976 г., этот курс читала уже профессор Г. Н. Эйхбаум). Удивительно, но почему-то именно эту лекцию я помню и по сей день в мельчайших подробностях (поэтому могу воспроизвести ее и сейчас даже без обращения к конспекту). Особенно большое впечатление произвело на меня то, что касается доказательства правомерности выдвижения в ряду трех классических типов предложений по цели высказывания (повествовательных, вопросительных и побудительных) оптативных предложений (*Wunschsätze*). Лев Рафаилович полагал, что в основу коммуникативной классификации предложений должны быть положены два основных момента:

- намерение, целеустановка говорящего, с одной стороны;
- а также грамматическая форма предложения, с другой (порядок слов, характерный именно для данного типа предложений; те или иные грамматические маркеры, некие особые грамматические формы и т. п.).

В качестве аргументов, призванных подтвердить наличие в немецком языке оптативных предложений, он назвал особое намерение говорящего, отличающее данный тип предложений, и специфику их формы. Первое заключается в том, что говорящий ставит своей целью передать партнеру по коммуникации свое реальное, потенциальное или нереальное желание, второе же — в том, что данные предложения имеют форму псевдопридаточных (отсюда вытекает соответственно специфический порядок слов в двух вариантах — союзном или бессоюзном). Характерно, что этот тип предложений закрепился в германистической традиции (ср. Эйхбаум, *Agricola*), причем не только в трудах по теоретической грамматике,

но и в учебниках по практической грамматике (ср. Эйхбаум, 1982, 1996; Dreyer, Schmitt, 1995 и др.).

Описание классификации предложений по цели высказывания присутствует в любой немецкой как теоретической (академической), так и нормативной грамматике. Поэтому остановимся на характеристике лишь некоторых, наиболее репрезентативных из них, а именно на классификации предложений по целеустановке в работах таких российских и немецких лингвистов, как О.И. Москальская, В.Г. Адмони, Х. Бринкманн, авторы академической «Грамматики немецкого языка» (Г. Цифонун, Л. Хоффманн, Б. Штеккер), Р. Дитрих, У. Энгель, Е. Агрикола, А. В. Шишкова, Т. Ю. Смирнова и, как уже говорилось выше, более подробно на взглядах и их эволюции в творчестве Г.Н. Эйхбаум (см. об этом также: Григорьева).

О.И. Москальская признает оппозицию предложений по цели высказывания иерархически самой высокой ступенью парадигмы предложения, а основными средствами ее выражения в немецком языке считает интонацию, порядок слов и форму предиката. При этом автор отмечает явление коммуникативной транспозиции, в наибольшей степени характерное для побудительных предложений, потому что побудительными по цели высказывания могут быть с ее точки зрения как повествовательные, так и вопросительные по структуре предложения (Moskalskaja, 1975: 252–255). Следует отметить, что точка зрения О.И. Москальской, отнесшей деление предложений по целеустановке к парадигматике, было воспринято многими германистами. Поэтому они часто не уделяли данному вопросу при рассмотрении аспектов предложения и при его функционально-семантической характеристике должного внимания (ср. Chařitowna, 1976: 48), полагая, что парадигматика предложения уже достаточно хорошо изучена.

Это, правда, свойственно далеко не всем германистам. Так, В.Г. Адмони при рассмотрении коммуникативного аспекта предложения отмечает, что он в большей степени, чем другие аспекты, связан с актом коммуникации, так как «служит непосредственно выявлению (как бы материализации) той роли, которую данное предложение играет в акте коммуникации, и той познавательно-эмоциональной установки, которая у говорящего существует по отношению к смысловому наполнению предложения» (Адмони, 1973:

188). К аспектам, выражающим коммуникативное назначение предложения и установку говорящего, он относил еще также помимо указанного актуально-коммуникативное членение предложения и его эмоциональное содержание.

При дальнейшей дифференциации В.Г.Адмони выделяет повествовательные, вопросительные и побудительные предложения. Отмечая высокую частотность повествовательных предложений в речи, он подчеркивает их внутреннее разнообразие и их активный и целенаправленный характер в человеческом общении. Вопросительные предложения он классифицирует далее на оценочные вопросительные предложения (*Entscheidungsfragen*) и определительные вопросительные предложения (*Bestimmungsfragen*). При этом он вскрывает возможные несоответствия между формой и содержанием, так, например, то, что повествовательное по форме предложение может иметь вопросительный характер: *Hier wohnst du ganz allein?* (Адмони, 1973: 191). Наибольшей градации В.Г.Адмони подвергает побудительные предложения, ставя во главу угла способы их возможного оформления: повелительное наклонение глагола, конъюнктив, именные формы глагола, конструкции с модальными глаголами, целевые придаточные предложения, эллиптические предложения. При этом он особенно подчеркивает роль интонации, которая характеризует все вышеперечисленные типы побудительных предложений. Подобная побудительная интонация может придать побудительное значение такому предложению, в котором оно никакими другими лексико-грамматическими средствами не выражено (Адмони, 1973: 190–191).

Выделенные Л.Р.Зиндером и Т.В.Строевой эмоционально-оценочные предложения как четвертый член оппозиции по цели высказывания рассматриваются у В.Г.Адмони как предложения, в которых свое выражение получает эмоциональная установка говорящего. Помимо отображения объективной действительности в таких предложениях выражено отношение говорящего к ней. При этом эмоциональное содержание может иметь множество оттенков, которые с большим трудом поддаются классификации (Адмони, 1973: 204–205).

Таким образом, перечисленные выше выдающиеся отечественные германисты уделяли гораздо больше внимание тем комму-

никативным типам предложений, которые отличались от основных типов какими-то специфическими особенностями. Так, эмоционально-оценочные предложения, выделенные Л. Р. Зиндером и Т. В. Строевой, получили в дальнейших трудах статус особых, часто идиоматических форм предложений (ср.: Адмони, Moskalskaja), т. е. наметилось четкое противопоставление основных, узуальных и периферийных, прагматически обусловленных коммуникативных типов предложений. Такая точка зрения позволила противопоставить классические коммуникативные типы предложения не классическим.

Тенденция к укрупнению в рамках коммуникативной классификации предложений получила в германистике, и прежде всего в зарубежной, свое выражение в виде использования при построении классификации предложений по цели высказывания бинарных оппозиций. Так, в классификации Х. Бринкманна различаются предложения-партнеры и предложения-высказывания; под первыми имеются в виду вопросительные и побудительные, а под вторыми — повествовательные предложения. Предложения-партнеры побуждают партнера по коммуникации к ответной реакции, что может привести к реализации предложения-партнера, при этом это побуждение может представлять собой побуждение к речи (тогда имеют место вопросительные предложения) или побуждение к действию (в этом случае имеют место собственно побудительные предложения) (Brinkmann).

На это же обстоятельство указывает Р. Дитрих, который отмечает более сложный комплексный характер вопросительного предложения, содержащего в себе не только интеррогативную, но и побудительно-инструктирующую функции. Ср. его трансформацию вопросительного предложения: *Führt der Heiler den Kranken wieder in die Hütte zurück? — Ich fordere dich/Sie auf, mir zu sagen, ob der Heiler den Kranken in die Hütte zurückführt?* (Dietrich: 33). Но при этом автор описывает тонкие различия между побуждением в побудительных и в вопросительных предложениях, как, например, то, что в отличие от побудительных предложений, которые могут иметь и положительную и отрицательную форму, побуждение в трансформированных вопросительно-побудительных предложениях может выступать только в положительной форме.

В 3-томной академической «Грамматике немецкого языка», выпущенной коллективом авторов (Г. Цифонун, Л. Хоффманн, Б. Штекер), оппозиция предложений по цели высказывания рассматривается как модусная часть высказывания, подобно тому, как это делают отечественные лингвисты (например, Адмони). В этой грамматике оппозиция предложений по цели высказывания выглядит следующим образом: в ней выделяются центральные, или прототипические, и периферийные типы (ср. также приведенные выше мнения других авторов по данному вопросу). Признаками того или иного типа предложения считаются структура предложения, место финитного глагола в предложении, разряд морфологической категории наклонения глагола и наличие/отсутствие так называемого *w*-слова в предложении (последнее часто выступает маркером частного прямого или косвенного вопроса). К центральным типам относятся классические повествовательные, вопросительные и побудительные предложения. К периферическим модусам авторы относят модусы, выражающие желательность, экскламативность (восклицательность) и высокую степень необходимости (в виде настойчивой просьбы или требования) действия. Два близких по значению модуса, выражающие желательность и необходимость действия, объединены в один — оптативный модус. Прототипическому побудительному предложению свойственны следующие признаки: постановка финитного глагола на первое место и присутствующая ему императивная форма. Среди структурных типов побудительных предложений они выделили не только императивные, но и вопросительно-побудительные предложения; предложения с модальными глаголами; повествовательные предложения с лексическими маркерами директивности (типа «sofort»); некоторые формы придаточных предложений; односоставные предложения, конституируемые инфинитивами, причастиями, а также другими, прежде всего, именными частями речи (Zifonun, Hoffmann, Stecker).

Несмотря на разнообразие представленных выше точек зрения, можно в целом констатировать, что приверженность классической триаде сохраняется в большинстве современных грамматических работ, при этом варьируется лишь попытки их рубрикации. Так, в грамматике У. Энгеля три основных коммуникативных типа предложений предлагается назвать констативными, интеррогативными

и императивными предложениями (что может быть отчасти объяснено влиянием прагматики). При этом указывается на то, что обозначенные выше три основных типа не всегда выполняют в речи функции сообщения, вопроса или побуждения. Это невозможно хотя бы потому, что выделяемых иллокутивных типов предложений гораздо больше, поэтому классические коммуникативные типы предложений и иллокутивные типы предложений часто не пересекаются, а меньшее количество коммуникативных типов предложений призвано обслуживать гораздо большее количество иллокутивных типов (при этом также следует помнить о возможной коммуникативной транспозиции предложений). Отсюда можно сделать вывод о том, что их не следует смешивать между собой и рассматривать соответственно отдельно друг от друга (Engel: 180–183).

В ряде грамматических трудов представлена более детальная классификация и последующая дифференциация коммуникативных типов предложений (ср., например, Е. Агриколу, Г. Н. Эйхбаум, Л. В. Шишкову и Т. Ю. Смирнову).

Так, достаточно подробная разработка коммуникативных, особенно побудительных, типов предложения с учетом порядка слов, мелодического рисунка предложения, а также особенностей коммуникативной ситуации и отношений между принимающими в коммуникативном акте лицами представлена в классификации Е. Агриколы и его соавторов. При этом в ней подчеркивается разнообразие значений, которые способны передавать коммуникативные типы предложений, а именно в формулировке авторов предложений говорения, спрашивания, желания и восклицания (Sagen, Fragen, Heischen, Rufen). Эти четыре основные коммуникативные формы отличаются друг от друга прежде всего смысловозначительными функциями и во вторую очередь синтаксическим строением, интонацией, флективными элементами, лексическим наполнением. Последние могут иметь разную степень значимости по отношению к тому или иному коммуникативному типу предложений. Как правило, структурирование того или иного коммуникативного типа предложений происходит на основе комбинирования нескольких признаков. Повествовательное предложение, например, отличается помещением финитного глагола на второе место в предложении

и терминальный тип интонации. Вопросительное предложение без вопросительного слова — финитный глагол на первом месте и характерное повышение интонации, вопросительное предложение с вопросительным словом — вновь финитный глагол на втором месте, но при этом возможна как интонация, свойственная повествовательному предложению, так и интонация, отмечающая другой тип вопросительных предложений. Наряду с основными типами вопросительных предложений Е. Агрикола описывает также дополнительные типы, такие как риторические, двойные (*Weinte Philipp oder blieb er gefasst?*) и многоцелевые (*Wer hat wen beleidigt?*) вопросы. Побудительные по структуре предложения могут служить для передачи просьбы, желания, рекомендации, предостережения, требования, запрета, приказа. Во многом степень желательности или настойчивой требовательности зависит от контекста и ситуации (Agricola, 1970: 940–943). В этом случае, безусловно, также можно говорить о влиянии прагматики на описание коммуникативных типов предложения.

Г. Н. Эйхбаум в своей брошюре «Аспекты предложения» (1982) особое внимание уделила дальнейшей дифференциации именно побудительных предложений и предложила выделить пять различных структурных типов:

- императивные (с их пятью дальнейшими подвидами);
- конъюнктивные (с формами настоящего времени немецкого сослагательного наклонения);
- индикативные (с формами финитного глагола в презенсе и футуруме, отмеченные побудительной интонацией);
- вопросительные предложения с побудительной интенцией (часто включающие в свой состав модальные глаголы со значением возможности или глаголы в форме претерита конъюнктива);
- повествовательные предложения с модальными операторами необходимости (модальные глаголы со значением долженствования) (Эйхбаум, 1982: 45–47).

Одной из последних серьезных обзорных работ по теоретическим проблемам синтаксиса современного немецкого языка, где в том числе затрагиваются и вопросы членения предложений по цели высказывания, является монография Л. В. Шишковой и Т. Ю. Смирновой (Шишкова, Смирнова, 2003). В этой работе вопрос о класси-

фикации предложений по цели высказывания включен в коммуникативный аспект предложения, который объединяет в себе целый комплекс значений, отражающих речевую ситуацию или включаемых часто в понятие модуса предложения. К модусным значениям или к коммуникативным категориям авторы, вслед за В.Г. Гаком, относят наряду с такими категориями, как персональность, темпоральность, истинность, информативность, временная локализованность, речевая ситуативность, и категорию целенаправленности, т.е. коммуникативную установку предложения. При этом подчеркивается преемственность германистической традиции, в частности то, что данные аспекты предложения ранее уже разрабатывались примерно в том же ключе такими известными учеными как В.Г. Адмони и Г.Н. Эйхбаум. По цели высказывания Л.В. Шишкова и Т.Ю. Смирнова остаются на позициях приверженности классической триаде предложений, подчеркивая, что они «отражают основные разновидности речевого общения, которые определяются интенцией говорящего, его намерением по отношению к адресату» (Шишкова, Смирнова, 2003: 44). При дальнейшей характеристике выделенных типов авторы обращают особое внимание на структурные типы предложений, на их интонационный рисунок, а также на их иллокутивные особенности, т.е. на возможности их коммуникативной транспозиции. Так, например, то, что повествовательные предложения могут иногда выражать не только констатацию, но и предостережение, угрозу, рекомендацию, обещание. Помимо трех основных типов и функций вопросительных предложений (оценочных, определительных, подтвердительных) (ср. также Адмони), они указывают на возможные вторичные функции некоторых вопросительных предложений, а именно риторических вопросов и вопросов, выражающих вежливое побуждение. Наибольшей градации подвергаются побудительные предложения, что характерно и для многих других упомянутых выше авторов. В качестве основной специализированной формы побудительного предложения называется императивная. Однако выделяется еще восемь дополнительных значений побуждения: категорический приказ (*Du hältst das Maul, Mensch!*), приказ (*Bis dahin wirst du schweigen!*), распоряджение в дружеском тоне (*Hände waschen*), команда (*Stillgestanden!*), побудительные предложения с имплицированным действи-

ем (Ruhig!), эмоциональные побудительные высказывания (Dass du mir nicht heulst!), вежливое побуждение (Können Sie mir das Buch überreichen?). Таким образом, в классификации данных авторов также отчасти учитывается иллокутивная характеристика выделяемых типов предложений по цели высказывания.

Уже в некоторых из вышеприведенных классификаций предложений по цели высказывания было отчетливо заметно влияние прагматики. Поэтому представляется интересным проследить взаимопроникновение и взаимообусловленность коммуникативного аспекта предложения и прагматического направления в лингвистике. В силу вышесказанного далее предпринимается попытка сравнить интерпретацию цели высказывания в рамках классического противопоставления структурных типов предложений по целеустановке говорящего с положениями, разработанными в теории речевого акта, где во главу угла изначально ставится экстралингвистическая интенция говорящего независимо от ее дальнейших конкретных речевых реализаций.

В этой связи большой интерес представляет изданный в 1996 г. конспект курса лекций по теоретической грамматике Гали Николаевны Эйхбаум, который был собран и подготовлен к изданию ее учениками уже после смерти этого, безусловно, выдающегося исследователя, не получившего достойного широкого признания даже среди отечественных германистов. Но следует отметить, что ее необычайно высоко ценили все те, кому приходилось сталкиваться с ней лично.

В этом курсе лекций коммуникативный аспект предложения рассматривался в рамках теории речевой деятельности с непосредственным обращением к коммуникативному акту и его составляющим и прежде всего к его участникам — говорящему и слушающему, потому что именно они и их речевое поведение должны находиться в центре внимания при изучении коммуникативной функции предложения (Эйхбаум, 1996: 198–207). Успешная реализация иллокутивной функции и достижение перлокутивного эффекта во многом зависят от речевой компетенции говорящего. Степень владения языковой и речевой компетенциями напрямую связана с усилением прагматического воздействия высказывания. Коммуникативное задание предложения, по мнению Г.Н. Эйхба-

ум, формируется говорящим с учетом фактора адресата. Далее она уделяет большое внимание моделированию речевых ситуаций, выделяя среди них такие, как: монолог/диалог, контактность/дистанцированность, устность/письменность — эти речевые факторы также во многом определяют формирование целеустановки предложений.

Необходимость учета прагматики продиктована, как считает Г. Н. Эйхбаум, известной непоследовательностью и недостаточностью традиционной классификации, которая, по ее мнению, тем не менее, имеет право на существование в рамках нормативной грамматики. Но ее достаточность вызывает сомнения. В качестве ее основных недостатков называются такие причины, как превалирование формального критерия, слишком высокая степень обобщения (особенно по отношению к повествовательным предложениям), невнимание к неоднозначности отношений между формой и содержанием, проявляющимся, в частности, в недоучете фактора коммуникативной транспозиции. Так, по отношению к повествовательным предложениям отмечается высокая степень обобщенности, положенная в основу их выделения, без учета передаваемой в них информации, особенно это касается предложений, имеющих оценочное значение. Аналогичной критике могут быть подвержены и вопросительные предложения, в частности такие их типы, как риторические или вопросительные по форме предложения, используемые как этикетные формулы.

Далее Г. Н. Эйхбаум останавливается на многих современных и новаторских для того времени положениях, которые тоже не могут быть не задействованы при рассмотрении коммуникативного аспекта предложения, таких как диктум и модус, постулаты речи, принципы вежливости и некоторые другие. Что касается выделения в предложении диктального и модусного плана, то Г. Н. Эйхбаум интересовала их трактовка в прагматическом аспекте, и она рассматривала диктум с точки зрения степени подробности информации, передаваемой о предмете речи, увязывая это с фондом знаний собеседников; а модус — как привязку отображаемого в предложении положения дел к условиям конкретного речевого акта. Постулаты речи, предложенные Г. Личем (Leech, 1985), и принципы (максимы) П. Грайса (Grice, 1975) тоже крайне релевантны

при трактовке прагматического аспекта предложения постольку, поскольку все действия говорящего как центральной фигуры речевого акта детерминированы правилами поведения в окружающем его социуме.

Гали Николаевна не оставляет также без внимания и историю вопроса об иллокутивной классификации предложений и упоминает о вкладе в него как зарубежных, так и отечественных лингвистов, таких как Дж. Остин, Дж. Серль, Д. Вундерлих, Л. П. Чахоян, Г. Г. Почепцов и некоторых других. В итоге она делает вывод о необходимости более адекватного подхода к классификации предложений по цели высказывания с учетом следующих моментов:

- наличие/отсутствие денотативной информации;
- степень заинтересованности коммуникантов;
- наличие/отсутствие перформативного глагола;
- возможность коммуникативной транспозиции;
- нейтральность/экспрессивность высказываний.

На основании всего вышеизложенного, а также, возможно, и других моментов Г. Н. Эйхбаум считала необходимым построение соответствующих коммуникативных полей, где бы учитывался весь интенциональный потенциал существующих форм предложений.

Как видно из изложенного выше, Г. Н. Эйхбаум обобщила самые инновативные для того времени лингвистические теории и положения, которые должны были быть, по ее мнению, учтены при анализе коммуникативного аспекта предложения. К сожалению, и до сих пор такого рода труд по классификации немецких предложений по цели высказывания так и не был создан. Намеченное ею было лишь только отчасти учтено как в работах германистов того времени, так и в тех, которые увидели свет уже после выхода ее курса лекций.

Литература

- Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка: система отношений и система построения. Л., 1973.
- Григорьева Л. Н. Коммуникативный аспект предложения и высказывания: традиции и инновации // Матер. XXXV междунар. филол. конф. Вып. 7. Секция грамматики (романо-германский цикл). 13–18 марта 2006 г. СПб., 2006. С. 231–243.

- Зиндер Л. Р., Сокольская Т. В.* Научная грамматика немецкого языка. Л., 1938.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Современный немецкий язык. Л., 1957.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка. Л., 1962.
- Малинович Ю. М.* Собственно восклицательные предложения в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. АКД. М., 1966.
- Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1974. С. 119–128.
- Почепцов Г. Г.* Синтаксис // Бурлакова И. П., Иванова И. П., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. С. 272–278.
- Чахоян Л. П.* Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979.
- Шишкова Л. В., Смирнова Т. Ю.* Синтаксис современного немецкого языка. М., 2003.
- Эйхбаум Г. Н.* Аспекты предложения. Л., 1982.
- Эйхбаум Г. Н.* Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб., 1996.
- Agricola E., Fleischer W., Protze H.* Die deutsche Sprache // Kleine Enzyklopädie. Bd. 2. Leipzig, 1970.
- Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1971.
- Charitonowa I. J.* Theoretische Grammatik der deutschen Sprache. Syntax. Kiew, 1976.
- Dietrich R.* Modalität im Deutschen. Opladen, 1992.
- Drayer H., Schmitt R.* Lehr- und Übungsbuch der deutschen Grammatik. München, 1995.
- Engel U.* Deutsche Grammatik. Heideberg, 1988.
- Grice H. P.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3. New York, 1975. P. 41–58.
- Leech G.* The Principles of Pragmatics. London, 1985.
- Moskalskaja O. I.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М., 1975.
- Searle J. R.* A Classification of Illocutionary Acts // Language in Society. 1976. Vol. 5, N 1.
- Sütterlin L.* Die deutsche Sprache der Gegenwart. 3 Aufl. Leipzig, 1910.
- Wunderlich D.* Zur Konventionalität der Sprechhandlungen // Linguistische Pragmatik. Etheneum. Frankfurt/M., 1972. S. 11–58.
- Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B.* Grammatik der deutschen Sprache. Bd. 1. New York; Berlin. 1997.

С. М. Панкратова

К вопросу о сочетаемости и валентности

Широта научных интересов Л. Р. Зиндера всегда удивляла его учеников, коллег, соратников и последователей. Лев Рафаилович одинаково требовательно и трепетно относился к написанию сугубо научных статей и работ прикладного характера, предназначенных в качестве учебников и учебных пособий для студентов. Более того, он всегда стремился к тому, чтобы издания методического характера были максимально приближены к теоретическим исследованиям последних лет. Как ведущий представитель Петербургской лингвистической школы он на примере своих многочисленных трудов показывал возможность плодотворного слияния высокой теории и практики. Конкретным примером реализации этих взглядов известного теоретика и практика одновременно может служить «Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка», которое было создано в соавторстве с проф. Т. В. Строевой и опубликовано в 1962 г. в Ленинградском отделении «Учпедгиза». Эта книга, предназначенная для студентов-германистов, состоит из 2-х глав, первая из которых посвящена наиболее актуальным вопросам грамматики, а вторая — вопросам лексикологии. Каждая глава в свою очередь подразделяется на разделы, темы и параграфы, в которых очень кратко формулируются основные положения, отражающие современный уровень теоретических воззрений по данной проблеме. За теоретической частью следует от двух до пяти упражнений. Авторы пособия фиксируют внимание обучающихся на наиболее трудных и спорных теоретических положениях, таких, например, как переразложение морфем, дифференциация значения суффиксов, основные характеристики морфологических категорий имени существительного и прилагательного, многозначность

глагольных временных форм, проблемы пассива, классификация обстоятельств, законченность грамматической конструкции, синтагма и словосочетание. В лексической части пособия речь идет о значении слова, типах лексических значений, о связи значения слова и его сочетаемости, о группировках слов в системе словаря, о свободных и фразеологических сочетаниях.

Даже из этого краткого перечисления рассматриваемых вопросов видно, что в обеих главах большое внимание уделяется проблемам сочетаемости и разным видам словосочетаний с позиции как грамматиста, так и лексиколога. Интересно, что один и тот же грамматический тип словосочетания — переходный глагол + винительный падеж имени существительного — рассматривается с разных точек зрения. Вообще такой многосторонний анализ одного языкового явления очень характерен для творчества Л. Р. Зиндера. Проиллюстрируем это положение на конкретных примерах: на с. 95–96 словосочетания „ein Lied singen“ и „einen Rat geben“ раскрывают разницу сочетаний глагола с именем нарицательным в плане завершенности или незавершенности конструкции, что обусловлено в конечном итоге обязательной или факультативной сочетаемостью переходного глагола, т. е. представлен синтаксический подход при рассмотрении условий образования свободных словосочетаний.

На с. 117 говорится уже о том, что «специализированное значение» некоторых глаголов ограничивает возможности их сочетания с именами существительным в винительном падеже. Это явление лексической сочетаемости предопределяется своеобразием значения самого глагола как номинативной единицы. Данное положение показано на примере сочетания глагола *spreizen* «растопыривать, распростира́ть» с именами, относящимися к определенному семантическому ряду (*Äste, Arme, Beine, Finger, Flügel, Schweif*), так как все эти существительные обозначают какие-то части целого, как бы «отходящие от него (ветки от дерева, руки от туловища)». Далее в этом же параграфе указано на то, что в принципе разные по своему значению глаголы могут обладать как «малой семантической валентностью», так и широкой, как глагол *vernichten*. Приведенная трактовка с разных позиций словосочетаний одной структуры типична для трудов грамматистов и лексикологов, когда они работа-

ют в отрыве друг от друга и не опираются на теорию валентности, которая в 1960-е годы находилась ещё в стадии своего становления и первоначального развития, что приводило на первых порах к отсутствию разграничения сочетаемости и валентности в большинстве научных работ того периода. Именно этим, видимо, и объясняется тот факт, что в первой строке § 60 в пособии говорится о лексической сочетаемости слов вообще и глаголов в частности, а в последнем абзаце этого же параграфа, на той же с. 117 как бы вскользь, без объяснения нового термина, упоминается «семантическая валентность», и тем самым имплицитно понятия валентности и сочетаемости приравниваются друг к другу. Многие исследователи более позднего периода подчеркивали необходимость различать, а не отождествлять или противопоставлять друг другу эти понятия. Стремление глубже проникнуть в сущность валентности и сочетаемости нашло отражение в исследованиях И. А. Кравчук, Л. Н. Засориной, В. П. Беркова, С. М. Панкратовой¹.

Разграничению валентности от сочетаемости способствует её семантическое понимание, которое постепенно стало преобладающим в отечественной и зарубежной германистике (С. Д. Кацнельсон, С. М. Кибардина, М. Д. Степанова, И. Я. Харитоновна, W. Bondzio, G. Helbig, K. E. Sommerfeldt, H. Schreiber, G. Wotjak)². Понятие «валентность» уже, чем понятие «сочетаемость», куда оно входит как составная часть. Валентность отражает не только семантические, но и синтаксические отношения зависимости, но регулируется, прежде всего, семантической структурой слова. Связь между значением слова и его валентностью рассматривается различными учеными по-разному (ср. G. Helbig, А. Д. Райхштейн, Ю. Д. Апресян, G. Wotjak, W. Bondzio)³, но абсолютное большинство лингвистов считают, что существует тесная связь между семным составом и валентностью слова. Об этом говорят и авторы обсуждаемого пособия, правда они упоминают лишь лексическую сочетаемость и тем самым создают некоторую терминологическую расплывчатость.

Слово как носитель валентности имеет у разных лингвистов множество обозначений: относительные слова, относительные понятия, синсемантические слова, информативно недостаточные слова, предикативные слова или знаки, релятивные слова. Однако незави-

симо от терминологии основная особенность таких слов состоит в том, что они в обязательном порядке предполагают соотносительность с другим понятием, которое имеет свое самостоятельное языковое выражение. Слова-носители валентности (например, купить, передать, похожий) противопоставлены абсолютным, автосемантическим словам, в значении которых нет указания на корреляцию с другим понятием, так как они дают целостное обозначение действия, предмета, признака (например: ржаветь, мужчина, гибкий). Отдельные семы служат первичным соединительным звеном между стыкующимися смыслами слов, образующих друг с другом словосочетание. Особенно важно, что в семантической структуре слова-носителя валентности не все его семы в одинаковой степени существенны для реализации его валентности. Главную роль играют семы со значением «свойство» или «отношение», их можно назвать релятивными семами, и именно они определяют взаимосвязь между носителем валентности и зависящим от него подчиненным словом. Общность валентности и сочетаемости объясняется их общей способностью отражать комбинаторные свойства объединяющихся друг с другом в словосочетание слов. Но при сочетаемости эта способность фактически беспредельна и зависит от теоретически огромной вероятности варьирования оттенков значения слова. При реализации валентности эта способность ограничена релятивными семами, которые содержатся в семантической структуре той или иной вполне конкретной номинативной единицы. Значит, валентность языковой единицы тесно связана с ее семантической структурой и носит избирательный характер, так как ею обладают не все единицы номинации, а только те, в семантической структуре значения которых имеются релятивные семы, отражающие их внешние связи. Валентность можно рассматривать как синтаксическое преломление определенных семантических свойств языковой единицы, заключенных в сигнификативном аспекте её значения. Тем самым валентные свойства слова уже запрограммированы в самом акте номинации. Сочетаемость же представляет собой способность всех языковых единиц соединяться друг с другом в линейном ряду.

Таким образом, и валентность, и сочетаемость отражают каждая по-своему комбинаторику группировки слов. Именно поэтому сочетаемость и валентность близкие, но не тождественные друг

другу понятия. Сочетаемость языковых единиц имеет более широкий диапазон и передает самые разнообразные связи, а не только релятивные отношения. Этим объясняется семантическая многоликость и практическая непредсказуемость словосочетаний, опирающихся на сочетательные свойства. Отсюда вытекает и то, что валентно не связанные члены имеют всегда большую информативную ценность, чем валентно обусловленные. По этой же причине цели и задачи конкретного акта коммуникации играют ведущую роль при реализации валентности, когда они только ограничивают, ситуативно обуславливают заранее предполагаемые закономерности. Многие слагаемые, определяющие специфику сочетаемости и валентности близки друг другу, но их иерархия и аранжировка наряду с силой коммуникативной значимости различны, что и создает различие сущности рассматриваемых понятий.

В лексикологической части пособия Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой ещё раз заходит речь об условиях образования словосочетания, но теперь уже языковой материал рассматривается в новом ракурсе, говорится об образовании свободных и устойчивых, фразеологических сочетаний, которые существуют в словарном запасе носителя языка как бы в неизменном, застывшем виде и в такой устойчивой форме используются в речи. В разделе «Фразеологические группы слов» на с. 134–135 проводится сравнение двух словосочетаний, построенных все по той же наиболее частотной модели: глагол + имя существительное в винительном падеже: „in den Apfel beißen“ и „ins Gras beißen“, где первое сочетание является свободным, так как его смысл вытекает из смысла его составляющих, и в нем в зависимости от речевой ситуации, от того, что надо выразить говорящему, имя существительное будет меняться и обозначать вкушаемое: например, колбаса, сыр, пряник, персик и т. д. С этой точки зрения второе сочетание не является свободным, оно связано, так как его общий смысл не равен сумме слов, входящих в его состав, и это сочетание отнюдь не означает «откусывать траву». В своем целостном нераздельном единстве оно имеет значение «умирать». Подобные словосочетания не образуются каждый раз вновь в процессе говорения. Они существуют уже в застывшем виде в словарном составе языка как готовые номинативные единицы со строго фиксированной формой и единым значением всего комплекса. В зависимости

от потребителей коммуникации они вставляются в речь как монолитные, целостные блоки. Благодаря определенному постоянству формы и единству значения эти словосочетания выступают в предложении как один член.

Затрагивая проблематику фразеологического фонда современного немецкого языка, следует подчеркнуть, что Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева уже в данном учебном пособии дали студентам общее представление о фразеологических единицах как таковых и сделали это задолго до выхода в свет основополагающих монографий таких крупных фразеологов-германистов, как И. И. Чернышева, труд которой появился в 1970 г., и В. Фляйшера (W. Fleischer), исследование которого было опубликовано в 1982 г.⁴

Обращает на себя внимание и то, что в § 67 «Образование фразеологических групп вокруг одного слова» авторы учебного пособия раскрывают возможность образования целого ряда фразеологических единиц с одним ведущим словом. В качестве примера приводятся устойчивые фразеологические группы со словом *Auge* (с. 136–137). Так, авторы пособия предвосхищают появившееся много позже представление о фразеологической активности отдельных лексем немецкого языка, они затрагивают глобальный вопрос частотности тех или иных компонентов в составе фразеологического корпуса языка. Более того, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева дают первое представление о возможной классификации фразеологизмов, говоря о фразеологических единствах и сочетаниях и описывая их свойства. Особенно важным представляется замечание о принципиальной возможности варьирования глагольного компонента во фразеологических сочетаниях, ибо тем самым авторы касаются вопроса об относительной устойчивости фразеологических единиц и готовят студентов к осмыслению более поздних научных исследований об их вариативности. Далекое идущее последствие имеет указание на то, что глагол в составе фразеологических сочетаний может описывать разный характер протекания действия с точки зрения его длительности, начинательности, наличия или отсутствия оттенка внезапности. Ведь в лингвистической литературе последующих десятилетий появилось множество работ, авторы которых по-разному трактуют сочетания типа *in Bewegung sein/ geraten/ kommen/ setzen/ bringen*. Одни

безоговорочно относят их к области фразеологии, другие выделяют в них аспектуальные характеристики и считают их сочетаниями, находящимися на грани, на стыке между свободными и связанными, третьи изучают роль таких сочетаний в текстах научного стиля, четвертые проявляют повышенный интерес к истории их употребления в разные периоды развития немецкого языка.

Итак, даже беглое рассмотрение того, как представлена только одна из тем учебного пособия, проблематика сочетаемости номинативных единиц друг с другом убедительно показывает, что авторы сумели в предельно сжатой и легко доступной для восприятия студентов форме отразить суть основных вопросов теоретической грамматики и лексикологии, показать их взаимозависимость и изменчивость. Они подготовили читателей своей книги к пониманию языковедческих работ по очень широкому кругу вопросов не только уже традиционных лингвистических дисциплин, но и зарождающихся, находящихся в стадии становления (например, исследования об избирательной лексической сочетаемости отдельных номинативных единиц типа „hegen, hüten“).

Рассмотренное учебное пособие в целом может служить наглядным примером компактного изложения многих актуальных проблем германистики.

Примечания

¹ *Кравчук И. А.* О соотношении понятий сочетаемости, дистрибуции и валентности языкового элемента // Тез. докл. VII межвуз. науч. конф. по романно-германскому языкознанию. Пятигорск, 1970; *Засорина Л. Н., Берков В. П.* Понятие валентности в языке // Вестн. Ленингр. ун-та. 1961. № 8, вып. 2; *Панкратова С. М.* Валентность лексико-фразеологического уровня. Л., 1988.

² *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972; *Кибардина С. М.* Валентные свойства немецкого глагола. Л., 1985; *Степанова М. Д., Хельбиг Г.* Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978; *Харитонова И. Я.* Теоретическая грамматика немецкого языка. Синтаксис. Киев. 1976; *Bondzio W.* Abriss der semantischen Valenztheorie als Grundlage der Syntax // Zeitschr. für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1976. Bd. 29; *Sommerfeldt K. E., Schreiber H.* Wörterbuch zur Valenz und Distribution der Substantive. Leipzig, 1980; *Wotjak G.* Valenzmodelle und semantische Merkmalanalyse // Linguistische Arbeitsreihe. Leipzig, 1975.

³ *Helbig G.* Zum Status der Valenz und der semantischen Kasus // *Deutsch als Fremdsprache*. 1979, Н. 2; *Райхштейн А.Д.* О взаимодействии факторов сочетаемости слов // *Научн. труды МГПИИЯ им. М. Тореца*. 1979. Вып. 145; *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974; *Минина Н.М.* Лексико-семантическая глагольная система современного немецкого языка: автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 1975; *Wotjak G.* Op. cit.; *Бирвиш М.* Семантика // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1981; *Bondzio W.* Op. cit.

⁴ *Чернышева И.И.* Фразеология современного немецкого языка. М., 1970; *Fleischer W.* Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1982.

Семантический потенциал форм категории наклонения в нижненемецких диалектах Российской Федерации

В своем научном творчестве Л. Р. Зиндер не раз обращался к проблемам немецкой диалектологии, говорами немецких переселенцев он занимался еще студентом: дипломная работа Льва Рафаиловича, выполненная под руководством В. М. Жирмунского, была посвящена проблемам фонетики верхнегессенских говоров северной Украины, затем совместно с Т. В. Сокольской (Строевой) он публикует статью, в которой дается описание фонетического и морфологического строя этих диалектов¹. Эти исследования, выполненные в русле работ, посвященных, в терминологии тех лет, изучению и описанию «колониальных диалектов»², были по разным причинам позже приостановлены, однако и в дальнейшем Лев Рафаилович внимательно следил за изысканиями в этой области, выступая, в частности, в качестве как научного руководителя³, так и официального оппонента на защитах докторских и кандидатских диссертаций, посвященных данной проблематике⁴.

На территории Российской Федерации до настоящего времени сохранились несколько замкнутых языковых регионов, в которых проживают носители различных немецких диалектов, чьи предки переселились в Россию из Германии во второй половине XVIII — начале XIX в. Наиболее крупным скоплением сел с немецкоязычным населением является Немецкий национальный район на Алтае. Во многих других областях России и в республиках Средней Азии немецкие диалекты, которые и являются родным языком проживающих здесь этнических немцев, находятся на грани исчезновения, сохранившись лишь в форме идиолектов. В немецких селах Алтайского края немецкий диалект наряду с русским языком служит средством коммуникации и активно употребляется (по крайней мере, среди представителей среднего и старшего поколения) в относительно замкнутых в хозяйственном, культурном и языковом отношении сообществах, объединенных территориально. Кроме того, немецкий диалект остается языком повседневного общения для российских немцев, выехавших в Германию: как правило, представители старшего и отчасти среднего поколения живут

обособленно и поэтому сохраняют свой диалект, по крайней мере, в течение первых лет пребывания в Германии.

Задачей исследования является описание семантического содержания форм категории наклонения. При этом анализ проводился не только в синхронии, но и в диахронии, а также, насколько это возможно, на фоне отношений, существующих в других германских языках. Такой подход должен содействовать раскрытию тех своеобразных черт, которые присущи именно этим диалектам.

Особенно важно последовательное сравнение данных диалектов как с фактами нижненемецких диалектов Германии, так и с немецким литературным языком. Этот подход тем более оправдан, что и нижненемецкие диалекты Германии, и нижненемецкие говоры нашей страны, и немецкий литературный язык являются членами одной диасистемы — немецкого общенационального языка.

Система наклонений в древнейшую эпоху была представлена четырехчленной оппозицией индикатив/ирреалис/оптатив/императив, при этом формирование ирреалиса — явление, выделяющее древние германские языки на фоне прочих индоевропейских языков. В рамках этой оппозиции реалис лишен специальных маркеров, сигнализирующих его соотнесенность с определенным наклонением. Более других древнегерманских языков приближен к исходному языковому состоянию древневерхненемецкий. К древневерхненемецкому языку близок в этом отношении древнесаксонский. В прочих древнегерманских языках наклонения маркированы намного слабее.

На базе этой оппозиции в древних скандинавских и западногерманских языках формируется также четырехчленная оппозиция нового типа: индикатив/императив/ирреалис/конъюнктив косвенной речи, восходящий к оптативу. В настоящее время она представлена только в немецком и исландском языках. Индикатив передает значение внешней модальности реальности. Конъюнктив косвенной речи передает особый тип модальных значений — модальность косвенной речи. Императив служит для выражения реальности в побудительных предложениях с оттенками приказа, просьбы. Ирреалис служит для передачи значений нереальности.

В современном немецком языке наблюдается тяготение к перестройке четырехчленной системы оппозиций в трехчленную.

В разговорной речи формы конъюнктива косвенной речи практически не встречаются, причем процесс вытеснения конъюнктива в косвенной речи индикативом развивается сейчас все активнее и в письменной речи.

Многие германские языки утратили конъюнктив косвенной речи, в результате чего формируется трехчленная оппозиция индикатив/ирреалис/императив. Такая система наклонений представлена в нидерландском, фризском и шведском языках. Рассмотрим нидерландскую систему наклонений. Нижненемецкие говоры нашей страны, как и все восточнопруссские говоры, обнаруживают более тесные связи с нидерландским языком, чем с теми нижненемецкими диалектами, которые встречаются на территории Германии. В нидерландском языке наблюдается распад морфологических средств выражения сослагательного наклонения. В результате этого развивается аналитическая форма ирреалиса — кондиционалис. Особо продуктивными оказались сочетания с претеритом глагола *zullen*. Формы кондиционалиса II появляются позже, только в начале XIV в. Кондиционалис окончательно грамматикализуется в XVII в. В настоящее время кондиционалис является основной формой, передающей значение нереальности. Форма так называемого «истинного» императива уже в средненидерландском совпадает, как правило, с глагольной основой, чему способствовало устранение преломления. В результате этого формальная маркированность императива тяготеет к ослаблению. Итак, в системе наклонений нидерландского языка обнаруживается очевидное тяготение к двучленной парадигме в составе индикатива и ирреалиса, представленного прежде всего кондиционалисом.

Наконец, в английском языке существует двучленная оппозиция индикатив/ирреалис. Индикативу противостоит прежде всего кондиционалис. Флективные формы претерита и плюсквамперфекта ирреалиса полностью совпали с соответствующими формами индикатива. Единственным исключением является форма *were* от глагола *to be*.

Система наклонений в нижненемецких диалектах. В исследуемых диалектах представлена трехчленная система оппозиций: индикатив/ирреалис/императив, которая была описана выше и которая функционирует в немецком разговорном языке, где в отличие

от литературной нормы конъюнктив косвенной речи не употребителен. Такая же система сложилась в нидерландском и скандинавских языках, за исключением исландского, при этом индикатив остается слабым, немаркированным членом данной оппозиции.

Императив. Императивная модальность рассматривается нами как особый подвид внешней модальности предложения. При определении семантики императивной модальности мы не можем пользоваться такими категориями, как выполнимость или невыполнимость действия⁵, названного глаголом в императиве, поскольку данная категория не является языковой. По той же причине не может характеризовать модальные отношения и предлагаемый А. В. Бондарко критерий достоверности/недостоверности⁶. Очевидно, что модальные значения, передаваемые императивом, не являются, с одной стороны, производными модальности реальности: в предложениях с императивом речь идет о том, чего в момент речи в действительности нет. С другой стороны, значение императивности не может быть сведено к значению нереальности: императив передает и значение побуждения к выполнению действия, которое, безусловно, соотносится с планом реальности. Нельзя, кроме того, поставить знак равенства между значением императивной модальности и модальностью оптативной (желательной), поскольку особенностью оптативной модальности является, как нам кажется, наличие оттенка условности, которого лишена модальность императивная. Так, из следующих ниже примеров видно, что особенность ирреалиса, которой не обладает императив, заключается в его способности представлять положение вещей, отсутствующее в действительности как условно реальное, наличное: ср. *Wenn er mir doch helfen würde!* и *Hilf mir!* Таким образом, императивная модальность оказывается противопоставленной прочим подвидам внешней модальности предложения, и именно в этой противопоставленности и заключается, по-видимому, особенность ее семантики.

Императив, в отличие от индикатива, маркирован в исследуемых диалектах достаточно четко — сильнее, чем в немецком литературном языке и в близкородственном нидерландском языке.

В единственном числе используется значимое отсутствие флексии: единственное число императива характеризуется нулевым окончанием в отличие от форм единственного числа индикатива,

оформленных посредством личных окончаний во втором и в третьем лице. При этом сохраняется омонимия форм первого лица единственного числа индикатива и единственного числа императива (ср. приведенный выше материал по нидерландскому языку, где единственное число императива тяготеет к совпадению с глагольной основой в отличие от немецкого литературного языка, в котором роль внутренней флексии довольно велика):

/ät' gou/ ich gehe — /gou/ geh, но /dy: jeist/ du gehst, /hei jeit/ er geht; /ät' zi:/ ich bin — /zi:/ sei, но /dy: bäst/ du bist, /hei äs/ er ist; /ät' dou/ ich tue — /dou/ tu, но при этом /dy: de:st/ du tust, /hei de:d/ er tut.

В отличие от немецкого литературного языка формы императива множественного числа маркированы достаточно четко. Во множественном числе индикатива противопоставление по лицам посредством флексии не проводится: мы имеем дело с общей формой множественного числа индикатива на [-ə]: /vi fo:r^ə/ wir fahren, /ji fo:r^ə/ ihr fahrt, /zei fo:r^ə/ sie fahren, тогда как множественное число императива в исследуемых диалектах маркируется при помощи формального показателя /t/: /nämt/ nehmt. Однако и в этом случае тенденции развития морфологического строя диалектов таковы, что следует ожидать омонимии форм императива множественного числа и второго лица множественного числа индикатива. Это обусловлено развитием особой формы второго лица множественного числа индикатива: вместо форм типа /ji fo:r^ə/ все более частотными становятся формы на /t/: /ji fo:rt/. Корни этого явления следует видеть во влиянии, во-первых, грамматического строя верхненемецких диалектов, которыми владеет большинство носителей нижненемецких говоров, и, во-вторых, немецкого литературного языка. Таким образом, в исследуемых диалектах есть предпосылки для перестройки системы наклонений из трехчленной в двучленную систему английского типа в результате постепенной утраты императива.

Кроме того, говоры располагают и так называемой «вежливой формой» императива, соответствующей по структуре формы и функции «вежливому императиву» немецкого литературного языка: /!ko:m^ə-z^ə!/ Kommen Sie!.

Императив в нижненемецких говорах Российской Федерации, равно как и в соответствующих диалектах на территории Германии и немецком литературном языке, монофункционален. Он служит

для выражения особого подвида внешней модальности предложения, а именно модальности императивной, противопоставленной по своему значению, как было показано выше, прочим подвидам внешней модальности предложения (т.е. модальности императивной, модальности предположения и желательной модальности).

Как и в немецком литературном языке, для выражения императивной модальности в изучаемых говорах используются следующие временные формы глагола:

презенс: 1) /dy: blifst tys | zaj-^ɔt' di:/ du bleibst zu Hause; sage ich dir; футур I: 2) /dy: vo^ʰšt daut šmok mo:k^ɔ/ du wirst das schön machen⁷.

Ирреалис. Флективные формы ирреалиса в исследуемых диалектах отсутствуют, хотя в средненижнемецком языке они были. Интересно отметить, что некоторые нижнемецкие диалекты Германии имеют синтетические формы ирреалиса и в настоящее время; например, по свидетельству авторов «Нижнемецкой грамматики», в вестфальских говорах⁸, где сохранение этих форм можно объяснить наличием в индикативе прошедшего времени у сильных глаголов старой дифференциации единственного и множественного числа; при этом формы ирреалиса восходят к индикативу множественного числа⁹. Г. Г. Едиг, ссылаясь на данные предшественников, отмечает, что флективного ирреалиса не было и нет в исходных диалектах — в нижнемецких говорах Восточной Пруссии, равно как и в нижнемецких диалектах Украины¹⁰. Значения ирреалиса передаются кондиционалисом — аналитической глагольной формой и флективными формами глагола, омонимичными формам индикатива.

Кондиционалис. Относительно генезиса форм кондиционалиса в исследуемых диалектах можно сделать следующие краткие замечания. В нижнемецких диалектах представлены формы кондиционалиса I и кондиционалиса II. Однако частотность этих форм неодинакова. Кондиционалис II в речи носителей говора практически не встречается: Г. Г. Едиг в работе 1966 г. даже не упоминает эту форму, отмечая, что в говоре присутствует только кондиционалис I¹¹. Однако в монографии «Очерки по синтаксису нижнемецкого говора Алтайского края», вышедшей в 1969 г., Г. Г. Едиг приводит примеры на употребление этой глагольной формы:

3) /ät' mäin | d^ə-pa: vu:^əd daut uk niç j^ədo:n^ə ha:/ ich meine, der Papa würde das auch nicht getan haben; 4) /ät' jläiv | do:^a vu:^əd^ə däi niç j^əko:m^ə zän^ə/ ich glaube, da würden die nicht gekommen sein¹².

В нашем материале форма кондиционалиса II встретилаь один раз:

5) /daut voat va:ršaenliç aunfaŋs darts^ə joar^ə j^əve:z^ə zän^ə/ das würde wahrscheinlich Anfang der dreißiger gewesen sein (N 318).

Кроме того, Д. Гооге, анализируя строй глагола в нижненемецких говорах Киргизии, также фиксирует формы кондиционалиса II¹³. Представляется справедливым точка зрения Г.Г.Едига, что форма кондиционалиса II возникла под влиянием литературного языка, так как эта форма зафиксирована в речи наиболее начитанных носителей диалекта — представителей старшего поколения. Как уже отмечалось, в близкородственном нидерландском языке формы кондиционалиса образуются при помощи вспомогательного глагола *zullen* „sollen“, в английском языке этой цели служит глагол *will* „wollen“. Более того, в нижненемецких диалектах Германии в качестве грамматического синонима кондиционалиса обычны конструкции с глаголом *schölen/sölen* „sollen“, схожие с нидерландским кондиционалисом¹⁴. Формы с вспомогательным глаголом *werden* свойственны только немецкому литературному языку, поэтому логично предположить, что они сложились уже в ту эпоху, когда нижненемецкие диалекты попали под влияние немецкого языка, став частью его парадигмы.

В исследуемых диалектах кондиционалис используется, во-первых, для выражения нереальной возможности:

6) /dot vu:^ət bet^a om a:n što:^an^ə/ es würde besser um ihn stehen (WS 18); 7) /dan vu:^əd-^ət go:n^ə/ dann würde es gehen (N 280); 8) /van vi: haud^ə fleiçt mark^ə | dan vu:^əd-vi:.../ wenn wir vielleicht DM-Scheine hätten, dann würden wir... (N 309).

Во-вторых, кондиционалис используется в этих говорах также и для выражения нереального условия:

9) /ditjo:^a vu:^əd-^ət uk dit proble:m je:v^ə/ in diesem Jahr würde es auch dieses Problem geben (Дык); 10) /et' vel uk hi:^a što:^av^ə | van ze: mi niç vo:ar^ə jo:ag^ə/ ich will auch hier sterben, wenn sie mich nicht jagen würden (N 293).

В отличие от немецкого литературного языка, где формы кондиционалиса являются синонимами форм конъюнктива¹⁵, в исследуемых

двух диалектах отношения синонимии между этими формами установились не полностью: для выражения нереального желания в плоскости настоящего/будущего времени¹⁶ кондионалис не используется, носители диалекта прибегают, как будет показано ниже, к другим средствам выражения этого значения.

Формы индикатива, транспонированные в сферу ирреалиса.

Особый интерес представляют собой такие грамматические средства выражения модальных значений, как формы, омонимичные формам глагола в индикативе (в нашем случае это претерит модальных глаголов и глаголов /zän²/ sein /ha:/ haben, плюсквамперфект прочих глаголов, а также формы описательного спряжения с финитным глаголом /doun²/ tun в претерите, которые будут подробно рассмотрены ниже). В общетеоретическом плане важен вопрос, входят ли эти формы наряду с кондионалисом в парадигму ирреалиса или выражение значений ирреалиса следует рассматривать в качестве особой функции временных форм глагола в индикативе. Большинство германистов сходятся на том, что в данном случае мы имеем дело с грамматической омонимией. Так, И. А. Канакин рассматривает совпадение форм конъюнктива (претерит, плюсквамперфект) как совпадение исключительно субстантивное и приводит в доказательство своей точки зрения следующие доводы: во-первых, в функции ирреалиса из всех форм используется только плюсквамперфект и претерит; во-вторых, эти формы, в отличие от форм индикатива, не являются временными¹⁷. И. Б. Хлебникова, исследуя сходные проблемы на материале английского языка, приходит к выводу о наличии в современном английском языке форм ирреалиса, омонимичных формам индикатива¹⁸. Б. А. Ильиш в своей грамматике английского языка, рассматривая формы типа knew, had known (If he knew/had known this, he would come/have come), признает эти формы формами прошедшего времени индикатива, поскольку значение ирреалиса не дано в этих формах как таковых, но выясняется лишь из контекста¹⁹. Точка зрения Б. А. Ильиша представляется наиболее продуктивной и применительно к ситуации, сложившейся в исследуемых диалектах. Ведущую роль действительно играют не формы глагола сами по себе, а контекст. «Смещение» временных форм следует рассматривать лишь как дополнительное средство поддержки контекстуальных значений.

Особое место занимает в исследуемых диалектах плюсквамперфект. По свидетельству Л. И. Москалюк, плюсквамперфект практически не используется в нижненемецких диалектах Российской Федерации в примарном (временном) значении, специализируясь на маркировании ирреальности²⁰. Этот процесс имеет параллели в развитии функций футура II в немецком литературном языке. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что футуру II модальные значения не были чужды с самого начала²¹, чего нельзя сказать о плюсквамперфекте. Приведенное выше замечание можно интерпретировать следующим образом: в настоящее время в исследуемых говорах формируется новая грамматикализованная форма для выражения значений ирреалиса, омонимичная плюсквамперфекту, что, впрочем, не дает нам права выводить эту глагольную форму из парадигмы индикатива и рассматривать ее, наряду с формами кондиционалиса, как полноценный член парадигмы ирреалиса. Кроме того, необходимо детальное изучение функций плюсквамперфекта в данных диалектах: краткого указания на тенденцию к утрате этой формой временного значения явно недостаточно. Отметим также, что в нижненемецких диалектах Германии плюсквамперфект временного значения не утрачивает²².

Рассматривая тенденции развития функций плюсквамперфекта в нижненемецких диалектах нашей страны, нельзя не отметить тот факт, что в настоящее время проявляется тенденция к замене форм простого прошедшего (претерита) формами перфекта²³. В то же время претерит обычен в функции ирреалиса: в этой функции замена претерита перфектом невозможна. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что со временем «претеритальные» формы (претерит и плюсквамперфект) будут специализироваться на выражении собственно модальных значений, тогда как выражение временных значений перейдет к «презентным» формам: презенту и перфекту. В результате этих изменений будет восстановлено утраченное равновесие системы: двум временным формам индикатива будут соответствовать две временные формы ирреалиса. Однако установление такого рода отношений — дело будущего.

Синкретичные временные формы глагола в индикативе задействованы в функциональном поле модальности в исследуемых диалектах для выражения следующих значений.

Во-первых, для выражения нереального желания, соотносимого с планом настоящего, используется претерит глаголов /zän^ə/ sein и /ha:b^ə/ haben, которые не имеют форм описательного спряжения:

11) /van ons pa: mol va:d^a tys ve:^a/ wenn unser Vater mal wieder zu Hause wäre (Dyck); 12) /van et' blöus ti:t haud/ wenn ich bloß Zeit hätte (Klaasen).

Претерит глаголов /zän^ə/ sein и /ha:b^ə/ haben используется, кроме того, для выражения нереальной возможности, соотносимой с планом настоящего и будущего времени, например:

13) /zve:a daut niç nox äma me:jliç?/ wäre das nicht noch immer möglich? (Klaasen).

Эти же формы используются для выражения нереального условия:

14) /vi: däid^ə daut mo:k^ə | van vi: jält haud^ə/ wir täten das machen, wenn wir Geld hätten (Klaasen).

Во-вторых, для выражения нереального желания, относящегося к плоскости прошедшего времени, используется плюсквамперфект:

15) /van moa d^ə-mut^ə niç j^əštorv^ə ve:a/ wenn nur die Mutter nicht gestorben wäre (N 280); 16) /van däi mi: dox j^əholp^ə haud/ wenn der mir doch geholfen hätte (N 318).

Плюсквамперфект используется также и для выражения возможности, относящейся к плоскости прошедшего времени:

17) /et' haud uk j^əšme:k't/ ich hätte auch geraucht; 18) /dan vi:^ə dot on^ašt j^əkum^ə/ dann wäre es anders gekommen (WS 18); 19) /ihost du: a:m j^ət'a:nt!/ hättest du ihn gekannt! (WS 17).

Эта же временная форма используется для выражения нереального условия, соотносимого с планом прошедшего времени:

20) /van d^ə-fo:d^a mi: j^əzäin^ə haud | dan haud-^ət j^əje:ft/ wenn der Vater mich gesehen hätte, dann hätte es gegeben.

Формы перифрастического спряжения. Формы так называемого описательного, или перифрастического, спряжения характерны для всех диалектов немецкого языка. Это описательные формы презенса с финитным глаголом tun (в исследуемых диалектах doun^ə/dö:n^ə), а в тех диалектах, которые сохранили претерит, имеются и соответствующие описательные формы прошедшего. При возникновении этой формы определенную роль сыграло использование глагола tun с абстрактным значением действия как такового в ка-

честве универсального заменителя прочих глаголов. (Напомним, что с аналогичным явлением мы сталкиваемся в английском языке, где глагол *to do* используется в качестве вспомогательного глагола в вопросительных и отрицательных предложениях при образовании временных форм Present Simple и Past Simple.) Особенностью этих конструкций является то, что, во-первых, глаголы, заимствованные из русского языка, спрягаются в данных говорах только перифрастически²⁴ и, во-вторых, не встречаются описательные формы от глаголов /ha:b^ð/ *haben* и /zän^ð/ *sein*. Что же касается статуса форм описательного спряжения, то представляется возможным рассматривать их как «морфологизованные» словосочетания²⁵, не входящие, однако, в структуру парадигмы, поскольку они не обладают такими признаками, как предсказуемость и обобщенность дифференциальных признаков плана содержания.

Формы перифрастического спряжения функционируют в поле модальности исследуемых диалектов следующим образом.

Во-первых, эти формы используются для выражения нереального желания в плоскости настоящего и будущего времени:

21) /van däi mo^a ha:nfaul^ð de:d/ wenn er nun hinfiel; 22) /van du: mol va:çfo:r^ð däidst/ wenn du mal wegfahren würdest.

Во-вторых, эти формы используются для выражения нереальной возможности, соотносимой также с планом настоящего/будущего времени:

23) /et' däid uk mol ji:r^an fle:j^ð/ ich täte auch mal gerne fliegen.

В-третьих, формы перифрастического спряжения используются для выражения нереальной возможности в настоящем и будущем времени:

24) /vi: däid^ð daut mo:k^ð | van vi: i:z^a haud^ð/ wir täten das machen, wenn wir Eisen hätten.

Таким образом, к парадигме ирреалиса в нижненемецких диалектах относятся только формы кондиционалиса. Названные выше глагольные формы, рассматриваемые некоторыми исследователями в качестве омонимичных индикативу форм ирреалиса, являются формами индикатива, получающими в контексте модальные значения, т.е. мы сталкиваемся с синкретизмом форм индикатива. Такого рода синкретизм глагольных форм индикатива не представляет собой явления, характеризующего исключительно рассматриваемые

диалекты: помимо английского языка и языка африкаанс, сходные процессы отмечаются в датском и норвежском (риксмол) языках²⁶.

Формы будущего времени. Футур I утрачивает, как и в литературном языке, в значительной мере собственно временное значение и транспонируется в сферу выражения модальных отношений, где он получает значение предположения, например:

25) /d^ə-t^{li:n}^a vo:^ad aul šlo:p^ə/ der Kleine wird schon schlafen (Dyck, Nacherzählung).

Формы футура II, как отмечалось, в нижненемецких говорах нашей страны практически не встречаются. Более того, в цитированной выше диссертации Л. И. Москалюк они не упоминаются совсем. Г. Г. Едиг, рассматривая функции футура II, указывает, что эта форма используется для выражения предположения в плане прошедшего времени и приводит следующий пример:

26) /d^ə-d^ə^{1ə}γatsj^ə vo:ad aul j^əko:m^ə zän^ə/ die Delegation wird schon gekommen sein²⁷.

Об использовании футура I для выражения императивной модальности говорилось выше.

Выводы. Представляется возможным сделать следующие выводы. Прежде всего, глагольные формы используются в нижненемецких говорах Российской Федерации только для передачи различных оттенков внешней модальности. Значение императивной модальности передается при помощи императива, а также форм презенса и футура I. Модальность предположения выражается посредством футура I, а также футура II, наличие которого в говорах вызывает в настоящее время сомнения. Модальность нереального желания в соотнесенности с планом настоящего/будущего времени выражается формами описательного спряжения и претерита глаголов /zän^ə/ sein и /ha:b^ə/ haben, в соотнесенности с планом прошедшего — формами плюсквамперфекта. Средствами для выражения нереальной возможности служат в настоящем и будущем времени формы перифрастического спряжения, претерит глаголов /zän^ə/ sein и /ha:b^ə/ haben и кондиционалис I, в прошедшем — плюсквамперфект и практически не употребляемый кондиционалис II. Модальность нереального условия передается в настоящем и будущем времени теми же формами, что и модальность нереальной возможности: формы описательного спряжения, претерит глаголов /zän^ə/ sein и /ha:b^ə/ ha-

ben, кондиционалис I, тогда как в прошедшем времени кондиционалис II в этом значении не зафиксирован: используется только плюсквамперфект. Касательно линий расхождения с нижненемецкими диалектами Германии можно сказать следующее. Нижненемецкие диалекты Германии, за исключением вестфальского, не располагают синтетическими формами ирреалиса. Формы описательного спряжения с /do:n^ə/ tun передают только возможность:

27) He sä, he dä mi anropen, wenn de Saak kloor is Er sagt, er kann mich anrufen, wenn die Sache klar ist.

О грамматикализации кондиционалиса говорить нельзя. Основным средством выражения значений ирреалиса является транспозиция временных форм индикатива — претерита и плюсквамперфекта.

Примечания

¹ *Sinder L., Sokolskaja T. Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 54. Halle (Saale), 1930. S. 334–355.*

² Островными диалектами много занимался В. М. Жирмунский (подробнее см.: *Berend N., Jedig H. Deutsche Mundarten in der Sowjetunion: Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg, 1991. S. 113–146*; в этом же труде дан обзор работ, выполненных коллегами Льва Рафаиловича по университету в довоенное время). Однако исследования велись не только германистами: напомним, что в эти годы В. Ф. Шишмарев изучает южноитальянские диалекты Крыма, см.: *Шишмарев В. Ф. Один из южноитальянских говоров в Крыму // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. Филол. науки. № 58, вып. 5. Л., 1941*; см. также: *Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России. Л., 1975.*

³ Под его руководством были выполнены две кандидатские диссертации, посвященные вопросам островной диалектологии: В. П. Донгаузера (см.: *Донгаузер В. П. Развитие звукового строя говора в условиях иноязычного окружения (на материале франкского говора жителей немецкой национальности города Березовский Свердловской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980*) и Н. М. Гриневой (см.: *Гринева Н. М. Морфология имени существительного и глагола в нижненемецком говоре села Кусак Алтайского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.*

⁴ Мы имеем в виду докторскую диссертацию Г. Я. Панкраца (см.: *Панкрац Г. Я. Нижненемецкий диалект в СССР: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1968*), кандидатские диссертации Н. Н. Берникова (см.: *Берников Н. Н. Изменения в словарном составе немцев Поволжья под влиянием Великой Социалистической революции: тез. канд. дис. Л., 1939*) и В. А. Дятловой (см.:

Дятлова В. А. Тенденция развития морфологического строя контактирующих верхненемецких диалектов в условиях иноязычного окружения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989).

⁵ Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972. С. 91.

⁶ Бондарко А. В. К истолкованию семантики модальности // Язык, литература, эпос. К 100-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 2001. С. 35.

⁷ Примеры заимствованы из работы Г. Г. Едига: *Едиг Г. Г.* Очерки по синтаксису Нижненемецкого говора Алтайского края. Б. м., 1969. С. 47.

⁸ Lindow W., Möhn D., Niebaum H. u. a. *Niederdeutsche Grammatik*. S. 69.

⁹ Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. С. 501.

¹⁰ Jedig H. *Laut- und Formenbestand...* Marburg, 1966. S. 82.

¹¹ Ebenda. S. 106.

¹² Едиг Г. Г. Очерки по синтаксису Нижненемецкого говора Алтайского края. Б. м., 1969. С. 37.

¹³ См. обзорную работу Г. Г. Едига и Н. Г. Беренд: *Berend N., Jedig H.* *Deutsche Mundarten in der Sowjetunion*. S. 241.

¹⁴ Lindow W., Möhn D., Niebaum H. u. a. *Op. cit.* S. 106.

¹⁵ Эйхбаум Г. Н. Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб., 1996. С. 134.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ Канакин И. А. Краткий очерк... С. 17-18.

¹⁸ Хлебникова И. Б. Категория времени в микросистемах английского глагола // Иностранные языки в школе. 1991. № 4. С. 107-108.

¹⁹ Ильиш Б. А. Современный английский язык: Теоретический курс: 2-е изд., испр. и доп. М., 1948. С. 185-186.

²⁰ Москалюк Л. И. Немецкие диалекты на Алтае: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2002. С. 189.

²¹ Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая морфология... С. 226.

²² Lindow W., Möhn D., Niebaum H. u. a. *Op. cit.* S. 66, 96-99.

²³ Подобные процессы протекают и в нижненемецких говорах Таджикистана; см. замечания по этому поводу в работе: *Смирницкая С. В., Баротов М. А.* Немецкие говоры Северного Таджикистана. СПб., 1997. С. 82.

²⁴ См.: Москалюк Л. И. Указ. соч. С. 179.

²⁵ При решении вопросов, связанных со статусом этих конструкций, использовались критерии выделения аналитических глагольных форм, выдвинутые в работе М. М. Гухман: *Гухман М. М.* Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 144-147.

²⁶ Ермолаева Л. С. Очерки... С. 96-99.

²⁷ Едиг Г. Г. Очерки по синтаксису Нижненемецкого говора Алтайского края. Б. м., 1969. С. 38.

Развитие и употребление сокращений в современном немецком языке

Сокращения в современной германистике являются предметом изучения словообразования и лексикологии, причем в рамках первого направления рассматривается структурное своеобразие сокращенных слов, в рамках второго — их номинативный и лексический потенциал, свойственные им парадигматические отношения, мотивационный аспект, причины их возникновения, коммуникативная ценность. Интерес к сокращенным словам возникает в отечественной и немецкой германистике в 1960–1970 гг. XX в. и относится к сфере скорее формальных, чем лексических особенностей этих своеобразных языковых знаков (Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева, М. Д. Степанова, G. Bellmann, L. Mackensen, Th. Schippan, W. Vieregge)¹. В работе Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой «Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка» указывается: «Сложносокращенные слова тоже имеют разнообразный характер. Они могут образовываться из названий начальных букв тех слов, из которых состоит словосочетание (KPD—Kommunistische Partei Deutschlands, SED—Sozialistische Einheitspartei Deutschlands), они могут складываться из первых звуков компонентов, образующих сложное слово (PAK — Panzerabwehrkanone), или же из его усеченных компонентов (например, Sipo — Sicherheitspolizei)». Таким образом, рассматривается один тип лексических сокращений, получивший в дальнейшем название «инициальное сокращение» — Initialabkürzung, или Initialkurzwort. На время написания пособия в немецком языке появлялись и употреблялись преимущественно подобные лексические сокращения.

В последующие десятилетия ситуация меняется: в немецком языке возникают другие структурные модели сокращений, употребление которых принимает массовый характер: “Notwendig und modisch, erwachsen Abkürzungen sprachökonomischen, fach- und wirkssprachlichen Motivationen, haben salopp-umgangssprachlichen, mathematisch-computerhaften, scherzhaften, ironischen Touch — vor allem aber epidemischen Charakter”². Тенденция к употреблению лек-

сических сокращений наблюдается во многих европейских языках, а увеличение количества сложносокращенных слов в словарном составе называется «ярчайшей тенденцией внутреннего развития различных языков»³.

Исследователи рассматривают образование сокращений как некий особый тип словообразования, *Sonderform*⁴, как инновационную модель словообразования, весьма успешно развивающуюся в немецком языке. Х. Гюнтер предлагает определить сокращение как четвертый тип словообразования в немецком языке наряду с деривацией, словосложением и конверсией⁵. Особенность этой модели словообразования проявляется также в том, что: 1) сложносокращенные слова и аббревиатуры состоят не из морфем, а из их остаточных элементов, и для того, чтобы описать их структуру, необходимо перейти на уровень фонем, 2) функцию словообразовательного формата выполняют здесь разного рода изъятия из состава производящей основы. В результате аббревиации появляются вариативные деривационные единицы, близкие по своей сути к производным, но не содержащие словообразовательных элементов. В этом особом типе словообразования производящая основа не видна прямо в деривате, но содержится в нем материально, благодаря чему для сознания говорящих остается ясной связь сокращенной и исходной форм. Такое толкование подтверждает статус сокращений как особого словообразовательного типа и позволяет определять сокращения как лексемы, а не как искусственные образования без признаков слова.

Первой предпосылкой для возникновения сокращений является «размягчение» структуры относительно стабильного оригинала, поэтому именно композиты, многокомпонентные словосочетания с предложными, согласованными, генетивными определениями, многосложные слова с включением иноязычных элементов часто являются исходными формами для сокращений. Достаточно редко сокращению подвергаются корневые слова.

Появление сокращенного варианта у исходной формы может быть объяснено следующими обстоятельствами:

1) Принадлежность исходной формы к тематической группе объектов с высокой общественной или групповой значимостью, часто упоминаемых в текстах СМИ (государственные, част-

ные, общественные и финансовые учреждения и т.п.). Особо следует отметить названия политических партий немецкоязычных стран, употребляемых преимущественно в сокращенной форме: CDU — Christlich-Demokratische Union, CSU — Christlich-Soziale Union, SPD — Sozialdemokratische Partei Deutschlands, FDP — Freie Demokratische Partei, SPÖ — Sozialistische Partei Österreichs, ÖVP — Österreichische Volkspartei.

2) Словообразовательные причины или стремление к компактности как ответная реакция на словосложение, результатом которого являются композиты из двух или большего количества составляющих. Сокращения появляются как противовес к ним: «Die gesunde Kraft der Sprache aber hat diese Gefahr andauernden Längewachstums der Wörter durch eine wirksame Gegenbewegung zu bannen gewusst»⁶. Например, die Trapez/gewinde/schleif/maschine сокращается до TM, TGS-Maschine, Musikwissenschaft до Muwi.

3) Все возрастающее количество заимствованных сокращений и сократительных моделей, что свидетельствует об открытости системы немецкого словообразования: MBA — Executive Master of Business Administration.

4) Еще одним аргументом в пользу образования новых сокращений является их важная терминологическая функция. Сложносокращенные термины переходят из профессиональных языков и в устную речь; при учете той роли, которую играют технические инновации в повседневной жизни, этот переход естественен: SMS — Short Messaging Service, MMS — Multimedia Messaging Service, ABS — Antiblockierungs-system.

5) Удобство запоминания, свойственное лексическим сокращениям. Этот пункт затрагивает как немецкие лексические сокращения (Kita — Kindertagesstätte), так и сокращения, прототипы которых имеют латинские и греческие корни: MRT — Magnetoresonanztomographie.

6) Словообразовательные возможности аббревиатур. Эти знаки проявляют большую синтагматическую мобильность, чем их оригиналы: ср. Antrag auf Unterstützung nach dem Bundesausbildungsförderungsgesetz и Bafög-Antrag.

При образовании сокращений выбор из полной формы фонем, участвующих в составе сокращений, происходит не произвольно,

но по определенной схеме, при этом некоторые лингвисты считают, что нельзя исключать и оптимизацию звучания потенциального сокращения как направляющую для такого выбора⁷. Как правило, в состав сокращения входят начальные фонемы соответствующих морфем полной формы. Последовательность фонем, обеспечивающая произношение сокращенной единицы, непосредственно маркирует также разницу между **графической аббревиатурой и лексическим сокращением**: графические аббревиатуры — отдельные буквы или последовательность букв, замещающая слово; сокращениями называют краткую форму многосложных слов и искусственные слова, созданные из отдельных букв или слогов многосложного слова или словосочетания и употребляемые как новое, самостоятельное слово. Разница двух основных типов является принципиальной: графические аббревиатуры не являются словообразовательной моделью, не обладают статусом слова и не представляют собой лексемы, они являются употребляемыми лишь письменно формулами, не обладающими грамматическими категориями рода, числа и падежа: V.i.S.d.P. < verantwortlich im Sinne des Pressegesetzes.

Несмотря на то, что различие двух основных типов сокращений очевидно, в немецком языке до сих пор не выработана единая терминология для обозначения разных моделей сокращенных слов, отмечается стихийное распределение имеющихся в распоряжении терминов по разновидностям соответствующего языкового материала. Для сокращений существуют следующие термины: Abkürzung, Akronym, Buchstabenwort, Endwort, Fragmentierung, Gerüststruktur, Initialwort, Inselwort, Isolierung, Klammerwort, Klappform (Clipping), Klappwort, Kopfwort, Kunstwort, Kurzwort (multisegmental, unisegmental), Mosaikwort, Rumpfwort, Sigle, Silbenwort, Schwanzfragmentierung, Schwanzwort, Stummelwort, Wortkurzwort. Для лингвиста, занимающегося изучением сокращенных слов, главную проблему представляет именно различие терминологии, причем эта проблема заключается не в обилии терминов, а в том, что: 1) для одного и того же явления у разных авторов существуют свои дефиниции, 2) за одним и тем же термином могут скрываться разные структурные модели, 3) употребление некоторых терминов для сокращений является неясным (например, Sigle).

Ю.Ремер объясняет непоследовательность в разграничении графических и лексических сокращений отсутствием четкой линии между письменной и устной речью в качестве источников возникновения двух соответствующих типов сокращенных слов⁸. Неопределенность статуса сложносокращенных слов приводит к существованию многочисленных классификаций, предлагающих варианты разделения графических аббревиатур и лексических сокращений (например W. Hofrichter (1983), W. Vieregge (1983), D. Kolber-Trill (2002))⁹.

Возникновение новых типов сокращений и очевидное расхождение в их трактовке у многих авторов, порождающее в свою очередь терминологическое разночтение и недостаток однозначных дефиниций для конкретных структурных типов, ставит вопрос о создании унифицированной классификации. Между тем, каждое сокращение обладает характерными структурными и фонетическими признаками, на основе которых их можно четко классифицировать:

1. Доминирующим типом является уже указанный тип **инициального сокращения** (BAQ — **B**undes**a**nstalt für **Q**ualitäts**f**orschung), в рамках которого в современном немецком языке появилась своеобразная модификация — так называемые «говорящие акронимы»; данную модель немецкий язык заимствовал из английского. Акронимы нового типа выглядят и произносятся как обыкновенные слова немецкого языка, семантика которых, однако, не имеет прямого отношения к исходной форме. Способ создания таких акронимов является искусственным, так как их исходные формы составляются специально таким образом, чтобы инициалы, входящие в аббревиатуру, в итоге давали «нормальное» слово немецкого языка. У данных акронимов словарная игра заключается в том, что они выявляют омонимию сокращенной формы и полнозначной лексемы, в некоторых случаях имени собственного (вариант персонифицированной метафоры):

aula — *Zeitschrift für Arbeitsmittel*, Unterrichts**h**ilfen, Lehr**m**ittel, Ausstattung**e**n, GEORG — **G**emeinschafts**o**rganisation Ruhr**k**ohle GmbH, LUST — Liste **u**nabhängiger **S**tudenten, MOPS — **m**aschinenorientierte **P**rogrammiersprache, OBST — **O**sna**b**rücker **B**eiträge zur Sprach**t**heorie, OLAF — **O**n-**L**ine **A**usleihverbuchung**s**ystem Freiburg,

ZEUS — Zentralblatt für Erziehungswissenschaft und Schule, ANITA — Analyse des Auftragsbestandes und Integration der Auftragsbearbeitung. Особенно распространенной является омонимия с женским именем собственным: ARIANE — Arbeitsgemeinschaft der Regeltechnik-Ingenieure in angewandten Netzwerken der Elektroindustrie, Erna — elektronische rechnergesteuerte Nachrichtenvermittlungsanlage, ISOLDE — Innerstädtischer Service mit optimierten logischen Dienstleistungen für den Einzelhandel, SUSI — Selbstorganisierte Unabhängige Siedlungsinitiative.

По мнению Г. Фойгта, название выбирается таким образом, чтобы позволить акрониму приобрести значение другого слова, и это можно объяснить логикой развития аббревиатур от простых сокращений к самостоятельным словам¹⁰. У данных «говорящих» аббревиатур исчезает первоначальная мотивация лексем, с которыми они состоят в омонимичных отношениях, но появляется вторичная мотивация, нацеленная именно на связанность с определенным значением. При создании подобных акронимов переплетаются прагматика, растущая тенденция к лексикализации аббревиатур, желание избежать громоздких названий, а также вызвать у реципиента определенные, как правило, приятные ассоциации. Интересно также, что такая модель «говорящих» сокращений очень древняя. Стоит только вспомнить о символе ранних христиан — рыбе, по-гречески Ιχθύς — аббревиатуре выражения Jesus Christós Theū Yiós Sotēr.

В связи с увеличением числа акронимов такого типа А. Штайнхауэр говорит о переломе в тенденции образования сокращенных слов: если раньше на интеграцию сокращений, омонимичных стандартным лексемам, смотрели как на «засорение» немецкого языка, то сейчас такая модель сокращения является достаточно продуктивной¹¹.

2. **Слоговые сокращения** состоят из сочетаний начальных частей слов, из начальных частей компонентов сложного слова или словосочетания и тоже являются подтипом лексических сокращений: debitel — **D**eutsches **B**innentelephon, Kripo — **K**riminal**p**olizei, Mofa — **M**otor**f**ahrrad, Sofie — **S**onnen**f**insternis (Sofie-Fans), Vokuhila-Frisur (**V**orne-**k**urz-**h**inten-**l**ang-Frisur), WaWi — **W**asser/**w**irtschaft, WeWa — **W**etter/**w**arte.

3. Бессуффиксальные усечения. Данный тип сокращений, называемых также контрактурами, распространен в разговорной речи и распадается на три подтипа:

1) Апокопы, или усечения конечной части слова (Kopfformen): das Abi — Abitur, das Abo — Abonement, der Soli — der Solidaritätszuschlag, der ‚Perso — Perso’nalausweis, редко усекаются прилагательные: hundertpro — hundertprozentig.

2) Афрезисы, или усечения начальной части (Schwanzformen). Таких усечений значительно меньше, чем апокоп: der Omnibus — der Bus, die Antibabypille — die Pille, das Fahrrad — das Rad, das Violoncello — das Cello. Отличие афрезисов от апокоп в семантическом плане заключается в возможном изменении значения, возникающем у усечений начальной части. Иными словами, усечение начальной части слова является способом возникновения семантических инноваций, сохраняющих семантическую связь с исходным значением производящих основ. Именно семантическая связь мотивирует данную инновацию. Так, лексема Gehirn может иметь значение не только «человеческий мозг», но и значение «электронный мозг» как усечение от Elektronengehirn. Таким путем возникают, например, научно-технические термины: Strasse от Taktstrasse (устройство обратной связи при автоматическом производстве), Bank от Wissensbank (банк данных), Sonde от Raumsonde (космический зонд), Autobahn от Datenautobahn (глобальная компьютерная сеть с возможностью обмена большого объема данных, «трафик»). Основная часть данных инноваций образована на основе метафорического переноса наименования от исходного значения слова, и легко актуализируется в соответствующем контексте благодаря синтагматическому окружению.

3) Сложносокращенные слова из трех компонентов с усеченной средней частью или Klammerformen, в терминологии Г. Бельмана — «reduzierte Trikomposita»¹². Термин «Klammerform» принадлежит Е. Оксу¹³. Этот термин объясняется тем, что после вызванного причинами языковой экономии усечения центральной части сложного слова, две оставшиеся образуют некую рамку, скобку — Klammer: **Kraftwagenfahrer** — Krafftfahrer, **Kanarienvogelfutter** — Kanarienfutter, die **Kokosnussbutter** — die Kokosbutter, das **Mobilfunknetz** — das Mobilnetz. У некоторых слов может выпадать аффикс: -be- в

Leichen[be]schau, -ung- в Wohn[ungs]bau, Heil (ungs)prozess, а в редких случаях — союз und: Haus- und Hofmeister > Haushofmeister. По мнению Е. Доналис, вследствие усечения центральной части композита возникают достаточно «нелепые» по содержанию медиальные сокращения — Bierglasdeckel < **Bierdeckel**, для понимания которых недостает как раз еще одного компонента: Deckel für Bier(gläser)¹⁴. Однако особенность немецких сложных слов состоит в том, что они допускают понимание без дополнительного уточнения: Fischfrau может обозначать то же самое, что и Fisch(verkaufs)frau, Rotbuche — то же самое, что и Rot(laub)buche, и процесс усечения в таких случаях не является фактором, «затемняющим» значение.

4) В немецком языке в последние годы появляется абсолютно новый тип медиальных усечений по типу английского усечения flu < influenza. Примером может служить усечение Fon от Telefonnummer (Fon / Fax). Д. Коблер-Триль¹⁵ своеобразно называет этот тип слов Rumpfwort (слово-остов) и отмечает, что этот тип включает и имена собственные: Basti < Sebastian.

4. **Усечения с конечными гласными -o, -i.** Статус конечных гласных -i, -o не всегда был определен окончательно. В 1970-е годы в лингвистической литературе существовало мнение, что данные конечные гласные существуют на стыке фонетики и морфологии¹⁶ и не представляют собой четких морфологических элементов. Указанные конечные гласные просто не воспринимались как суффиксы, что находило отражение в соответствующих дефинициях: “unorganische -i und -o”¹⁷. Постепенно происходит отождествление этих гласных с суффиксами, что приводит к своеобразной «грамматикализации случайности». В современных работах конечные гласные -o, -i уже обозначаются как суффиксы: «экспрессивно уменьшительный, уничижительный суффикс -i»¹⁸, «... новая модель с суффиксом -i»¹⁹, «укороченные базисные морфемы с суффиксами -i/-o»²⁰, «Suffigierung von -i ist eine produktive Wortbildungsregel»²¹. Статус гласных -i /-o как суффиксов утверждает Альбрехт Гройле в своих статьях «Abi», “Krimi”, “Sponti”.. и «Altes und Neues zu den i-Wörtern»²². Отмечается и наличие определенных коннотаций у суффиксальных усечений: суффикс -o придает слову отрицательные коннотации (Fascho < Faschist), суффикс -i придает им ласкательно-уменьшительное или пренебрежительное значение, благодаря чему в 1990-х

годах подобные усечения были неотъемлемой частью молодежно-го жаргона²³: das Mädi — das Mädchen, die Öffis — öffentliche Verkehrsmittel, der Realo — der Realist, der Rolli — Rollkragenpullover, das Voki — das Vokabular.

Оригинальную трактовку, исходя из теории оптимизации, дает данным усечениям М. Нееф²⁴. Исходя из анализа слов на -i, он трактует процесс возникновения таких усечений как результат особого «дизайна идеального слова» с целью достижения его благозвучности. М. Нееф приходит к выводу, что, как бы парадоксально это ни казалось, но усечение морфологически «правильно» оформленного немецкого слова (имеется в виду наличие флексий, возможно аффиксов) есть стремление к гармоничной его просодике. В результате такого усечения появляются прототипичные немецкие существительные, состоящие из двух слогов: Klopri от bekloppt. Интересная деталь суффиксальных усечений, отмеченная М. Неефом (с. 287), заключается в семантическом наполнении данных лексем. С точки зрения семантики и логики усеченное слово не может заключать в себе всю палитру значений, присущих исходной форме, так как оно неполно или более того составлено из частей (слоговая аббревиатура) или графем (инициальная аббревиатура). Традиционно усекается исход существительного, носитель многих функциональных значений — значения деятеля, маркера принадлежности рода и т. д. Тем не менее суффиксальные усечения имеют значение, отмеченное четкими коннотациями. Следовательно, значение, часто модифицированное, закрепляется за двумя слогами усечения, и таким образом возникает новая форма. Таким образом, нарушение морфологического облика слова посредством элиминации флексий не обязательно ведет к утрате его грамматических категорий, поэтому наличие статуса слова у измененных путем сокращения лексем не является удивительным.

Более подробно Каролине Фери рассматривает суффиксальное усечение как процесс просодической суффиксации²⁵. В своей работе она задается вопросом, почему i-образования являются всегда двусложными. К. Фери объясняет это тем обстоятельством, что определенное место в немецкой фонологии занимает хорей как идеальная стопа для немецкого языка. Хорей является размером, согласно которому происходят многие словообразовательные про-

цессы в немецком языке, в частности и подобные суффиксальные усечения (за ударным слогом следует второй с безударным гласным -i). Суффиксация происходит параллельно с процессом усечения, иначе бы в немецком существовали самостоятельно употребляемые лексемы *Mäd — Mädchen, *Real — Realist. Этот процесс можно назвать особым способом словопроизводства, так как при обычной морфологической деривации производящая основа не подвергается сокращению.

С помощью данной сократительной модели именуются не только лица: Anarchi/Anarcho — Anarchist, Klemmi — verklemmte Person, но и предметы: Bibi — Bibliothek, `Zigi — die Ziga`rette, торговые марки: Nussini — ореховое печенье, Schokini — шоколадное печенье, Spüli — жидкость для мытья посуды, Kerni — хрустящие хлебцы, Parmesali > Parmesansalami — салями с пармезаном и т. д. Суффикс -i продуктивен не только в нормативном немецком языке, но и в других национальных вариантах немецкого языка, например, в швейцарском: «Среди суффиксов для образования существительных суффикс -i один из самых важных»²⁶. И в швейцарском варианте немецкого языка этот суффикс ответствен за образование уменьшительно-ласкательных имен (Röbi, Anni) и обозначений агенс с уничижительным значением: Sudli (халтурщик), Stöferi (бродяга). В последнее время в словарях регистрируется появление и усеченных прилагательных с суффиксом -i: unsponti, multikulti (multikulturell, viele Kulturen umfassend)²⁷. Несомненно, что в современном немецком языке неуклонно растет количество данных сокращений под влиянием аналогии.

5. Частично-сокращенные слова, в которых сокращению до начальной графемы подвергается только определительный компонент сложного слова, приносимый как инициальная буква, а определяемый компонент остается незатронутым. Особенность этого подтипа состоит в том, что сокращенные элементы не выступают самостоятельно. Эта модель достаточно продуктивна: A-Saft (Apfelsaft), O-Ton (Originalton), UV-Strahlen (Ultraviolettstrahlen), V-Bad (Vollbad). В последние годы из английского языка немецкий заимствует частично-сокращенные слова с первым компонентом electronic (elektronisch): das E-Banking (осуществление банковских расчетов с помощью интернета), das E-Business (осуществление тор-

говых сделок через интернет), das E-Cash (виртуальные деньги для оплаты в интернете), das/der E-Commerce (сбыт товаров через интернет).

6. **Смешанные формы** (Kombinationsformen). Сложносокращенные слова данного нерегулярного типа состоят как из выборочных частей слов, словосочетаний, компонентов сложных слов, так и начальных букв слов. Этот тип представлен как графическими, так и лексическими сокращениями. Именно наличие в составе данных аббревиатур отдельных начальных графем слов отличает их от слоговых сокращений: AbfBattV — **Abfall/batterie/verordnung**. Лексические комбинированные сокращения легко запоминаются благодаря своей оригинальной форме: Afög — **Ausbildungsförderungsreformgesetz**, Nadis — **Nachrichtendienstliches Informationssystem**, Schufa — **Schutzgemeinschaft für allgemeine Kreditsicherung**.

7. Новый своеобразный тип сокращений современного немецкого языка не может употребляться самостоятельно: эти усечения, выступающие только в качестве компонентов сложных слов, лингвисты называют «Bruchwörter», «Teilwörter»: Hori- (horizontaler): Horibohrer — горизонтальная дрель, Deko- (Dekoration): Dekostoff — декоративный материал, Elt- (Elektrizität): Eltwerk — электростанция, Mayo- (Mayonnaise): Mayosalat — картофельный салат с майонезом, Invest- (Investition): Investprojekt — инвестиционный проект. «Несамостоятельность» указанных сокращений проявляется в их зависимости от определенной словообразовательной модели немецких сложных слов, частью которых они обычно являются. Такие сокращения по статусу близки к синсемантическим словам и связанным формам (в трактовке Л. Блумфилда): **Bioladen**, **Euromarkt**, **Politarbeit**. Некоторые «слова-осколки» могут преодолеть свою «несамостоятельность» и лексикализироваться, как это произошло с сокращением der Euro.

Многообразие подтипов лексических сокращений объединено одним принципом — возможностью их устного полного произнесения. Данное обстоятельство позволяет говорить о лексическом сокращении как о словообразовательной модели.

В последние десятилетия значительно расширились словообразовательные возможности аббревиатур и сокращений. Если раньше в отечественной германистике считалось, что сложные слова

образуются из аббревиатур редко²⁸, а сама возможность участия в процессах словосложения признавалась только за аббревиатурами, имеющими раздельноформленную исходную форму²⁹, то в немецком языке новейшего периода в словосложении участвуют и усечения: **Promi**-Zelt — палатка для знаменитостей, устанавливаемая на время какого-либо мероприятия (Prominente — знаменитости), **Polit**-Klima (от politisch, политический климат), **Alk**-Kontrolle (от Alkohol, контроль содержания алкоголя в крови), **Immo**-Aktien (от Immobilien, акции недвижимости) **Italo**-Designer (от italienisch, итальянский дизайнер); **Erfolgsduo** (от Duett, успешный дуэт). Аббревиатуры могут соединяться не только с существительными, но и с прилагательными, хотя значительно реже: SPD-nah. По мнению М. Шредер, именно словосложение является тем способом словообразования, в котором аббревиатуры могут участвовать беспрепятственно³⁰.

Более того, сокращенные слова в современном немецком языке могут соединяться друг с другом, возможно соединение усечения с аббревиатурой: die EM-Quali (Qualifikation für die Europäische Meisterschaft), соединение двух усечений: Mathe-Prof (Professor für Mathematik). Этот факт находит свое объяснение в высокой степени информационной компрессии инициальных аббревиатур, равных по своей семантической насыщенности распространенным словосочетаниям. Нельзя не признать наличия у данных лексем смысловой и лексической целостности. Участие сокращений в процессах словообразования говорит об их самостоятельности в качестве лексических единиц. Несомненно, что участие сокращений в словосложении помогает избежать громоздких форм там, где исходная форма не может участвовать, например: VTÖ-Mitglied — *Vereinigung der Technologiezentren Österreichs-Mitglied. Аббревиатуры обладают высокой позиционной лабильностью, в составе композита аббревиатура может занимать любую позицию: быть определятельным, основным компонентом композита, занимать интерпозицию — FP-Wähler, Bundes-SPÖ, Anti-EU-Haltung. Возможно сочетание двух разных аббревиатур в начале композита: das SPD/PDS-regierte Mecklenburg-Vorpommern, причем аббревиатуры необязательно относятся к одной тематической группе: FP-NÖ-Chefin, где вторая аббревиатура является топонимом — Niederösterreich,

VP-AK-Chef, где первая аббревиатура — название партии, вторая аббревиатура — название учреждения — Arbeiterkammer.

Номинативные возможности аббревиатур изучены на данный момент мало, исследователи ограничивают тематическую сферу данных лексем номенклатурными названиями или же названиями объединений, организаций³¹, в то время как семантический потенциал сокращенных слов разных типов в действительности намного шире. Семантика входящих в сложное слово аббревиатур достаточно четко определяется. В составе композита аббревиатуры могут обозначать: 1) политические партии: FPÖ-Polemik (Freiheitliche Partei Österreichs), 2) организации и объединения различного характера: DGAUM-Skandal (Deutsche Gesellschaft für Arbeitsmedizin und Umweltmedizin), 3) топонимы: NÖ-Kandidatin (Niederösterreich), 4) должности: LH-Kandidat (Landeshaupt), 5) спортивные мероприятия: Hallen-EM (Europäische Meisterschaft). Можно говорить об определенной семантической сочетаемости аббревиатур в составе сложного слова, о «внутренней валентности»: если один из компонентов аббревиатура, то второй компонент может иметь следующую семантику — обозначение лиц (FP-Klubchef), обозначение коллективов (ORF-Mitarbeiter), обозначение процессов и их результатов (FP-Zusammenbruch).

Очевидно, что сложное слово с аббревиатурой является более наглядным и семантически более емким: аббревиатура, обладающая высокой информационной насыщенностью, подобно более тяжелому предмету на чаше весов, «перетягивает» на себя семантическую нагрузку в композите. Словообразовательные комплексы с аббревиатурами существенно пополняют словарный состав немецкого языка благодаря своей компактности, заполняя лакуны в тех случаях, когда участие полной исходной формы в словообразовательном процессе осложнено или невозможно. Продуктивность данной модели словообразования проявляется в возрастающем количестве словообразовательных комплексов (WBK) с аббревиатурами в языке современных СМИ. Сокращения и аббревиатуры обладают заметным словообразовательным потенциалом. Обладая лабильностью в отношении позиционирования в составе композита и высокой информационной насыщенностью, в публицистическом тексте сокращенные лексемы способны конкурировать с распространенными словосочетаниями.

В отличие от способных к суффиксации усечений (-i,-o), аббревиатуры в деривационных процессах участвуют достаточно ограниченно. Обнаружено несколько суффиксов, с которыми аббревиатуры и сокращения могут создавать производные: -ler (ÖVPlер — член АНП, BASFlер, IDSler), -mässig (EDVmässig, kripomässig, tourimässig), -ig (prollig), с этими суффиксами аббревиатуры сейчас пишутся слитно, но отдельно с -isch (DDR-isch), -los (ein ABS-loses Produkt), -lich (die SPD-liche Dame). Префиксация не является релевантной моделью для словообразовательных процессов с участием аббревиатур: в качестве возможных префиксов можно назвать заимствованные Super- и Mini- (Super-LKW, Mini-LPG), немецкий префикс Un- (Un-CDU).

Отмечается и абсолютно новое явление — аббревиатуры служат основой для конверсивных лексем. Не только глагол *simsen* (от аббревиатуры SMS в значении «передавать сообщения при помощи мобильного телефона») возник таким образом: из аббревиатуры DIN (Deutsche Industrienorm) появился глагол *dinen* («приводить к норме») и прилагательное *dingerecht* (*dingerechte Normung*). Немецкие конверсивные глаголы могут возникать и от заимствованных сокращений, например новый в немецком языке глагол *dissen* («унижать», «оскорблять кого-либо») возник из английского сокращения *dis* от *disrespect*. Участие сокращений в словообразовательных процессах говорит об их лексической самостоятельности, о полной интеграции в состав современного немецкого языка.

Графические аббревиатуры и сокращения также выявляют многообразие структурных типов: 1) графические аббревиатуры (*i.d.R.* — *in der Regel*), 2) графические усечения (*mind.* — *mindestens*), 3) изолированные образования, состоящие из двух или трех элементов, из которых последний или два последних элемента не являются составной частью полной формы, а лишь повторяют предыдущую графему (*Hss.* — *Handschriften*), 4) каркасные структуры, состоящие в основном из согласных начала и конца лексемы и в отдельных случаях содержащие в начале гласные буквы (*anfgl.* — *anfänglich*), 5) рамочные конструкции, состоящие из начальной и последней, как правило, согласной буквы полной формы, образующих своеобразную рамку (*Nr.* — *Nummer*).

Из-за особенности своего фонетического облика графические сокращения употребляются исключительно в письменном тексте. В современном немецком языке одной из основных областей употребления графических сокращений стал электронный текст: компьютерный гипертекст, текст посланий по электронной почте (E-Mail), тип текста, известного под названием «чат» и текст SMS-сообщений (Short Messages Service, служба коротких сообщений). Аббревиатуры, употребляемые в области коммуникации при помощи сотовых и компьютерных сетей, являются объектом интенсивного исследования последнего десятилетия³². Многие исследователи³³ на основе списков принятых сокращений для сети Интернет отмечают лексикализацию аббревиатурных словосочетаний. Употребление аббревиатур в электронных текстах обусловлено двумя причинами: во-первых, набор на клавиатуре объемных отрезков текста не всегда удобен пользователю, во-вторых, в начале существования сети Интернет скорость связи и передачи информации была намного ниже, чем сейчас. Чем больше был объем электронного текста, тем больше времени требовалось для его передачи по каналам сети, поэтому употребление сокращенных фраз было обусловлено еще и экстралингвистическими, а именно техническими причинами.

Именно графические сокращения стали в последнее время темой для лингвистических дискуссий о языковом оформлении новых медийных средств. Считается, что в электронном тексте аббревиатуры представляют собой языковую инновацию³⁴, они становятся существенной частью лексикона Интернет-коммуникации³⁵. Данный тезис обосновывается тем, что в электронном тексте употребляются определенные, ставшие узуальными для данного типа текста сокращения, представляющие собой сокращения определенных словосочетаний. Такими принятыми сокращениями являются уже ставшая привычной аббревиатура *mfg / MfG* (*mit freundlichen Grüßen*), которая заканчивает текст электронного письма. Возможны варианты *lg* (*liebe Grüße*), *vg* (*viele Grüße*), *hg* (*herzliche Grüße*). Далее: *zZ* — *zur Zeit*, *nn* — *nichts Neues*, англицизмы, сигнализирующие о групповой идентичности, современности пользователя, о его (возможном) молодом возрасте: *FYA* — *for your amusement*, *btw* — *by the way*, *tuvm* — *thank you very much*. Эти ставшие окказиональными аббревиатуры носят название «нетикеты» («*Netiquette*»)³⁶.

Данные аббревиатуры можно отнести к классу коммуникативных формул или ситуативно обусловленных выражений.

Язык интернет-коммуникации считается жаргоном с конкретным лексическим наполнением, специфичным для определенной группы пользователей, поэтому наличие кодифицированных выражений является его характерной чертой³⁷. Подобные «ритуализированные» формулы приветствия, прощания или выражения вежливости являются признаком устного общения или попыткой приближения к нему в Интернет-коммуникации, особенностью которой является то, что здесь могут быть задействованы не все вербальные и невербальные возможности человека (голос, смех, иронический или печальный тон и т. д.), по причине чего эмоциональная сторона общения должна компенсироваться другими средствами коммуникативной близости. Данные средства существуют: альтернативой визуальному контакту здесь служат так называемые «эмотиконы», идеограммы и аббревиатуры, которые играют здесь существенную роль. По данным из работы А. Циглер, процентное соотношение таких аббревиатур в электронных посланиях разным целевым адресатам неодинаково, так в письмах, посылаемых участникам так называемых «майл-списков» (Mailing-List) принятые сокращения составляют 62%, в официальных электронных письмах — 13, в личных письмах — 23%³⁸. Отсюда можно сделать вывод о том, что употребление аббревиатур в электронных текстах регулируется прагматическими причинами и зависит от конкретной целевой направленности текста электронного письма. Так, более низкий процент употребления аббревиатур в официальных электронных письмах может быть обусловлен тем, что данный тип электронного текста стилистически допускает только очень умеренное использование признаков устного общения. Предположительно, аббревиатуры могут иметь функцию интертекстуального средства когезии электронного текста для достижения его связанности, если употребляются в строчке «Тема» электронного послания, например, аббревиатура FYI — for your information. Здесь они предваряют информацию, содержащуюся в основном тексте электронного письма. В условиях дистанционного общения выбор лексических средств требует особой тщательности. Употребляемые в текстах электронных посланий аббревиатуры должны быть окказиональ-

ными. Наряду с доминирующими в этом типе текста английскими сокращениями (LOL — laughing out loud — громкий смех, ROTFL — rolling on the floor laughing — катаюсь по полу от смеха) широко используются и немецкие: BL — bitte lächeln, DN — du nervst, G — Grinsen, HG — hämisches Grinsen, LU — liebevolle Umarmung.

Количество аббревиатур, используемых для общения по электронной почте, является достаточно большим. Учитывая такое положение, можно говорить о новой инновационной форме языкового употребления в сфере современных медийных средств, которая предположительно оказывает влияние и на другие сферы употребления языка. Влияние компьютера на современный немецкий язык нельзя недооценивать. Большая часть особенностей языка Интернет-общения состоит в упрощения материальной формы лексемы или выражения. Не все пользователи относятся положительно к употреблению непонятных акронимов в электронных текстах. Интересным образом аббревиатуры и новые медийные средства находятся во взаимообусловленной связи, которую можно представить следующим образом: с одной стороны, для письменной коммуникации аббревиатуры являются типичным языковым признаком, и на их примере можно судить об языковых изменениях, протекающих под влиянием новых медийных средств. С другой стороны, употребление аббревиатур во многом обусловлено именно спецификой письменной медийной коммуникации: употребление аббревиатур зависит от специфических форм Интернет-общения, так как известно, что часто (если не всегда) именно форма коммуникации влияет на выбор языковых средств.

Устойчивая тенденция к употреблению аббревиатур заметна и в текстах коротких электронных посланий, набираемых при помощи мобильного телефона. Это особый вид электронного мини-текста, содержащий до 160 знаков, который можно передавать и принимать при помощи любого современного мобильного телефона. Признание в любви в формате SMS выглядит следующим образом: *ild* (*ich liebe dich*), отказ выражается с помощью словечка *KNIF* (*kommt nicht in Frage* — разг. это отпадает, об этом не может быть и речи), а о значении следующей аббревиатуры, употребляемой подростками в SMS — текстах, без расшифровки догадаться почти невозможно: *hdlvhhbzmuvw* (*hab dich lieb von hier bis zum Mond und wieder zurück*).

Встречаются и англицизмы: HAND (have a nice day, «желаю удачного дня»), НАК (have a kiss, «целую»), КОТЛ (kiss on the lips, «целую губы»), КОТС (kiss on the cheek, «целую в щеку»).

Стремление к оправданной редукции заключено в самой сущности языка и проявляется на многих его уровнях. Разнообразие структурных типов сокращений, с одной стороны, и высокая их продуктивность — с другой, позволяют определить статус этих типов как действующих словообразовательных моделей. Первопричиной возникновения сокращенных слов является действие закона языковой экономии, вследствие чего у слова появляется более легкое и удобное произношение. Данное обстоятельство позволяет аббревиатурам и сокращенным словам лексикализироваться и называть предметы, т. е. выполнять основную лексическую функцию слова. Номинативная активность сокращений в современном немецком языке достаточно высока, эти своеобразные единицы номинации активно внедряются в лексический состав немецкого языка и значительно расширяют его рамки. Существует мнение, что количество возможных сокращений разных структурных типов может быть поистине огромным, так как любое слово может быть сокращено несколькими способами, в зависимости от области применения — термин, жаргонизм и т. д.³⁹ Исходя из этого мнения, следует признать, что появление новых сокращений *ad hoc* и последующее вхождение их в узус языка — прогнозируемое явление в современном немецком языке.

Примечания

¹ Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка, Л., 1962; Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка, М., 1953; Bellmann G. Zur lexikalischen Kürzung im Deutschen // *Quartalnik Neofilologiczny*. 1977. XXIV. N 2–3. S. 141–150; Mackensen L. Die deutsche Sprache in unserer Zeit. Zur Sprachgeschichte des 20. Jahrhunderts. 2. Aufl. Heidelberg, 1971; Schippan Th. Zur Bildung des Kurzwortes in der deutschen Sprache // *Deutschunterricht*. 1963. N 16. S. 539–545; Vieregge W. Aspekte des Gebrauchs und der Einordnung von Kurz- und Kunstwörtern in der deutschen Sprache. Eine Analyse mit Hilfe einer EDV-Anlage. Osnabrück, 1978.

² Bebermeyer R. Akü-Exoten // Der Sprachdienst. 1985. Jg. XXIX. H. 7/8. S. 107–109.

³ Sommerfeldt K.-E. Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1980. S. 70.

⁴ Ibid. S. 177.

⁵ Günther H. Abkürzung // Metzler Lexikon Sprache / ed. H. Glück. S. I., 1993. S. 2.

⁶ Tschirch F. Geschichte der deutschen Sprache. II. Grundlagen der Germanistik. 5. Berlin, 1969. S. 201.

⁷ Greule A. Reduktion als Wortbildungsprozess der deutschen Sprache // Muttersprache. 1996. Bd. 3 (106). S. 193–203, 197.

⁸ Römer J. Abkürzungen // Schrift und Schriftlichkeit: Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft [HSK]. Bd. 10, 2. Halbband / Hrsg. H. Günter, O. Ludwig. Berlin, 1996.

⁹ Hofrichter W. Zur Definition, Klassifikation und zu semantisch-grammatischen Besonderheiten der Abkürzungen in der deutschen Gegenwartssprache // Schildt J., Viehweger D. Die Lexikographie von heute und das Wörterbuch von morgen. Analysen-Probleme-Vorschläge // Linguistische Studien. 1983. Reihe A. Bd. 109. S. 322–329; Vieregge W. Zum Gebrauch von Kurzwörtern im Neuhochdeutschen // Sprachwissenschaft. Bd. VIII. Heidelberg, 1983. S. 207–235; Kobler-Trill D. Die Formseite der Abkürzungen und Kurzwörter // Lexikologie. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. 1. Halbband. Berlin, New York, 2002. S. 452–456.

¹⁰ Voigt G. Sprengstoff? Etwas über Abkürzungen // Sprachliche Aufmerksamkeit: Glossen und Marginalien zur Sprache der Gegenwart / Hrsg. W. P. Klein, P. Ingwer. Heidelberg, 1993. S. 202–208, 203.

¹¹ Steinhauer A. Sprachökonomie durch Kurzwörter. Bildung und Verwendung in der Fachkommunikation. Tübingen, 2000. S. 169.

¹² Bellmann G. Zur Variation im Lexikon: Kurzwort und Original // Wirkendes Wort. 1980. Bd. 6. S. 369–383.

¹³ Ochs E. 1920. Zeitschrift für deutsche Mundarten. S. 175. Цит. по: Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 3. überarb. Aufl. Leipzig, 1974. S. 100.

¹⁴ Donalies E. Die Wortbildung des Deutschen: Ein Überblick // Studien zur Deutschen Sprache. 2002. Bd. 27. S. 117.

¹⁵ Kobler-Trill D. Die Formseite der Abkürzungen und Kurzwörter. S. 452–456.

¹⁶ Розен Е. В. Новое в лексике немецкого языка. М., 1976. С. 74.

¹⁷ Paraschkewow B. Die Wortkürzung als Quelle lexikalischer Varianten und etymologischer Dubletten im Deutschen // Germanistisches Jahrbuch: Schriften bulgarischer und deutscher Germanisten. Sofia, 1994. S. 41–62, 52.

¹⁸ Панкратова С. М. Развитие словарного состава в немецком языке // Диакроническая германистика. СПб., 1997. С. 8–25, 21.

¹⁹ *Паморозская Н. И.* Особенности молодежного словотворчества в немецком языке // *Лексика и стиль.* Тверь, 1993. С. 39.

²⁰ *Розен Е. В.* На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М., 2000. С. 143.

²¹ *Eisenberg P.* Grundriss der deutschen Grammatik. Das Wort. Stuttgart, 1998. S. 158.

²² *Greule A.* "Abi", "Krimi", "Sponti". Substantive auf -i im heutigen Deutsch // *Muttersprache (Sonderheft).* 1980. Bd. 94. S. 207–217; *Greule A.* Altes und Neues zu den i-Wörtern // *Der Sprachdienst.* 1986. Bd. XXX. H. 5.

²³ *Werner A.* i-Bildungen im Deutschen. Arbeiten des Sonderforschungsbereichs. 282, Nr. 87. Düsseldorf, 1996; *Glück H., Sauer W. W.* Gegenwartsdeutsch. 6. Kap. Stuttgart, 1990. S. 75–87.

²⁴ *Neef M.* Wortdesign. Eine deklarative Analyse der deutsche Verbflexion // *Studien zur deutschen Grammatik.* 1996. Bd. 52. S. 281.

²⁵ *Féry C.* Uni und Studis: die besten Wörter des Deutschen // *Linguistische Berichte.* Bd. 172. Tübingen, 1997. S. 461–489.

²⁶ *Schläpfer R., Bickel H.* Die viersprachige Schweiz, 2000. S. 77.

²⁷ *Herber D., Kinne M., Steffens D.* Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen // *Schriften des Instituts für Deutsche Sprache.* Bd. 11. Berlin, 2004.

²⁸ *Степанова М. Д.* Словообразование современного немецкого языка, М., 1953. С. 199.

²⁹ *Павлов Г. В.* Функционирование сокращений в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

³⁰ *Schröder M.* Zur Verwendung von Kurzformen // *BES.* 1985. Bd. 5. S. 199–209.

³¹ *Faulseit D.* Abkürzungen in Zeitungstexten // *Sprachpflege: Zeitschrift für gutes Deutsch.* 1980. September. H. 9. S. 177–180.

³² *Haase M., Huber M., Krumeich A., Rehm G.* Interkommunikation und Sprachwandel // *Sprachwandel durch Computer / Hrsg. R. Weingarten.* Opladen, 1997. S. 51–86, 71.

³³ *Fleischer W.* Phraseologie! // *Kleine Enzyklopädie Deutsche Sprache.* Hrsg. Schild et al. Leipzig, 1983; Raymond E. S. The Jargon File. 1996. Version 40.0 from 24.07.1996. <ftp://prep.ai.mit.edu/pub/gnu/jarg400.txt.gz>; *Runkehl J., Schlobinski P., Siever T.* Sprache und Kommunikation im Internet. Überblick und Analysen. Opladen; Wiesbaden, 1998; *Sprachwandel durch Computer.* Opladen, 1997.

³⁴ *Ziegler A.* Zur @kronymischen Verwendung der Phraseologismen in Textsorten der Internet-Kommunikation am Beispiel E-Mail // *Wer A sägt, muss auch B sägen. Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis / Hrsg. D. Hartman, J. Wirrer.* Hohengehren, 2002. S. 407–427, 408.

³⁵ *Haase M., Huber M., Krumeich A., Rehm G.* Interkommunikation und Sprachwandel // *Sprachwandel durch Computer.* S. 51–86, 82.

³⁶ *Quasthoff U.M.* Kommunikative Normen im Entstehen: Beobachtungen zu Kontextualisierungsprozessen in elektronischer Kommunikation // Sprachwandel durch Computer. S. 23–51, 25.

³⁷ *Haase M., Huber M., Krumeich A., Rehm G.* Interkommunikation und Sprachwandel // Sprachwandel durch Computer. S. 51–86, 52.

³⁸ *Ziegler A.* Zur @kronymischen Verwendung der Phraseologismen in Textsorten der Internet-Kommunikation am Beispiel E-Mail. S. 407–427, 414.

³⁹ *Römer J.* Abkürzungen // Schrift und Schriftlichkeit: Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft [HSK]. Bd. 10. 2. Halbband / Hrsg. H. Günter, O. Ludwig. Berlin, 1996. S. 1512.

Немецкие заимствования XII–XVIII веков в русском языке

«В результате соприкосновения народов, в результате экономического сближения их идеологического и материального обмена неизбежно и языковое общение, которое приводит к заимствованию из языка в язык известного количества слов».

(Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева)

Заимствованная лексика является одним из наиболее важных средств пополнения словарного состава любого языка. Ни один язык не может существовать без некоторого процента заимствований, но в разных языках этот процент различен. Так В. В. Елисеева в учебном пособии по лексикологии английского языка констатирует, что в этом языке заимствования из других языков составляют до 70%¹. В учебнике И. Г. Ольшанского и А. Е. Гусевой «Лексикология. Современный немецкий язык» говорится о 14% заимствованных корней². Нам представляется, что количество заимствованной лексики в немецком языке значительно превосходит эту величину, ведь недаром в последнее время в Германии все чаще бьют тревогу и говорят уже не о собственно немецком языке, а о смеси немецкого с английским (Deutschisch или Denglisch, что означает соединение двух слов Deutsch + Englisch). Однако точных статистических данных о количестве заимствований в немецком языке нам найти не удалось. «Общество любителей немецкого языка» (Gesellschaft für deutsche Sprache) в Германии, которое было основано в 1947 г. и которое занимается вопросами сохранения и развития немецкого языка, констатируя огромное количество заимствований в немецком языке, задалось вопросом, каково же влияние немецкого языка на другие языки мира. Как показали результаты объявленного в газетах конкурса, наибольшее количество немецких заимствований с большим отрывом от других языков содержат американский английский и русский языки. Некоторые языки (русский, польский) сохраняют до сих пор слова, кажущиеся современным немцам странными, устаревшими (antiquiert anmutend)³.

Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева в учебнике «Современный немецкий язык» при описании лексической системы немецкого языка уделяли существенное внимание заимствованиям в немецком языке. Они впервые отграничили внутренние пути обогащения словарного состава языка (словообразование, изменение значения) и внешний путь пополнения словаря — заимствование. Авторы учебника заметили также, что заимствование новых слов «является фактором непостоянным, изменчивым»⁴. Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева отмечали, что процесс заимствования не является процессом односторонним, что это процесс двусторонний, процесс взаимовлияния разных языков: «В результате соприкосновения народов, в результате экономического сближения их идеологического и материального обмена неизбежно и языковое общение, которое приводит к заимствованию из языка в язык известного количества слов. Подобные взаимодействия имели место и в древнейшие периоды развития современных наций, но особенно сильно проявляются языковые взаимовлияния в наше время... Существенное значение имеют они и в наши дни, в условиях широкого общения между различными странами»⁵.

В немецком языке заимствований из русского не очень много, но они довольно разнообразны. Например: большевик, меньшевик, спутник, гласность, перестройка, КГБ, боевик, балалайка и самовар, матрешка, шапка, дача, цап-царап и давай-давай работать. Объявленный в Германии конкурс заставил задуматься, сколько же немецких слов в русском языке? Просмотрев несколько словарей русского языка, в том числе этимологические, взяв на заметку немецкие слова в СМИ, мы обнаружили 1300 заимствований из немецкого языка. Однако это не предел, много слов еще можно обнаружить в подъязыках разных областей знаний, в нашем же списке приведены наиболее распространенные слова, известные большинству носителей русского языка. Кроме отдельных слов имеется и много общих пословиц и поговорок, цитат из произведений немецких авторов, текстов песен и детских страшилок. При этом многие из немецких заимствований настолько ассимилировались в русском языке, что не осознаются носителями русского языка как инородные вкрапления. Заимствования, менее известные рядовому носителю языка, приводятся в словарях иностранных слов или в толковых словарях.

Нередко слова, пришедшие к нам из немецкого языка, имеют более глубокие корни, они восходят к латинскому и греческому, французскому, итальянскому и некоторым другим языкам. И это неудивительно, так как немецкий язык ассимилировал множество латинских, греческих и романских корней и в более позднее время передал их русскому языку. Многие слова из разных языков стали интернационализмами. Тогда важен путь их проникновения в тот или иной язык, когда и каким образом то или иное слово пришло в русский язык. В силу сложившихся исторических причин многие иностранные слова пришли в русский язык именно через немецкий.

Иногда немецкие слова приходят к нам напрямую, в результате непосредственного общения, иногда же через язык-посредник, например голландский или польский. В. П. Берков отмечает, что голландский (нидерландский) язык «находится в ближайшем родстве с нижненемецкими диалектами. Вместе с ними он по многим признакам занимает промежуточное положение между верхненемецкими диалектами и англо-фризской группой»⁶. Так как в основе многих голландских слов лежит лексика нижненемецких диалектов, то заимствования, пришедшие в русский язык при посредничестве голландского языка, мы также относим к германским заимствованиям. Польский же язык долгое время подвергался массивному влиянию немецкого языка, так как Польша уже в 1220 г. была завоевана Тевтонским орденом, который господствовал на ее территории до 1466 г., а позднее на протяжении многих лет была поделена между Русским и Прусским государствами, долгое время Польша входила в состав Пруссии. Неслучайно немецкие заимствования попадали из немецкого языка в русский через польский язык⁷.

Процесс заимствования немецкой лексики в русский язык облегчается тем, что, как пишет Е. В. Розен, эти два языка исторически принадлежат к балто-славяно-германской общности индоевропейских диалектов, и именно этой древней диалектальной общностью объясняется фонетическая и семантическая близость немецкого и русского языков⁸. Д. Н. Шмелев отмечает, что некоторые из германских заимствований были сделаны еще в эпоху общеславянского языка и усвоены древнерусским как элементы общеславянского языкового наследия. Подобного рода древними заимствованиями

из германских языков считаются элементы бытовой лексики, такие как бук, карп, князь, король, купить, лук, осел, пост, скот, хлев, хмель, холм, холст⁹.

Наличие в русском языке большого количества заимствований из немецкого языка объясняется не только их общими корнями, но и целенаправленной политикой русских князей и царей, ориентированной на приглашение специалистов из-за рубежа, в первую очередь из Германии. Такая политика не могла не сказаться и на развитии русского языка. Многие стороны жизни в России и многие ремесла развивались немцами, поэтому и тематические группы лексики пополнялись в первую очередь за счет заимствований из немецкого языка вместе с соответствующими предметами, действиями и их названиями. Интересно проследить развитие некоторых групп лексики в связи с историческими событиями в России. Сведения о контактах с немцами, о политике русских правителей мы черпаем из фундаментальной работы Ингеборги Фляйшхауер «Немцы в царской России»¹⁰.

Политические контакты с немцами пытаются устанавливать уже князья Киевской Руси, торговые контакты издавна поддерживает Великий Новгород, который становится полноправным членом Ганзейского союза. В XII–XIV вв. заимствуются из немецкого языка слова, связанные с торговлей: бархат (Barchant, m), броня (ahd. brünne), вага (Waage, f), Ганза (Hanse, f), кипа (Kiepe, f), клеймо (Kleinod, n), контора (Kontor, n), пуд (Pfund, n), вес 16 кг, фунт (Pfund, n), вес 409,5 г., плуг (Pflug, m), рынок (mnd. Ring, m), ярмарка (Jahrmarkt, m). В Магдебурге, когда-то ганзейском городе, до сих пор бывшая рыночная площадь на правом берегу Эльбы называется Ринг. Калькируется понятие «гостинный двор» (Gästehof, m).

В XV в. царь Иван III после Ливонской войны 1492–1494 гг. использует в своей армии немецких военнопленных и военных специалистов. Василий III приглашает немецких ремесленников-оружейников, а Иван IV (Грозный) ставит во главе своего войска немецких офицеров. Отсюда начинаются заимствования, связанные с армией. В разное время в русском языке появляются слова атаман, на юге России гетман (Hauptmann, m), вахмистр (Wachtmeister, m), отсюда фамилия Вахмистров, генерал (General, m), денщик (Diener, m), слуга генерала или другого военного чина, канонир (Kanonier, m),

командир (Kommandeur, m), майор (Major, m), миненверфер (Minenwerfer, m), офицер (Offizier, m), унтерофицер или просто унтер (Unteroffizier, m), ротмистр (Rottenmeister, m). С появлением немцев в конном войске приходят слова кирасир (Kürassier, m), маршал (ahd. marascalk). Это слово было заимствовано сначала во французский и обозначало конюха, затем старший придворный конюх стал одним из четырех наиболее важных придворных, главнокомандующим конницей, и уже в этом значении слово было обратно заимствовано в немецкий — Marschall, m а затем уже пришло в русский язык. Появляются слова берейтор (Bereiter, m), рейтар (Reiter, m), фельдъегерь (Feldjäger, m, Feldkurrier, m, Feldbote, m), фельдмаршал (Feldmarschall, m), фореитор (Vorreiter, m), фуражир (Furage, f — корм для коней, в немецком из фр. fourrage — солома, Furier, m). Закрепляется лексика, связанная с формой конников и обслуживанием коней: рейтузы (Reithose, f), шпоры (Sporen, Pl.), шенкель (Schenkel, m), мундштук (Mundstück, n), стойло (Stall, m), трензель (Trensel, m), шоры (Schoren, Pl.), шорник (Schirrmeister, m), седло (Sattel, m). Это слово легко вошло в русский язык, так как оно родственно русскому глаголу «сидеть».

Интересно отметить, что в русскую армию приглашались высшие военные чины, поэтому так много названий военачальников. Отсюда ведет свое начало и глагол «вербовать» (werben). Солдатами (Soldat, m) или рекрутами (Rekrut, m) были русские, но общая военная терминология складывается на базе немецкого языка, например: брествер (Brustwehr, f), вахта (Wacht, f), гауптвахта (Hauptwacht, f), горн (Horn, n), горнист (Hornist, m), казарма (Kaserne, f), лагерь (Lager, n), лядунка (Ladung, f), позднее в результате ложной ассоциативной связи со словом «ладан» — ладанка, ташка (Tasche, f), орден (Orden, m), парад (Parade, f), плац (Platz, m), пост (Posten, m), форпост (Vorposten, m), (населенный) пункт (Punkt, m), шлагбаум (Schlagbaum, m, Schranke, f), ранец (Ranzen, m), рекрут (Rekrut, m), факел (Fackel, f), флаг (Flagge, f), флагшток (Flaggenstock, m), фланг (Flanke, f), фляжка (Flasche, f), фронт (Front, f), фура (Fuhre, f), штаб (Stab, m), штурм (Sturm, m), ориентироваться первоначально означало поворачиваться на восток (sich orientieren, Orient, m). Военные специалисты располагались «на постой» на временных квартирах (Quartier, n), а размещением специалистов занимались квартирмей-

стеры (Quartiermeister, m). Позднее слово «квартира» расширило свое значение и стало использоваться как название постоянного жилья для одной семьи в доме. Так как немецкие поселенцы в свободное время с удовольствием предавались пьянству, появилось слово шинок (Schenke, f), но сначала шинки находились только на территории немецкой слободы в Москве. Военное обмундирование и оружие тоже называлось по-немецки: мундир (Montur, f), китель (Kittel, m), лампасы (Lampassen, Pl.), ремень (Riemen, m), бляха (Blech, n). На сапоги и пряжки генералам денщики наводили глянец (Glanz, m), отсюда глянецовать (zum Glanz bringen, glänzen), вакса (Wachs, n, Wichse, f), ваксить (wachseln, wichsen). Появились слова: гаубица (Haubitze, f), граната (Granate, f), хотя само это слово пришло в немецкий язык из итальянского, лафет (Lafette, f), картечь (Kartätsche, f), муштра (Musterung, f), штык (Stich-messer, n), клинок (Klinge, f), эфес (Gefäss, n), герб (Erbe, n), штраф (Strafe, f), первоначально любое наказание. Затем был образован глагол «штрафовать», наказывать.

В XVI в. Борис Годунов в свою очередь приглашает из Германии купцов, горняков, литейщиков, военных, врачей, ремесленников. Тогда появляется придворная гвардия (Garde, f, Leibgarde, f), а одетые в униформу (Uniform, f) гвардейцы в те времена зовутся швейцарами (Schweizer, m), так как именно швейцарцев приглашали служить при дворе. Эта традиция сохраняется до сих пор в Ватикане, а в России швейцары и сегодня стоят у входа в гостиницы, и их форма отдаленно напоминает старую форму швейцарской гвардии. Для защиты от непогоды гвардейцы стояли на посту в будке (Bude, f). При дворе служил и впервые приглашенный из Германии личный врач Бориса Годунова лейбмедик (Leibmedikus, m, Leibarzt, m), позднее просто медик, и аптекарь (Apotheker, m). С XVI в. начинается на Руси традиция приглашать медиков из Германии. Она продолжается и при Петре I и при Екатерине II.

В 1722 г. В. Н. Татищев основывает на Урале первые горные школы и приглашает учителей из Германии. Первые горнорудные разработки ведутся немецкими мастерами. Лексика горнорудного дела изобилует заимствованиями из немецкого языка: шахта (Schacht, f), шахтер (Schächter, m), штейгер (Steiger, m), штольня (Stollen, m), шурф (Schurf, m), штрек (Strecke, f), квершлаг (Querschlag, m), гезенк

(Gesenk, n), шток (Stock, m), кайло (Keil, m), маркшейдер (Markscheider, m), карта (Karte, f), масштаб (Maßstab, m), шурфовать (schürfen).

Начинает развиваться литейное производство, металлургия, в эту отрасль промышленности тоже приглашаются немецкие мастера, и в обиход входит немецкая лексика. Приведем лишь наиболее знакомые слова: вальцы (Walzen, Pl.), вальцевать (walzen), сталь (Stahl, m), шихта (Schicht, f), шлак (Schlacke, f), шуровать (schüren), первоначально перемешивать угли в печи.

В XVII в. при царе Михаиле Федоровиче Романове усиливается политика, направленная на приглашение иностранцев, в первую очередь немцев. В Россию приезжают новые военные, врачи, горняки, литейщики, ремесленники, фармацевты. Чтобы отличать их от русских людей, с которыми обращались не слишком любезно, немцам было приказано носить немецкую одежду. Во второй половине XVII в. немцы начинают строить каменные дома, появляются слова: балка (Balken, m), кирка, кирха (Kirche, f), шпиль (Spill, n, уст.), шпиг (Spitze, f), то же, что и шпиль, купол (Kuppel, f), лага (Lage, f). Каменщики при строительстве домов используют мастеров или кельму (Kelle, f), для защиты от пожаров создаются глухие кирпичные стены — брандмауер (Brandmauer, f). Дома от пожаров спасают брандмейстеры (Brandmeister, m). Части дома тоже называются по-немецки: флигель (Flügel, m), камера, каморка (Kammer, f), зало, зала, зал (Saal, m), комната (mnd. Kemenate), кухня (Küche, f), у русских помещение для приготовления пищи еще долго называется поварня, панель (Paneel, n), рама (Rahmen, m), ступени (Stufen, Pl.), форточка (Pfortchen, n), эркер (Erker, m), ванна (Wanne, f), кафель (Kacheln, Pl.), филенка (Füllung, f), флюгер (Flüger, m, уст., совр. Wetterfahne, f), кронштейн (Kragstein, m), шифер (Schiefer, m). Шифером немцы называют темно-серую сланцевую породу, пластинками из которой до сих пор кроют и обшивают дома. Сейчас в русском языке слово «шифер» изменило свое значение — это волнистый кровельный материал, не обязательно из сланца. Внутренней отделкой дома занимались штукатуры (Stuckateur, m), они наносили на стены штукатурку (Stuckatur, f). Затем стены комнат обивали штофом (Stoff, m), специальной тканью, которую раньше использовали в качестве обоев. Комнату можно было перегородить ширмой (Schirm, m). Для уплотнения и выравнивания почвы по-

явился глагол «трамбовать» (trampeln), что первоначально обозначало «утаптывать ногами», позднее стали использовать специальное приспособление — трамбовку. Перед домом делали палисадник (Palisade, f). В русском языке слово несколько переосмыслено под влиянием слова «сад». Само это слово немцы в свою очередь позаимствовали у итальянцев.

В это же время появляются первые школы-бурсы (Burse, f), в которые приглашают учителей немцев. В богатых домах появляются домашние учителя — немцы. В русский язык приходит немецкая школьная лексика: бурса (Burse, f), бурш (Bursche, m), вундеркинд (Wunderkind, n), гимназия (Gymnasium, n), гимнастика (Gymnastik, f), класс (Klasse, f), клейстер (Kleister, m), линейка (Lineal, n), грифель (Griffel, m), грифельная доска (Griffeltafel, f, переводное заимствование), папка (Pappe, f, так как папки были из картона), пульт (Pult, m), решать (rechnen), табель (Tabelle, f, Zeugnis, n), таблица (Tabelle, f), турник (Turnreck, m), цифра (Ziffer, f), школа (Schule, f), шрифт (Schrift, f).

При Петре I ставится задача модернизировать Россию на западный манер, для чего в 1702 г. выходит Манифест о ввозе иностранцев в Россию (Berufungsmanifest, n). В Россию приезжают шотландцы, голландцы, швейцарцы, много немцев. В основном это протестанты, которые эмигрируют в Россию, где, во-первых, нет религиозного преследования, во-вторых, немцам-военачальникам и медикам сразу же жалуют дворянство, в России появляются новые названия для представителей дворянства: графы (Graf, m), бароны (Baron, m), герцоги (Herzog, m). В это время высшие командные посты в армии традиционно занимают немцами, в городах все шире обосновываются врачи, тогда они назывались лекарями, аптекари, тоже исключительно немцы.

В 1703 г. Петр основывает Петербург (Piterburch, Petersburg). Вокруг нового города строятся крепости: Кроншлот (mnd. Kronschlot), Кронштадт (Kronstadt), Шлиссельбург (Schlüsselburg), Ниеншанц (Neue Schanze). В это же время появляется слово шанец (Schanze, f) как военное укрепление. По дороге в Кронштадт царь Петр любил останавливаться в летней резиденции Петергофе (Peterhof), а его друг и первый бургомистр (Bürgermeister, m) Петербурга Александр Меншиков построил свою резиденцию —

Ораниенбаум (Oranienbaum). На Заячьем острове была возведена Петропавловская крепость, в центре которой располагался цейхгауз (Zeughaus, n), или арсенал (Arsenal, n), а на прилегающем Березовом острове укрепление в виде короны — «кронверк» (Kronwerk, n). На стрелке Васильевского острова возникает торговый порт (Portal, n, Pforte, f), или гавань (Hafen, m). В гавани строится торговая биржа (Börse, f), по обе стороны от нее складские помещения — пакгаузы (Packhaus, n), а неподалеку новый гостинный двор (Gästehof, m) и первый в России музей Кунсткамера (Kunst-kammer, f), в которой Петр I собирает разные диковинки и редкости-раритеты (Rarität, f). В городе для защиты от наводнений строились дамбы (Damm, m). В новой морской столице царь строит верфь (Werft, f), которая называется Адмиралтейство (Admiral-lität, f), и начинает создавать российский флот (Flotte, f). В город приглашают инженеров, судостроителей, корабельных плотников, парусных мастеров, кузнецов, токарей, слесарей и других специалистов по металлообработке.

В русский язык приходят слова, связанные с кораблестроением: стапель (Stapel, m), бот (Boot, n), борт (Bord, m), буксир (Bugsierer, m), крейсер (Kreuzer, m), швербот (Schwerboot, n), пирс (Piers, m), трап (Treppe, f), банка (Bank, f, скамья в лодке), мачта (Mast, m), шпангоут (Spannhaut, f), шлюпка (Schaluppe, f), штурвал (Steuerwelle, f), якорь (Anker, m), ахтерштевень (Achterstevan, m), ахтерлик (Achterlick, m), форштевень (Vorderstevan, m), киль (Kiel, m), след от корабля называется кильватер (Kielwasser, n), а корабль идет по фарватеру (Fahrwasser, n), который ограничивается буюми (уменьшительное буюк) (Boje, f). На ботах в период навигации (Navigation, f) ходят в море матросы (Matrose, m, Pl.), боцман (Bootsmann, m), лоцман (Lotsmann, m, Lotse, m), штурман (Steuermann, m), юнга (Junge, m). Груз на корабле называют фрахт (Fracht, f), а вместо «грузить корабль» говорят «фрахтовать судно» (frachten). В грузовом порту стоят краны (Kran, m, сокращение от Kranich, m — журавль). Не правда ли, портовые краны напоминают больших птиц? Небольшое быстроходное судно называется яхта (Jacht, f, производное от глагола jagen — гнать). На больших линейных кораблях (Linien-schiff, n) матросы, отправляясь в рейсы (Reise, f), живут в каютах (Kajute, f), несут вахту (Wacht, f) и спят в койках (Koje, f). Пищу на корабле

готовит кок (Koch, m), палубу дряят шваброй (Schwabber, m). Тумба для закрепления канатов на палубе судна или на пристани называется «кнехт» (Knecht, m). Капитаны (Kapitän, m) различаются по рангам (Rang, m): капитан III, II, I ранга. Место в средней части военных кораблей, где производятся смотры, парады, называется шканцы (Schanze, f). Море может быть спокойным или бурным, штормовым, тогда говорят: на море штиль (Stille, f) или шторм (Sturm, m). Во время шторма корабль может укрыться в тихой бухте (Bucht, f) или остаться на рейде (Reede, f). Направления ветра моряки также называют по-немецки: норд, зюд, ост, вест, нордост, нордвест, зюдост, зюдвест (Nord, m, Süd, m, Ost, m, West, m, Nordost, m, Nordwest, m, Südost, m, Südwest, m).

С приездом немецких мастеров-ремесленников бурно развивается техническая лексика: патрон (Patrone, f), штанга (Stange, f), штифт (Stift, m), люфт (Luft, f), зазор между деталями, шайба (Scheibe, f), муфта (Muffe, f), слесарь (Schlosser, m), в петровские времена это слово произносилось как слюсарь, отсюда фамилия Слюсарев. Продолжают ряд слова цанга (Zange, f), цапфа (Zapfe, f), шлифовать (schleifen-schliff-geschliffen), шлиф (Schliff, m), крацевать (kratzen), что значит снимать ржавчину металлической щеткой, дроссель (Drossel, f), клапан (Klappe, f) и дроссельный клапан (Drosselklappe, f), болт (mnd. Bolte, f, Bolzen, m), брак (Brack, m), букса (Büchse, f), ригель (Riegel, m), шнек (Schnecke, f), шпиндель (Spindel, f), флянец (Flanze, f), штука (Stück, n). Слово «штука» в русском языке расширило свое значение настолько, что им можно назвать все, что угодно, например «Что это за штука?». Инженеры делают чертежи, которые называют абрис (Abriss, m), затем — рисунок (Riss, m). Глагол «рисовать» происходит от немецкого reißen-riss-gerissen, первоначально слово имело значение «чертить». Специалисты чертили проекты (Projekt, n) рейсфедером (Reißfeder, f), циркулем (Zirkel, m) и пользовались рейсшиной (Reißschiene, f). На рисунке прямые линии (Linie, f) называются «штрих» (Strich, m), множество параллельных линий «штриховка», ломаные линии «зигзаг» (Zickzack, m).

В городе на строительстве жилых домов и дворцов работает множество ремесленников разных специальностей под руководством немецких мастеров (Meister, m), ремесленники объединяют-

ся в гильдии (Gilde, f) и цеха (Zeche, f). Так как русские ученики, подмастерья (производное от слова мастер), не знали немецких названий инструментов (Instrument, n), они обращались к переводчику, тогда говорили толмачу (Dolmetscher), чтобы он на листе бумаги (Blatt, n) написал название инструмента. С этим листком ученик шел к мастеру и получал все необходимое. Отсюда пошло столь знакомое нам выражение «получить что-либо по благу».

Лексика столяров неслучайно изобилует немецкими, часто искаженными, словами. Устные заимствования быстрее приспособляются к фонетической системе языка-рецептора. Например: fuga (Fuge, f), фуганок (Fugenhobel, m), рубанок (Rauhbank, f), лобзик (Laubsäge, f), пила (Feile, f), стамеска (Stemmeisen, n). Слово нагель (Nagel, m) в русском языке обозначает только деревянный стержень, используемый для скрепления деталей, а не любой гвоздь. Далее следуют шуруп (Schraube, f), рашпиль (Raspel, f), дрель (от глагола drehen, Dreher, m), бур (Bohrer, m), стихель (Stichel, m). Заготовленный материал складывали штабелями (Stapel, m). Названия некоторых предметов мебели тоже ведут свое начало от немецких мастеров: шкаф (шкап) от южно-немецкого Schaff, m, Schaft, m, комод (Kommode, f) стул (Stuhl, m). Мебель (Möbel, Pl.) научились отделывать шпоном (Span, m), стружкой от ценных пород древесины, и полировать (polieren), используя для этого политуру (Politur, f). Работали столяры у специального стола — верстака (Werkstatt, f). В русском языке это слово, как и слово «нагель», претерпело сужение значения. Слово «Werkstatt, f» в немецком языке обозначает любую мастерскую, но не стол. Вошел в употребление глагол «мастерить» (meisteren), что значит изготавливать что-либо самому ручным способом.

В город Петербург приезжают книгопечатники, и «привозят» свои названия частей книги и текста: форзац (Vorsatz, m), шмуцтител (Schmutztitel, m), абзац (Absatz, m).

В Петровскую эпоху появляются часы, в том числе и карманные. Часовщики — в основном немцы, поэтому детали часового механизма (Mechanismus, m) называются по-немецки: циферблат (Zifferblatt, n), акс (Achse, f), анкер (Anker, m).

Во время Северной войны создаются первые госпитали (Hospital, n, Spital, n). Так как медики — исключительно немцы, то и терминология используется немецкая: бинт (Binde, f), вата (Watte, f),

шприц (Spritze, f), шрам (Schramme, f), в немецком языке это слово обозначает ссадину, а в русском — след от любой раны, подсохшая корочка — короста (Kruste, f), травма (Trauma, f), шина (Schiene, f), флюс (Fluß, m) — слово, обозначающее нарыв в десне, омонимично немецкому слову «река», что связано с гноетечением. Доктор (Doktor, m) выписывает рецепт (Rezept, n) согласно рецептуре (Rezeptur, f). В своей работе врач использует шпатель (Spatel, m), ланцет (Lanzette, f), пинцет (Pinzette, f), скальпель (Skalpelle, m), клизму (Klistier, n, Klyisma, f). Хирург делает операции (Operation, f). Слова госпиталь, рецепт, доктор, операция, травма восходят к латинским корням и стали интернациональными. Несколько позднее в медицинскую лексику входят слова штамм (бактерий) (Stamm, m), линза (Linse, f), лупа (Lupe, f), зонд (Sonde, f), катетер (Katheter, m), пломба (Plombe, f, от лат. plumbum), пломбировать (plombieren). Первый документ новорожденного (Neugeborene, m, f) до сих пор называется метрика (Matrikel, f). Немецкое слово Medizin, f — лекарство, стало в русском языке обозначать всю сферу деятельности — медицина, т.е. расширило свое значение. Говорят, что в Москве во времена Екатерины II был известный врач Лодер, прописывавший больным воды, которые следовало пить, а затем прогуливаться по дорожкам сада, т.е. совершать моцион (Motion, f), отсюда пошло выражение «гонять лодыря», т.е. ничего не делать, только гулять. А ленивого человека стали называть лодырем или праздношатающимся. Впрочем, это только одна из версий.

В 1724 г. Петр I издает указ о создании Петербургской академии наук, университета и гимназии при ней. Для этого были приглашены профессора из Германии. Члены Петербургской академии наук (например, Г. В. Крафт, Х. Гольбах, Л. Эйлер) в XVIII в. обеспечивали учебный процесс, составляли программы и учебники. Все преподавание в университете велось сначала на латинском, затем на немецком языке. Вплоть до конца XX в. здесь традиционно сохраняется система обучения как в старых немецких университетах. Латинская терминология для обозначения всего университетского уклада приходит в Россию через немецкий язык: университет (Universität, f), факультет (Fakultät, f), студент (Student, m), декан (Dekan, m), ректор (Rektor, m), профессор (Professor, m), доцент (Dozent, m), ассистент (Assistent, m), интерес (Interesse, n), интерес-

ный (interessant). До середины XX в. зачетная книжка называлась матрикул (Matrikel, f, Matrikelbuch, n). И сейчас, когда нужно что-либо основательно изучить, говорят проштудировать что-либо (studieren). Студенты называли обывателей бюргерами (Bürger, m) или филистерами (Philister, m). Студентов из бедных семей обучали бесплатно, они состояли на государственном обеспечении — коште (Kost, f), их называли казеннокоштными, но были и такие студенты, которые учились за свой счет, они назывались собственнокштными. Наиболее способные студенты за успехи в учебе награждались шпагами, или иначе рапирами. Среди студентов были модны состязания и дуэли на рапирах (Rapier, n) — фехтование (Fechten, n). За дуэли студентов наказывали, сажали в карцер (Karzer, m).

В страну приезжает много ученых: биологов, ботаников, географов, химиков, математиков и других специалистов. На Аптекарском острове создается первый аптекарский огород, позднее превратившийся в знаменитый Ботанический сад (Botanische Garten, m). Названия цветов и многих экзотических растений пришли к нам также через немецкий язык: левкой (Levkoje, f) лотос (Lotos, f), мальва (Malve, f), фиалка (Veilchen, n), фуксия (Fuchsie, f), по имени немецкого ботаника Леонгарда Фукса (1501–1566). Из языка химиков (Chemiker, m) были взяты слова: колба (Kolbe, f, Kolben, m), тигель (Tiegel, m), пробирка (Probiervglas, n, в современном немецком языке Reagenzglas, n), пробовать — русское производное от глагола probieren, штатив (Stativ, n), лаборатория (Laboratorium, n), микроскоп (Mikroskop, n), смальта (Schmelze, f, mnd. smalta), глазурь (Glasur, f), эссенция (Essenz, f), элемент (Element, n), эксперимент (Experiment, n), реагент (Reagenz, f). Из языка математиков — эллипс (Ellipse, f).

В результате городской реформы Петр I повелевает выбирать бургомистров (бурмистров) (Bürgermeister, m). Отсюда ведет свое начало фамилия Бурмистров. Само слово фамилия (Familie, f) тоже немецкого происхождения, только в немецком оно обозначает любую семью вообще, а в русском языке идентифицирует семью по ее «имени собственному». В городах создаются бурмистровые палаты (Bürgermeisterkammer, f), которые располагаются в ратушах (Rathaus, n). Лишь в конце XVIII в. появляется слово почтамт, которое еще в XIX в. писалось через черточку почт-амт (Postamt, n), почт-мейстер (Postmeister, m).

Петр I продолжает политику династических браков с целью укрепления отношений с многочисленными немецкими государствами и завоевания себе союзников. Это становится традицией династии Романовых и приводит к новым заимствованиям немецкой лексики. В 1722 г. Петр I вводит «Табель о рангах» (Rangtafel, f). Появляются новые титулы (Titel, m) и звания, связанные с жизнью при царском дворе: гофрат (Hofrat, m), гофмаршал (Hofmarschall, m), шталмейстер (Stallmeister, m), камеръюнкер (Kammerjuncker, m), юнкер (Junker, m от junger Herr), камергер (Kammerherr, m), камеристка (Kammermädchen, n, Kammeristin, f), фрейлина (Fräulein, n), придворная дама (Hofdame, f), кучер (Kutscher, m), канцлер (Kanzler, m), начальник канцелярии, фейерверкер (Feuerwerker, m), фейерверк (Feuerwerk, n), келарь (Kellner, m), принц (Prinz, m), принцесса (Prinzessin, f). При дворе для развлечения были карлики (Zwerg, m). Это слово было заимствовано еще в XV в. Оно является производным от имени собственного Карл, а его уменьшительная форма «карлик» стала нарицательной.

При дворе развивается мода (Mode, f), шьется модная одежда. На платьях принцесс и их фрейлин появляются фижмы, жесткий каркас для юбки, изготавливаемый из китового уса. Фижмы — это искаженное Fischbein, n «рыбья кость». Слово «юбка» было заимствовано еще в допетровское время, по одной из версий, из средневерхненемецкого (mhd. jorpe, jurre, совр. нем. Jorpe, f — тужурка, куртка). Первоначально это слово и в русском языке обозначало вид мужской одежды вроде душегреи. Слово пришло в немецкий язык с изменением значения из французского «jupon», юбка, а корни его восходят к арабскому языку. Платья украшались шлейфами (Schleife, f), но в русском слово меняет значение, это не лента, а волочащийся сзади удлиненный подол платья. Женское платье и военную форму могли украшать бантами (Band, n). Одной из принадлежностей формы одежды адъютантов и флаг-офицеров как знак их службы при генералиссимусе, фельдмаршале, полном генерале или для отличия высших военных чинов, зачисленных в свиту царя, был аксельбант (Achselband, n), шнур особого плетения из золотой или серебряной канители. Мужские перчатки украшались широкими манжетами — крагами (Kragen, m), что в немецком языке до сих пор означает воротник. А сейчас перчатки-

краги носят мотоциклисты и инспектора ГИБДД. На каждое время дня было свое платье. Вечером на ночь надевали шлафрок (Schlafrock, m), а утром — моргенрок (Morgenrock, m). Дамы носили шляпы первоначально с опущенными полями, название для которых также ведет свое начало от слова *slappe* (салоп) «головной убор» в средневерхненемецком, в баварском *Schlappe* — род чепца. Одежду украшали складками или фалдами (*Falte*, f). Портные до сих пор употребляют глагол «фалдить», т. е. ложиться складками. Государственные служащие, статские, например статский советник (*Staatsrat*, m), носили кафтаны, которые украшались кантом (*Kante*, f), а рукава кафтана имели обшлага (*Abschlag*, m, *Umschlag*, m). Позднее кафтаны сменили сюртуки с лацканами. Лацкан — это немецкое слово *Lätzchen*, n, которое в современном языке обозначает «слюнявчик» для маленьких детей. Для застежек на одежде стали использовать крючки (*Krücke*, f). Слово *Krücke*, f послужило основой еще одного названия — клюка (с ударением на последнем слоге), с которыми ходили старики.

На ногах дамы носили туфли. Это сокращение от немецкого слова *Pantoffel*, f, *Toffel*, f, что означает тапочки, позднее шлепанцы. Мужчины носили ботинки на круглых пуговицах — штиблеты (*Stiefeletten*, Pl.), иногда штиблетами называли гетры на пуговицах или крючках, надеваемые поверх ботинок, и лишь в конце XIX в. штиблетами стали называть полуботинки, полусапожки. Сапоги украшались в месте соединения подошвы с верхом рантом (*Rand*, m).

При дворе носили парики (*Perücke*, f), а сооружением причесок при помощи парика занимался парикмахер (*Perückenmacher*, m). Интересно, что слово употребляется в русском языке до сих пор, хотя мы уже давно не носим париков. Чтобы не пачкать платье во время пудрения парика надевали пудермантель (*Pudermantel*, m). Выходя на улицу в жаркую погоду, дамы брали зонтик (*Sonnendecke*, f). Под влиянием русского уменьшительного суффикса -ик элемент слова «тик», искаженное *Deske*, f был переосмыслен как суффикс, позднее произошло ложное «восстановление исходной формы» — зонт. А сам зонт стали использовать чаще как защиту от дождя.

В это время развивается придворный этикет (*Etikette*, f). В 1717 г. появляется свод правил хорошего тона Г. Бужинского, Я. В. Брюса,

И. В. Паузе «Юности честное зеркало». Дамы в знак приветствия научились делать книксен (einen Knicks machen, knicksen), легкое сгибание в коленях, легкий поклон. Человек, ведущий себя недостаточно вежливо по отношению к другим, назывался грубым, грубияном (grob, Grobjan, m). Как известно, Петр I приказал всем боярам стричь бороды, а занимался этим первоначально фельдшер (Feldscherer, m), т. е. полевой брадобрей, который служил в армии и не только стриг бороды и усы, но и обрабатывал небольшие раны. Слово это в немецком языке не сохранилось, как и многие другие, употребительные в русском языке.

Большое внимание при дворе уделяется кухне (Küche, f). Приглашают кухмистеров (Küchenmeister, m), которые готовят по немецким рецептам. Позднее слово кухмистер было заменено словом кухарка, для обозначения женщины-повара. Кухню называли также кухмистерской. Повар повязывал большой фартук (Vortuch, n). Такой фартук, спускающийся почти до пола кусок ткани, повязываемый спереди и закрепляющийся на талии, можно иногда увидеть в современных немецких ресторанах. Хлеб выпекал пекарь (Bäcker, m). В это время появляется большая группа слов, связанная с названиями кухонных приспособлений, посуды и разнообразных блюд немецкой кухни. В петровские времена приходит слово «тарелка». Сначала его даже произносили на немецкий манер талерка (Teller, m), позднее произошла перестановка сонантов, метатеза. Для питья используют штоф (Stoff, m), большой сосуд для вина (Wein, m) или кружку (Krug, m). Слово «пробка» (Pfropfen, m) тоже пришло из немецкого. Повар варил суп (Suppe, f) в кастрюле (mhd. Kastrol, f, Kasserole, f) и снимал пену шумовкой (Schaumlöffel, m). Пироги пекли на противне (Bratpfanne, f), ягоды промывали в друшлагае (Durchschlag, m). Продукты тоже назывались по-немецки: картофель (Kartoffeln, Pl.), крахмал (Kraftmehl, n), лук (Lauch, m), шнитт-лук (Schnittlauch, m), более позднее заимствование, уже XX в., обозначает не всякий лук, а мелкий салатный лучок. Широко используются в приготовлении пищи шпиг (Speck, m), топленый шпиг — смалец (Schmalz, m), шинка (Schinken, m), ливер (Leber, f), собственно в немецком — печень, а в русском — фарш из субпродуктов. Названия видов рыбы тоже ведет начало из немецкого, во всяком случае карп (Karpfen, m), форель (Forelle, f),

стерлядь (Stör, m Störling, m). Готовые блюда носят немецкие названия: крендель (Kringel, m), паштет (Pastete, f), клецки (Klößchen, Pl., Kloß, m), шницель (Schnitzel, m), зельц (Sülze, f), форшмак (Vorschmack, m) и рольмопс (Rollmops, m), закуска из селедки, клопс (Klops, m) и шнельклопс (Schnellklops, m), габерсуп (Hafersuppe, f). Фальшивый заяц (falscher Hase, m) — тоже блюдо немецкой кухни, приготовленное из свиного фарша пополам с хлебом, картофелем, луком и яйцом. Из напитков в Россию через немецкий язык пришло слово пунш (Punsch, m) и, предположительно также через немецкий, слово «алкоголь» — вид самогона, а также немецкая водка-шнапс (Schnaps, m). Кондитеры (Konditor, m) выпекали разнообразные пироги: штризель (Striezel, m), штройзель (Streuselkuchen, m), штрудель (Strudel, m). Более легкая выпечка — это вафли (Waffel, f). Слово «Waffel» происходит от Wabe, f — ячейка сот. Вафли рисунком отдаленно напоминают соты. Домашнее печенье кое-где до сих пор называют плячки (Plätzchen, Pl.). Из сладостей в XVII в. появился марципан (Marzipan, m). Детям готовили яблоки, запеченные в тесте, «яблоки в шлафроке» и сырой яичный желток, стертый с сахаром — «гоголь-моголь» (Gogel-Mogel, n).

При дворе развиваются искусства: музыка, танцы, живопись, театр, литература. Слово орган (Orgel, f), как музыкальный инструмент, известно в русском языке уже с XII в. В 1750 г. появляется указ, разрешающий устраивать в частных домах «вечеринки с пристойной музыкой» и «представлять русские комедии». В русский язык приходят слова музыка, сначала с ударением на втором слове (Musik, f), туш (Tusch, m), горн — рожок (Horn, n), валторна (Waldhorn, n), или в переводе «лесной рожок», в первой трети XVIII в. в Россию приходит гитара (Gitarre, f). В этимологическом словаре делается предположение, что это слово пришло в русский язык через французский или немецкий. Нам представляется, что все же оно пришло через немецкий язык, так как части гитары носят немецкие, а не французские названия: дека (Decke, f) и гриф (Griff, m). Однако немецкие названия деталей инструмента могли пойти и от немецких мастеров, изготовлявших музыкальные инструменты. При дворе появляются капельмейстер (Kapellmeister, m), танцмейстер (Tanzmeister, m), хормейстер (Chormeister, m), церемониймейстер (Zeremonienmeister, m). Под влиянием голландской моды в живо-

писи в России в это время развивается портретная живопись, через немецкий язык заимствуется интернациональное слово портрет (Porträt, n), а из немецкого — мольберт (Malbrett, f, Staffelei, f). Появляется глагол «малевать» (malen), правда приходит он через польское посредничество. Слово «маляр» (Maler, m) в русском языке сузило свое значение, это теперь «рабочий, занимающийся окраской зданий, помещений». Иногда, правда, это слово употребляется иронично, пренебрежительно для обозначения плохого художника.

Таким образом, мы можем констатировать, что влияние немецкого языка на русский язык на протяжении XII–XVIII вв. было чрезвычайно велико. В результате целенаправленной государственной политики, ориентированной на привлечение немецких специалистов для развития армии, государства, ремесел, горнорудных разработок и многих других отраслей, лексическая система русского языка развивалась и пополнялась заимствованиями из немецкого языка.

Наиболее сильное влияние претерпели следующие тематические группы лексики: военное дело, судостроение и судоходство, ремесла (металлообработка, столярное дело, строительство домов, изготовление часов, книгоиздательство, портняжное дело, поварское искусство), медицина, государственное и городское строительство, школьная и университетская лексика, лексика науки и искусства. В результате династических браков Романовых с представителями многих немецких государств на основе немецкой лексики развиваются тематические группы «титулы и звания», «придворная лексика», «кухня».

Ранние заимствования XII–XIV вв. наиболее полно ассимилировались в русском языке, многие слова претерпели значительные фонетические изменения в результате того, что заимствование происходило устным путем. Нередко встречаются переводные заимствования — кальки. Более поздние заимствования XVII–XVIII вв., значительная часть военной, медицинской, университетской и общенаучной лексики, в большей степени приближены к языку-источнику. Хотя многие слова и пришли в русский язык из немецкого языка, они являются интернациональными и этимологически восходят к разным языкам. Важно то, что заимствованная лексика не является избыточной и часто не имеет синонимов в русском языке.

В первую очередь заимствуются существительные, количество же глаголов и прилагательных невелико.

Значительная часть слов в силу исторических причин попадает в русский язык из немецкого языка через языки-посредники: голландский или польский.

Нередко заимствованные слова в течение долгого времени сохраняют значение, присущее им в языке-источнике в период их заимствования. Многие слова до сих пор используются в современном русском языке, хотя многие из них уже давно вышли из употребления в немецком языке. Таким образом, русский язык сохраняет слова немецкого языка, которые были в нем в XII–XVIII вв., но в современном немецком языке либо перестали употребляться, либо изменили свое значение, а нередко и форму. Следовательно, по заимствованиям в русском языке можно делать косвенные выводы о состоянии лексической, а иногда и фонетической системы немецкого языка в соответствующий период.

Некоторые из заимствований этого периода уже и в русском языке вышли из употребления, они встречаются лишь в исторической литературе, т. е. превратились в историзмы.

Нередко заимствованное слово изменяет свое значение в сторону его сужения или расширения. Иногда наблюдается переход имен нарицательных в имена собственные, в частности фамилии, и наоборот, — переход имен собственных в имена нарицательные: карлик, фуксия, лодырь.

Процесс заимствования лексики из немецкого языка в русский язык не ограничивается периодом XII–XVIII вв., он активно развивается в XIX и XX вв. Продолжается он и сейчас, правда менее активно.

Список сокращений

- нем. — немецкий
- совр. — современный
- уст. — устаревшее
- ahd. — althochdeutsch
- mhd. — mittelhochdeutsch
- mnd. — mittelniederdeutsch
- f — femininum
- m — maskulinum
- n — neutrum

Примечания

- ¹ *Елисеева В. В.* Лексикология английского языка. СПб., 2005. С. 69.
- ² *Ольшанский И. Г., Гусева А. Е.* Лексикология. Современный немецкий язык. М., 2005. С. 127.
- ³ Sprachdienst. 2005. Bd. 2–3. S. 98.
- ⁴ *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Современный немецкий язык. М., 1957. С. 382.
- ⁵ *Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н.* Введение в германскую филологию. СПб., 2005. С. 224.
- ⁶ *Розен Е. В.* Как появляются слова. М., 2000. С. 8.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. М., 1977. С. 253.
- ¹⁰ *Fleischhauer I.* Die Deutschen im Zarenreich. Gütersloh, 1991. S. 15–120.

Источники примеров

- Большой немецко-русский словарь / под ред. О. И. Москальской. Т. I–II. М., 1969.
- Историко-этимологический словарь современного русского языка / Сост. П. Я. Черных. Т. I–II. М., 1994.
- Кулинарный словарь / сост. В. В. Похлебкин. М., 2000.
- Немецко-русский политехнический словарь. М., 1973.
- Русско-немецкий словарь / под ред. А. Б. Лоховица, А. А. Лепинга, Н. П. Страховой. М., 1965.
- Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов. М., 1975.
- Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова, М., 2004.
- Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale), 1961.
- Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch. S.l., 2000.

Об авторах

Баева Г. А. — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой интенсивных методик преподавания иностранных языков филологического факультета СПбГУ; специалист в области истории и диалектологии немецкого языка, теоретической и нормативной грамматики, а также в лингводидактике и лингвострановедении (Германия, Австрия, Швейцария).

Галич Г. Г. — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского; специалист в области теоретической грамматики немецкого языка, семантики, прагматики, дискурсивной, когнитивной и антропологической лингвистики.

Нефедов С. Т. — доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ; специалист в области теоретической, функциональной грамматики немецкого языка, семантики и прагматики, антропоцентрически ориентированной лингвистики, а также в сфере истории немецкого языка.

Панкратова С. М. — доктор филологический наук, профессор, с 1991 по 2003 г. — заведующая кафедрой немецкой филологии СПбГУ; специалист в области лексикологии, фразеологии, словообразования, семантики, теории валентности и истории языка.

Светозарова Н. Д. — доктор филологический наук, профессор кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ; специалист в области семантики, фонетики, просодики немецкого и русского языков.

Филиппов К. А. — доктор филологический наук, профессор, с 2004 г. — заведующий кафедрой немецкой филологии СПбГУ; специалист в области общего языкознания, фонетики и теоретической грамматики немецкого языка, лингвистики текста и дискурса, а также семантики и прагматики.

Бондарко Н. А. — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора сравнительно-исторических и ареальных исследований ИЛИ РАН; специалист в области истории и диалектологии немецкого языка, сопоставительного изучения языков в диахронии, медиевист.

Голикова Н. А. — кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного Морского технического университета; специалист в области теоретической, функциональной грамматики немецкого языка.

Григорьева Л. Н. — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ; специалист в области теоретической функциональной и нормативной грамматики, контрастивной лингвистики, теории и практики перевода.

Кацкова Т. А. — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкого языка СПбГУ; специалист в области теоретической функциональной грамматики, методики преподавания немецкого языка.

Корышев М. В. — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ; специалист в области истории немецкого языка, теоретической и нормативной грамматики, а также методики преподавания немецкого языка.

Манерова К. В. — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ; специалист в области лексикологии и лексикографии немецкого языка.

Панкратова С. М. — доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, специалист в области лексикологии, фразеологии и валентности немецкого языка.

Пономарева Т. В. — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ; специалист в области лексикологии, фразеологии и словообразования немецкого языка.

Пузейкина Л. Н. — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкой филологии СПбГУ; специалист в области фонетики, диалектологии и лексикологии немецкого языка.

Научное издание

**НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ТРАДИЦИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ**

Памяти учителей — Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум

Редактор *Е. П. Парфенова*
Компьютерная верстка *И. М. Беловой*

Подписано в печать 30.11.2011. Формат 60×84¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 13,02. Тираж 180 экз. Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.
Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.